

ВЕНЕДИКТ ЕРОФЕЕВ ЗАПИСКИ ПСИХОПАТА

ВЕНЕДИКТ ЕРОФЕЕВ

ЗАПИСКИ ПСИХОПАТА

в п е р в ы е ц е л и к о м

ЗАХАРОВ

ВЕНЕДИКТ
ЕРОФЕЕВ

ЗАХАРОВ

ВЕНЕДИКТ
ЕРОФЕЕВ

ЗАПИСКИ
ПСИХОПАТА

в п е р в ы е ц е л и к о м

*Редакция, послесловие,
комментарий и указатель
Алексея Яблокова*

ЗАХАРОВ • МОСКВА

УДК 882-3
Е 78

*Печатается по рукописи.
Авторская орфография и пунктуация сохранены*

Е 78 Ерофеев В. Записки психопата. Первая публикация полного текста. — М.: Захаров, 2004. — 272 с.

Венедикт Ерофеев (1938—1990) прославился в первую очередь как автор поэмы «Москва—Петушки» (1970) и пьесы «Вальпургиева ночь» (1985). Однако в каждом интервью писатель упоминал о своем первом крупном произведении — «Записках психопата» (1957), подчеркивая, что не отказался бы опубликовать его и сейчас. В 2000 году произведение вышло в свет, однако было сокращено в три раза и впоследствии переиздавалось в таком же урезанном виде.

«Захаров» впервые в мире представляет полный вариант «Записок психопата», кропотливо выверенный по авторской рукописи и избавленный от многочисленных ошибок и пропусков, допущенных в прежних публикациях.

ISBN 5-8159-0430-9

УДК 882-21

© Венедикт Ерофеев и наследники, 2004

© Алексей Яблоков, редакционная подготовка, 2004

© Игорь Захаров, издатель, 2004

ДНЕВНИК

14 окт. 1956 г. — 3 янв. 1957 г.

I

«Записки сумасшедшего»

14 октября

Стопп, ...чоррт побери!

Интересно, какому болвану...

Какому дьяволу, спрашивается, интересно меня пугать в третьем часу...

В третьем ли?..

Да, вероятнее всего...

Гм, в третьем... Кто бы это мог быть... Кретинизм же это в конце концов, чорт побери...

Модернизм...

Модернизм? Ха-ха-ха-ха-ха...

Однако, милый мальчик... тебе слишком весело, я бы сказал... и совсем некстати...

Но в расцвете не забудьте, что и смерть, как жизнь, прекрасна и что царственно величье...

Топ... топ... топ... топ... топ...

Топ... Однако. Веселость и романтическая интересность потихонечку покидают тебя, милый мальчик...

Мд-а-а, ...я бы сказал, романтическая обстановочка... ни одного огня... черно... черно, как в заднем проходе Антонины Григорьевны...

Опять оглянуться?

Гм.

А зачем?

Мне это даже начинает нравиться...

Нравиться?

Ха-ха! А ну-ка, проведи по лбу рукой, молчел...
А-а-ага!.. Гы-гы-гы... эх же ты вспотел, молчел... эх же у
тебя художественно вибрируют конечности...

— Злорадствуешь?

— Смешно?

Но в расцвете не забудьте, что и смерть, как жизнь,
прекрасна и что...

Топ... топ... топ...

...царственно величье холодеющих могил...

15 октября

Ни хуя-а-а!

Алкоголь — спасение!

Ни хуя-а-а!

17 октября

«Выбитый из колеи и потому выжитый из универси-
тета и потому выживший из ума...»

Остроумная Григорьевна...

...лошадиный хуй ей в зубы...

18 октября

Сажрем этику!

Раздавим ее лошадиными зубами!

Утопим ее в безднах наших желудков и оскверним
пищеварительным соком!

Зальем перцовой горькой настойкой!!

Ах-ха-ха-ха-ха-ха-ха!!!

19 октября

Шестьсот? Гм. Шестьсот... Предел? Предел.

А то, может, Яуза...

23 октября

Бр-ред сивой кобылы...

24 октября

18/VIII. Кировск

— Брросим! Брросим!

— Не надо норм!

- Надо! Не больше 20-и строк и не меньше восьми!
- К дьяволу максимум!
- Все равно Венька перещепит!
- Ерунда!.. Итак, начнем! Ну, тише, что ли... Даем срок 15 минут!! Рифма и ритм обязательно!! Если хоть одна строка не кончается прилагательным, автор торжественно провозглашается кретином!
- Уррра!!!
- Занявший первое место провозглашается гением, шестое место — идиотом!
- Брось! Начнем! Все равно останешься идиотом!!
- Молчи, Абг'ам!
- Все! Тишина! Я уже засек!
- Ч-ч-ч-ч-ч-ч!

-
- Все, братцы, кончаем! Пятнадцать минут прошло!
 - Еще три минуты! Завершить...
 - Хватит!!
 - У меня бессмыслица, блядство какое-то!
 - У всех, блядь, бессмыслица! Венька, читай первый...
 - Да-ава-й!
 - Только, извините, у меня слишком длинное... и вам недоступно будет...
 - А у кого это доступно-то? Валяй!
 - Хгм.

Хладнокровно-ревнивая,
 Дева юная, страстная,
 Дева страстно-прекрасная,
 Боязливо стыдливая!
 Все томишься, бессильная
 Сбросить сети, сплетенные
 Жуткой жизнью, — Могильною,
 точно пропасть бездонная.

Точно пропасть бездонная,
 Точно призраки странные,
 Вас пугает туманное
 Жизни счастье стесненное...

О не ждите неожиданного,
Не зовите далекого,
Навсегда одинокая
Дева страстно желанная!

Дева страстно желанная,
Вашу участь печальную
Не изменит, безумная,
Даже юность туманная
И мечтанья блестящие —
Не воскреснет бесцельное,
Не проснется мертвящее, —
Нет конца беспредельному!

Нет конца беспредельному, —
Беспредельность бесцельная, —
Как мечтанья бесплодные,
Как напрасность прекрасного,
Как бесстрастность свободного —
И опасность бесстрастного.
Только силы природные —
Сокровенность прекрасного!

Сокровенность прекрасного —
Только лик непрерывного,
Созерцание дивного
И обман сладострастного,
Только звуки желанного,
Море смутно-прекрасное,
Небо вечно-безмолвное,
Ожиданье неожиданного...

Ожиданье неожиданного,
Возрождение бесплодного...
Несказанно-туманная
Нежность силы природного
В вас разбудит желанное
Бытие несравненного,
Благодать неизменного, —
Так не жди же неожиданного!

Так не жди же неожиданного
И не требуй далекого,
Навсегда одинокая
Дева страстно желанная.
Дева смутно-прекрасная,
Боязливо-стыдливая,
До забвенья ревнивая,
До безумия страстная!!!

- Бррраво!
- Брррраво!
- Я свою ерунду отказываюсь читать!
- И я тоже!
- Ерофеев — гений! Урррра!!!

Кировск. 20.VIII

- Ну, сюжет давайте...
- Сюже-эт!!
- Давайте про убийство!..
- Эк ведь сюжетик!
- Ну-ка, Фомочка, начни!..
- Гы-гы...

Иду я однажды по шпалам...

- Ну, идешь, блядь...
- «А ночка темная была», да?
- Ну вас на хер...

Иду я однажды по шпалам,
Вдруг... слышу пронзительный крик!

- На хуй! На хуй!
- Посентиментальней! Венък! Действуй!

Вдруг, слышу пронзительный...

- На хуй! Образов нет! Венька! За 5 минут!

Последний солнца луч погас за камышами,
Безмолвье тайное окутало заливы,
Беззвучно плача, шепчут тихо ивы,
Последний солнца луч погас за камышами.

Деревня мирно спит. Но там, в туманной дали,
Будящий тишину, звенит надрывным воем
Безумный, дикий крик, не знающий покоя...
Деревня мирно спит. Но там, в туманной дали,
Кого-то режут...

— Прекрасная пародия, чорт побери!
— Талант! Талант!
— Би-и-ис! Брра-аво!!!
— Веньк! Свою вчерашнюю штучку прочти нам...
— А ну ее на хуй...
— Боринька! За него!.. «На смерть пса»!
— «Полон жизненной энергии, сердцем жаждущий
гуманности,

В краткой жизни не изведавший тайной муки наслаждения...»

— Не то! Не то! Это «На смерть Сосо»!
— «Боже мой! Внемли рыданиям! Я убит родными
братьями!»
— Это оттуда же!
— Мне последняя строчка нравится:
«Только тихие стенания и неслышные проклятия».
— Веньк! Читай все...
— А ну вас... Стесняюсь...

25 октября

Взаимная ненависть?
Мсть за 6-е октября?
Боже мой, — если это так, то какая идиотская зло-
памятность!
Но ведь было же и 11-е октября!!

28 октября

Абг'ам! Абг'ам!

Повальное.

А им романтика его смерти недоступна.

Ни Мур, ни Муз.

Вернее, ни Муз, ни Мур.

Абг'ам!

Будапешт!!

29 октября

Что ж?

Вот так и стоять всю ночь?

А почему бы нет?

К тому же у тебя в кармане такая милая холодная штучка. И милая, может быть, только потому, что ты до сих пор и не подозревал о ее существовании... А если ее вынуть на свет, как мило она будет блестеть у тебя в руках; пожалуй, даже ослепительней, чем эти фонарные отблески на черной Яузе...

А то, может...

А то, может, пройтись с этой штучкой по комнатам общежития? Взрезать горла всем ненавистным?

Ну, нож — это слишком романтично... Только поэтому я и не стану взрезать самые ненавистные глотки...

Чайником по голове?

Кому?

Гм. Как кому?

Антонине.

Стоит ли портить государственные чайники?!

Портить?

Нет, почему же — портить? Я думаю, ничего не случится с чайником, если им ударить по такой жирной физиономии...

А впрочем, это даже не напускное.

Ненависть?

Взаимная ненависть с примесью тяготения к объекту ненависти?

Именно.

Хм?

Без «хм»! Совершенно искренне!

Ха-ха-ха-ха-ха!

Эк ведь тебя разобрало... Нельзя ли захохотаться про себя?.. Все спят...

Тише... Тише...

Тише, тише совлекайте с древних идиолов одежды...

А все-таки как притягательно блестит Яуза... Гм, Яуза... Похабное имя, я бы сказал; имя, пробуждающее чувственность. И только поэтому, может быть, это мой конец... А впрочем, убежденный славянофил, почему тебе нравится это вызывающе-иностранное звучание? Как иностранное? Разве я когда-нибудь погружался... в... иностранное...

Ха-ха! И он говорит это с таким видом, будто он действительно погружается! Свеситься наполовину с перил моста, диким взглядом смотреть на ночную Яузу и вообразить!..

Почему вообразить? Я действительно...

Нет, вы только посмотрите на него! Он действительно!.. Чем же, интересно, до такой степени бесчувственности пленили тебя эти идиотические блики?

Разве только блики?

А то, может, вон те расходящиеся круги слева...

Круги?.. Не вижу...

Он не видит! И это говорит человек, заявивший, что выпил только двести. Неужели же человек, отравленный алкоголем, безвозмездно получает от природы круги под глазами и утрачивает навсегда восприятие всех других природных кругов?

Хе-хе-хе-хе, любитель мрачного одиночества, однако же ты действительно становишься психопатом... Ты злишься?..

Тебе холодно?..

Нет, ничуть! Легкий озноб...

А то, может, тебе поплотнее закутаться... Милый мальчик, у тебя даже нет шарфа. Как глупо, однако, ты заявил тогда, что у тебя их два! А ведь она хотела...

Хотела... Однако ж и ты стал заговариваться, милый мой... Я же взрезал ей глотку... Как же можно «хотеть»?..

Этого?

Нет, почему этого! Я уж не настолько пьян, чтобы забыть, что речь идет о шарфе...

А не о глотке... Но ведь опять же это романтично, ... — и вы, кажется, предпочли чайник, молодой человек... Нетрезвое предпочтение, я бы сказал...

...Гм... Но ведь я вихляюсь перед самыми окнами почты... Может быть, вы хотите сказать, что я весь — одно сплошное нетрезвое пред-почтение...

Ха-ха-ха! Однако же вы остроумный шутник, молчел...

Шутник?.. Но мне несколько не теплей ни от своих шуток, ни от ваших комплиментов...

Озноб?

Мда... почти лихорадка... Только, ради бога, не приставайте ко мне ни с шарфом, ни с плотным закутыванием... Я вот даже расстегну плащ...

Боже мой! До чего вы остроумно глупы...

...и трусливы...

Труслив?..

Мда!.. Вы, как огня, боитесь банальщины... Вы бродите по ночам только потому, что спят другие; вы ненавидите всех нравящихся вам, потому что вам кажется тривиальным любить любимых и ненавидеть ненавистных, ...вот теперь вы легкомысленно расстегнули свой плащ...

В то время, как другой на моем месте глубокомысленно застегнул бы его...

Ха-ха-ха-ха-ха-ха! Однако же вы продолжаете острить. Не понимаю, почему созерцание ночной Яузы заставляет вас дешево острить и играть словами...

Разве только это?

Да, конечно, конечно, вы бы не прочь обмакнуть гениальные фалды вашего платья в объект вашего созерцания... Может быть, только потому вы так ревностно протестовали против шарфа... Я бы не советовал вам протестовать...

Сейчас?

Ну, хотя бы даже и сейчас! Может быть, вы опасаетесь того, что намокнувший шарф потянет вас ко дну?

Но разве ж можно смачивать только фалды плаща, бросившись с моста... Да и если вы даже не хотите бросаться, а нечаянно упадете, то уж не такая и большая тяжесть — шарф...

Да... но я, кажется, не собираюсь ни бросаться, ни нечаянно падать...

Как?! Вы даже не собираетесь? Вы боитесь озноба?! Ха-ха-ха-ха! Или, может быть, вам это кажется банальным?... В таком случае, извините за любопытство, что же вы хотите предпринимать... Может быть, вам кажется банальным быть самим собой...

Да, но ведь я не жалею себя...

И прекрасно! Но вы тяготите других, — и не лучше ли быть «другим» и тяготить самого себя...

Прекрасная мысль, я бы сказал... но «кем»?

Кем? Хо-хо... Однако ж вам стало жарко, и вы по обыкновению стали восторгаться тем, что вам не нравится... Может, вы хотите заполучить прядь рыжих волос, очки плюс трудолюбие — и спать на второй постели от окна?

Может быть, вам подарить мощные бицепсы, белорусское происхождение и презрение к мировому искусству?

Не хочешь? Гм! Право, я первый раз встречаю такого упрямяца...

Хочешь, я расширю немного тебе глаза, ускорю и развинчу твою походку, заранее перескажу тебе содержание всех романов Хаксли и Олдингтона, — и сменю Бальмонта на Пастернака...

Опять — «нет»?

Хм, но ты подумай, какую возможность ты выпускаешь из рук... Ты сможешь тогда ошарашивать каждого любителя поэзии довольно-таки остроумным рефреном:

Он тебе не муж?

Нет.

Веришь в воскресенье душ?

Нет.

Нравится?

Нет.
Крр-рретин!

Каково? Опять качаешь головой? Между прочим, я бы посоветовал тебе поосторожней качать. Кепка может слететь в воду... Да! Гениальная мысль!

Я совершенно упустил из виду предложить вам перевоплотиться в женское естество!.. Разве уж так трудно укоротить человека, подкрасить ему глаза, затянуть эдаким нежным жирком его круп и прилепить сзади две отвратительные косы... Вы представляете, с каким вождением будут смотреть на ваши меланхолические перси все рекомендованные мною ранее... И вы будете, уже не стесняясь, приходите в их комнату и поверять самому себе тайны страдальческой личной жизни своей... Вы с деланным равнодушием будете проходить мимо трюмо, чтобы, мимоходом окинув взглядом свои округлости и подсчитав их, с удовлетворением убедиться, что все четыре на месте и в смысле полноты бешено прогрессируют... Вы самому себе не будете уже, конечно, угрожать ни ножом, ни чайником и застрахуете свою жирную физиономию, равно как и горло, от романтических и неромантических ударов... Вы сможете тогда подарить шарф самому себе — предохранить себя от озноба и...

...обеспечить большую интенсивность движения ко дну...

Ха-ха-ха-ха-ха-ха! Расшевелил-таки я вас и, по-видимому, напрасно... Пока я рассыпался и бросал слова на ветер, вы лелеяли одну и ту же мечту и совсем не думали отбросить в сторону ваше вздорное желание... Интересно, какой оригинальный способ «бросания» выдумаете вы, молодой человек?... Или, может быть, вы ожидаете, что она сама поднимется к вам...

Кто она?

Я-у-за!!

Яуза? Хе! Извините за нескромный вопрос, но не кажется ли вам, что она и без того поднимается...

Что-о-о? Яуза?!!

Ха-ха-ха-ха-ха-ха! Ох-хо-ха-ха-ха!

Нет, вы только послушайте... ха-ха-ха... этого ппсихопата... ха-ха-ха-ха-ха!

Нет, вы не смейтесь! Я говорю совершенно серьезно... Помните, вы говорили о расходящихся кругах? Помните?! Я вижу их! Вижу! Я рассмотрю их, когда они подымутся выше...

Нет, это совсем не круги!.. Это просто плавают насекомые... Вы слышите меня? Это совсем не круги... это такие крохотные, жалкие насекомые...

...вот посмотрите, как они мило ползают у меня по рукам... Я же говорю вам, что это совсем не круги... Куда вы делись? Monsieur Rassudock, куда вы ушли?

Ах, теперь я все понял... Вы бросились в Язуу... Их-хи-хи-хи-хи... И все-таки я оригинальней вас...

...и все-таки я жалею вас, вам так холодно, ...вас знобит и вам даже не успели подарить шарфа... к тому же лишняя тяжесть так нужна была вам сейчас... она уменьшила бы ваши страдания...

Ах, как мне жалко вас! Вы даже не видели этих милых, крохотных насекомых... Если бы вы их увидели!..

...О, если бы вы увидели их!.. Вы поняли бы, милый покойник, как глубоко вы заблуждались, когда принимали их за круги и как грубо оскорбили вы их этим заблуждением... Они никогда не простят вам этого...

Никогда... не простят...

А ведь они такие мягкие, пушистые... и такие ласковые...

Ах, если бы Вы посмотрели, любимый мой покойник, как они льнут ко мне, как они любят меня... как жаль, что вы сошли в могилу, так и не разгадав всей тайны этих милых животных, которые заставляют меня своей лаской позабыть даже о том, что вода затопляет меня...

Нет, вы только посмотрите, как осторожно они щекочут меня... как они смелы и беспринципны, как мило они шевелятся уже у меня в носу и как поэтому они, наверное, нежно любят Бальмонта...

А-а-а-а-а...

...пчхи!!

31 октября

Ради бога, не касайтесь меня своими грязными руками!..

Зачем это?

Не надо...

Я хочу курить.

7—8 ноября

Чрезвычайно забавно. Почти пятнадцатиминутное созерцание только что извергнутой рвоты неизбежно поставило передо мной сегодня довольно-таки актуальный вопрос:

Имеет ли рвота национальные особенности?

Мысленное сравнение грузинской рвоты, извержение которой я только что недавно имел удовольствие созерцать в метро, — и этой, раскинувшейся похабно передо мной и всем своим крикливым видом с гордостью заявлявшей о своем русском происхождении, — не дало никакого положительного результата.

А впрочем, легкое сходство есть...

И это сходство еще раз заставило меня сожалеть о постепенном сглаживании национальных различий...

Ах, если бы был Сосо!..

10 ноября

Нет, вы только подумайте!

Я не собираюсь преувеличивать!

Нет, это было на самом деле, — иначе зачем я стал бы говорить, что я не собираюсь преувеличивать!

Да, это было на самом деле...

...и я до сих пор помню искаженное ужасом лицо Майи Полидвы, когда на ее спину вскарабкался Курников и провозглашал очередной тост...

...и мне было жалко ее...

...не менее жалко, чем Никонову, которая только что отрезала себе левую ногу и, периодически всхлипывая, лежала в луже крови...

...и я негодовал на Курникова за то, что он тяжестью своего тела заставил исказиться ужасом обычно такое милое и привлекательное личико Майи...

...может быть, вы не верите, что я действительно негодювал...

...но если бы все мое существо не было в тот же миг охвачено огнем благородного негодования, разве ж я мог тогда пропустить мимо ушей восторженные крики Музыкантовой и Савельева, снявших с себя штаны, с невероятным шумом выпускавших воздух из заднего прохода и прославлявших полковника Насера и судороги сладострастия...

...и вы видели все это,...

...и вы знаете, что все это не коснулось моего уха...

...и вы все же продолжаете настаивать и заверять меня, что я видел перед собой только Остаеву...

...да, я видел краем глаза, как она корчилась в родовых муках у ног Ли Фын-лина...

...и я даже не удивлялся тому, что Ли Фын-лин слишком равнодушно воспринимал все окружающее...

...нет, вы не подумайте, что я с вождением смотрел на него...

...напротив, я только удивлялся, как можно, устремив глаза вдаль и мрачно сплевывая, попадать плевками точно на остаевский пуп...

...и я даже проникся уважением к китайской нации...

...а вы испуганно смотрели на огромный живот Остаевой и жалели ее...

...да, вы испуганно смотрели на нее...

...у вас расширились глаза от страха и дрожал подбородок...

...да, да, не отнекивайтесь, как сейчас помню, у вас дрожал подбородок...

...а я не жалел ее...

...нет, я не жалел ее, потому что ее оскаленные желтые зубы и этот грязный оплеванный пуп осквернили мое эстетическое чувство...

...и я жалел себя потому, что не мог пожалеть достойного жалости...

...вы не верите?

Вам кажется, что все это я преувеличиваю?

Но ведь я так ясно ощущал все это...

Так разве ж можно говорить о том, что я преувеличиваю, даже после того, как я заявил, что все это я действительно ясно ощущал?..

11 ноября

Ах, ну зачем же так откровенно?..

12 ноября

И потом — этот свет!
Он не нравился мне!
Мало того — он раздражал!
Нет, он попросту выводил из себя!
Хотелось бешено крикнуть: «к чорту!»
Хотелось встать.
Подойти.
Разбить.

* * *

Не встал.
Пытался привыкнуть.
Тёмнота стала мечтой.
Грезилось — ночь, пустота...
Но грезы потускнели...

* * *

А свет горел

* * *

А свет горел.
Не яркость его раздражала меня.
А бессилие мечты о тьме.
И я плюнул.
Плюнул из темноты.
И восторгался ответным шипением.
И упивался дивной музыкой зубовного скрежета.
На большее я был не способен.
Я упал и закрыл глаза.

* * *

А он все горел, этот свет...
И освещал меня...
И баюкал, и навевал дрему...
И тихо шептал, обещая счастье...
А я, улыбаясь ему, засыпал...

* * *

И для меня все померкло...

* * *

А свет звал...
А свет силился разбудить мертвого...
И слабо стонал...
И тихо плакал, умиляясь своей беспомощностью...

13 ноября

А злопамятностью меня-таки не испугаешь...
Седьмое, восьмое, девятое, десятое?
Только четыре.
И к тому же прошлое.
А не лучше ли вспомнить просто:
Одиннадцатое девятого.
А?

16 ноября

Нет, меня положительно обуревают оптимизм. Едакое идиотическое благодушие и умиротворенность. И, кажется, ничто не может изменить моего настроения.

Даже если завтра Марья Трофимовна будет писать приказ о моем отчислении, я буду восхищаться голубиной жилкой, облакающих ее очаровательную конечность...

17 ноября

— Бе-е-е-э-э!

П-паразитическое хладнокровие! Нет, теперь уже решительно его не раздразнишь...

Ну, хоть моргнуть одним глазом для приличия, что ли... Показать, что злоба и вызывающее поведение постороннего трогают...

Ну, не трогают — ну, задевают, вселяют недоумение...
— Бе-е-е-е-э-э!

Нет, милый мой, я-таки не отстану от тебя, пока ты не разразишься шестиэтажным ругательством...

Я даже подойду ближе, чтобы созерцание нервного подрагивания твоих мясистых волокон доставило мне больше удовольствия...

Их-хи-хи-хи-хи-хи!

Нет, впрочем, я даже сомневаюсь в наличии у вас каких бы то ни было волокон и самого элементарного самолюбия...

Неужели же вы напились до такой степени?

А? Маладой человек, я вас спрашиваю!

Маладой ччеловек!!

Гм...

Извините за выражение, какого хуя вы устремили взор в пустоту? Вы же знаете, что я считаю крайней степенью тупости разбрасывание подобных взоров... А ваше молчание после Альберта Розенбаума ничуть не оригинально...

Может быть, вы принципиально не желаете осквернять себя разговором с пьяным? Может быть, вы дали зарок молчания?

В таком случае, я восхищаюсь вами, мне даже начинает нравиться ваше болезненное молчание...

Вы, вероятно, марксист?

Или наоборот — донор?

А?

Гм...

Извините за любопытство, — в таком случае, как вы относитесь к проблеме создания искусственного спутника Земли? Вы, конечно, считаете это утопией... Вы, может быть, опасаетесь того, что спутник обрушится с высоты на ваш кров и раздавит ваших детей...

Между прочим, у вас есть дети? Да, да, у вас, конечно есть дети и... извините... супруга... Вероятно, еда-

кая пушистая, идейная, начитанная... и любит вас до потери здравого рассудка...

Нет, почему же, вы вполне достойны ее любви... Благодарные очертания, я бы сказал... притягательная шевелюра, небесный взор... Хе-хе-хе-хе-е...

Нет, я бы не прочь познакомиться с вашей семьей и с вашей супругой в частности. Вы, конечно, не откажете мне в удовольствии пригласить вас к себе...

Нет, это совсем не далеко... к тому же, дружеская беседа в обществе прекрасных моих соседей скрасит ваше утомление длительным путешествием...

Представляете, дружеская беседа в кругу... м-м-м... благосклонных к вам... пробки... туманное восприятие мира, дружеское пожуривание полковника Насера и Имре Надя... всеобщее восторжение слабостями человеческими...

А ваша трогательная молчаливость приведет их в восхищение и еще раз заставит их убедиться в моем неповторимом умении завязывать умные знакомства...

Нет, что вы! Избиений не будет...

Мало того — не будет ни единого намека на оскорбление личности. Ведь вы ж уже могли убедиться, что я человек слишком мягкий и гуманный, и склонность к оскорблениям проявляется у меня далеко не каждый день... Впрочем, и последние прощаются мне слишком легко...

Нет, я в этом совершенно убежден, после целого ряда инцидентов с дамой, к которой я питал когда-то небесную страсть...

Нет, вы не подумайте, ради бога, что я и до сих пор «питаю» что-нибудь к этой пышногрудой и толстозадой хандрячке... Что вы!.. Скорее, наоборот...

Вы представляете, эта дама порывалась уже три раза посвящать меня в тайны личных страданий своих. И всякий раз встречала с моей стороны такое грубое безучастие и равнодушие к последним, что немедленно выходила из комнаты, ошарашенная моими неуместными колкостями и грубой бестактностью...

Нет, что вы, я не собирался оскорблять ее; напротив, я извлекал из своего нутра весь запас своей при-

родной мягкости; но ведь вы знаете, что я презираю счастливых и, наоборот, до такой степени идиотизма уважаю всех несчастных, что не могу не захохотать над ними...

Да и как не заденет человека даже осторожная колкость, ежели перед его заплаканными глазами маячат статистические данные пережитых им страданий... Хе-хе-хе-е...

Ах, не считайте меня бездушным!.. Просто хорошее расположение духа выбивает из меня душевность... К тому же в данный момент мои восприятия обостренно-поверхностны, как об этом свидетельствует В-Мир Мур-В, а впечатления бессвязно-четкие, хи-хи...

Я весел, как марш Иванова-Радкевича, и хочу, чтобы и вы были счастливы и хохотали во все горло...

Нет, скажите все-таки мне, отчего вы так сумрачны... вы даже не хотите взглянуть на меня, вы по-прежнему смотрите вдаль... и ваше лицо по-прежнему безучастно... Неужели же вас так зачаровала эта глупенькая ночь...

Вы плачете?

Ах, зачем же плакать? Может, я обидел вас?..

Гм...

Но и разжалобить вас я не хотел... Нет, скажите все-таки, отчего вы плачете?..

Вы слышите меня?!

Ччорт... я вас спрашиваю!!!

Раскройте свою пасть и утрите холодные сопли!.. Наши же занятия — в соплях перерабатывать свой гуманизм!! Чорт возьми!

Вы агент??

Я в вас спрашиваю... ввы — агент?!

Ддьявол!!!!

.....

Граждане! Почему бы мне не заменить эту гранитную болванку чем-нибудь более мягким!!

Я умираю от жесткости!!

Граждане! Не будьте так немилосердны! Дайте мне глоток чего-нибудь бесформенного!

Я жажду воды!! Меня изводит жажда!!

Граждане!! Задушите этих краснорожих молодчиков с цифрой 76!! Мне не нравится запах их штанов! Молю вас — понюхайте! — и вы убедитесь, что это — покушение!

Они хотят испугать меня своими «76», когда меня не страшит даже «24»!!

Где уж им понять, что не я испортил Апакова, а Апаков испортил меня...

В последний раз к вам взываю, граждане! Убедить их в преимуществах обостренно-поверхностных восприятий!!

И мы будем свободны, граждане! И никто не посмеет покушаться на нашу территориальную целостность!!!

Мы вознесемся в высшие сферы и будем извергать кал!!! Хе-хе-хе-хе-хе!!!

19 ноября

«Я не уйду, пока ты мне не объяснишь, для чего ты это сделал! Я не могу понять, как можно оскорбить человека, который желает ему только хорошего! Может, ты хотел соригинальничать... так на этот раз ты просчитался! Мне всю жизнь приходится выслушивать только оскорбления! Ах, как я всех ненавижу! Всех... ненавижу! Я не могу так больше!!

Я только не понимаю, какая цель была у тебя, когда ты это сказал! Интересно, что я тебе сделала плохого, за что это ты на меня взъелся! Тебе-то уж я никогда не хотела плохого!

И я не могу понять, чего хотят от меня все... Чего они ко мне пристали вчера вечером? Какое им дело до моего настроения?! Какого черта они следят за мной... Если я хожу в вашу комнату, то это мое дело, и я не хочу, чтобы это раздували эти дурочки 1-й группы... Как я их всех ненавижу!.. Боже мой, до чего они все глупы! Они даже сами не представляют, до чего они глупы!

И пожалуйста не остроумничай! Мне это уже давно надоело!! Ты думаешь, на меня тогда подействовало твое оскорбление? Ты думаешь, я на тебя злилась эти два дня? Нисколько. Мне только непонятно было, для чего

это нужно было... Потому что меня в жизни первый раз так оскорбили, хоть я никогда и не слышала ни одного хорошего слова...

И вообще я даже почти не помню, как дошла до своей комнаты... И Олька подумала бог знает что, пошла тебя убеждать...

Я бы вообще посоветовала тебе прятать свои чувства в себе, если они только могут быть у тебя... Как бы я ни презирала человека, я бы не стала оскорблять его в лицо, а потом еще в темноте хихикать и издеваться над ним...

А от тебя можно ожидать всего... Теперь ты меня никогда ничем не удивишь... Пожалуйста, теперь тебе предоставлено право: оскорбляй как угодно, ругайся хоть матом... а я буду сидеть и слушать... Ну! Чего ж ты молчишь и пускаешь дым!.. Ругайся, ну! Я готова! На этот раз я уже не выбегу из комнаты...»

Ант. Григ. 11-е, 3 ч. дня

22 ноября

Как явствует из достоверных сообщений Валерия Савельева:

Ерофеев на протяжении всего первого семестра был на редкость примерным мальчиком и, прекрасно сдав зимнюю сессию, отбыл на зимние каникулы.

Не то суровый зимний климат, не то «алкоголизм семейных условий» убили в нем «примерность» и к началу второго семестра выкинули нам его с явными признаками начавшейся дегенерации.

Весь февраль Ерофеев спал и во сне намечал незавидные перспективы своего прогрессирования.

С первых же чисел марта предприимчивому от природы Ерофееву явно наскучило бесплодное «намечание перспектив», — и он предпочел приступить к действию.

В середине марта Ерофеев тихо запил.

В конце марта не менее тихо закурил.

Святой апрель Ерофеев встречал тем же ладаном и той же святой водой, — правда, уже в увеличенных пропорциях.

В апреле же Ерофеев подумал, что неплохо было бы «отдать должное природе». Неуместное «отдание» вверх-

ло его в пучину тоски и увеличило угол наклонной плоскости, по которой ему суждено бесшумно скатываться.

В апреле арестовали брата.

В апреле смертельно заболел отец.

Майская жара несколько разморила Ерофеева, и он подумал, что неплохо было бы найти веревку, способную удержать 60 кг мяса.

Майская же жара окутала его благословенной ленью и отбила всякую охоту к поискам каких бы то ни было веревок, одновременно несколько задержав его на вышеупомянутой плоскости.

В июне Ерофееву показалось слишком постыдным для гения поддаваться действию летней жары, к тому же внешние и внутренние события служили своеобразным вентилятором.

В начале июня брат был осужден на 7 лет.

В середине июня умер отец.

И, вероятно, случилось еще что-то в высшей степени неприятное.

С середины июня вплоть до отъезда на летние каникулы Ерофеев катился вниз уже вертикально, выпуская дым, жонглируя четвертинками и проваливая сессию, пока не очутился в июле на освежающем лоне милых его сердцу Хибинских гор.

Июльские и августовские действия Ерофеева протекли на вышеупомянутом лоне вне поля зрения комментатора.

В сентябре Ерофеев вторгся в пределы столицы и, осыпая проклятиями вселенную, лег в постель.

В продолжение сентября Ерофеев лежал в постели почти без движения, обливая грязью членов своей группы и упиваясь глубиной своего падения.

В октябре падение уже не казалось ему таким глубоким, потому что ниже своей постели он физически не смог упасть.

В октябре Ерофеев стал вести себя чрезвычайно подозрительно и с похвальным хладнокровием ожидал отчисления из колыбели своей дегенерации.

К концу октября, похоронив брата, он даже при-
встал с постели и бешено заходил по улицам, ища но-
чью под заборами дух вселенной.

Ноябрьский холод несколько охладил его пыл и за-
ставил его вновь растянуться на теплой постели в об-
нимку с мечтами о сумасшествии.

Весь ход ноябрьских событий показал с наглядной
убедительностью, что мечты Ерофеева никогда не бы-
вают бесплодными.

25 ноября

Таарищ Музыкантова!
Я ввас люблю пллотски!
Я ххочу ввас нассиловать!!
Хя-хя-хя-хя-хя!!!
И я-таки ввас иззнасилую!!
Ддайте мне ттолько измазать ккоровьим пометом две-
ри зддания Ссовета Министров!
Ххя-ххя-хя-хя-хя-хя-хя!
Уах-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-а-а-а-а!

26 ноября

Ах, зачем это... Не нужно... Не нужно... Ведь мне се-
годня так хорошо...
Так хорошо...

28 ноября

Почему они дрожали?
Какое право они имели дрожать, если они — часть
презирающего?!

29 ноября

Нет, положительно вечер 27-го не дает мне покоя...
Ведь они дрожали...
Почти пять минут...
Мелкой, трусливой дрожью...
И на меня опять пахнуло проклятым апрелем...
Значит, я боюсь...
И с тех пор ничто не изменилось...

И все это было напрасным...
Напрасным...
И то, что я писал 12-го — ложь!..
Нет, я никогда этому не поверю...
Не поверю, потому что был сентябрь...
А это — минутное...

1 декабря

Тогда бы я решился...
И никто бы, еби вашу мать, не посмел доказывать
мне, что это безнравственно!

2 ч. ночи

2 декабря

И когда стемнело...
...я нехотя поднялся, еще раз проверил, хорошо ли
отточен столовый нож, заложил пистолет во внутрен-
ний карман, бросил на подушку спящего Муравьева
стоимость двух галстуков и, натываясь в темноте на оде-
тые стулья, бесшумно покинул...
...в коридоре маячила одинокая фигурка, — судя по
яркости одежды, принадлежащая к противоположному...
...остатки благоразумия не позволили мне отправиться
туда в присутствии...
...и я заходил...
...пока одинокая фигурка не свернула в женский ту-
алет, освободив меня от дальнейшего...
...и я, благословив естественные надобности, не за-
медлил...
...запах жженого лука заставил вспомнить о былых...
...но я поторопился отогнать от себя неуместные...
...и немедленно приступил...
...муравьевские галстуки обладали поразительной си-
лой сцепления, они казалось, специально были созданы...
...и газовый кран открылся поразительно...
...оставалось только, проклиная легкомыслие шофе-
ров, с нетерпением ожидать шума...
...тишина была в затылок, а атмосфера щекотала...
...и синяя впадина дразнила формой и раздражала
смрадным благоуханием...

...меня уже не пленяло новаторство в области совмещения...

...потому что я не мог уйти, не постигнув благодати очередного...

...потому что синева видения убила приближающееся...

...эти две чистейшие ненужности мне все вернули...

...и заставили даже дремлющих облагородить движением...

...и предвкушением прикладывания укрыть смертоносное!!

3 декабря

Mesdames и Господа!

Я осмелюсь выступить в роли пьяного адвоката!

Он не виноват!!

Вы не имеете права обвинять его в порче воздуха! Ведь неэстетностью своей струи он подчеркнул упоительное для общественного обоняния благоухание ваших тел!

Mesdames! Господа!

Он забрызгал ваши чистенькие личики своим калом! И забрызгал без реверанса!

Но это ни в коем случае не дает вам повода обвинять его в негодяйничаньи!

Mesdames! Вы лучше меня осознаете, до какой степени брызги неделикатного кала оттенили белизну и атласность ваших физиономий!

Брюнэтки! Не гневите ваши ляжки! Плюньте на чернобровье! Ведь консерватизм неумолимо преследуется нашим веком! Зачем же разжигать обиходность?! Зачем безнравственно истцеанствовать, если это интенсинирование брюнэтизма!

Господа молодые блондины! Кто вам запрещает поэтизировать стулирование атласностей?! Бронзоватых атласностей! Ведь озноенность «braun»'ом облегчает насилие!

А скользкость излишеств ослабляет их деградацию вашей ротовой полостью!

Зачем же гневить правосудие и Всевышнего!!

4 декабря

Весь под впечатлением Катихинской аудиенции. Чрезвычайно недоволен собой — не мог убедить его в своей искренности.

И все-таки хорошо понимаю, почему взбесила меня его счастливость.

И мои разглагольствования об отвержении всяких признаний, и мое недовольство, выраженное по поводу его «малодушия» заставили-таки обвинить меня в «показном оригинальничаньи»! Ему совершенно непонятно то, что счастье духовно обедняет человека и делает его в высшей степени несчастным!

Нет, посудите сами, господа! Дамочка, к которой в продолжении пяти месяцев этот субъект питал сногшибательно нежные чувства без малейшей надежды на взаимность, сблизается с ним наконец — и второго числа изрыгает признание...

И что же вы думаете? Он послал ее ко всем чертям? Или тем же тоном извергнул сожаление о своем полнейшем равнодушии?

«Зачем»?

То есть, как — «зачем»?

Не из оригинальности, конечно, не из чувства мести, а всего-навсего из боязни взаимности...

А этот малодушный субъект, видите ли, излился... и теперь с упоенной стыдливостью кичится своей счастливостью...

А последняя в два дня настолько отупила его, что он не хочет даже признать своей обреченности на духовное обнищание.

Нет, я положительно потерял всякое уважение к этому «искалеченному счастью», чччоррт возьми!..

6 декабря

Хе-хе, прогресс, я бы сказал!

Комплиментальный прогресс!

6 октября:

«С-с-с-сволочь!» — с кошмарным протягиванием первого свистящего, невообразимым подергиванием и

с выражением полнейшей запуганности, заметным даже в полной темноте...

9 ноября:

«Мме-рзавец!» — несколько ограничив возможности пантомимики и с трогательной дрожью в голосе...

27 ноября:

«Негоддяй!» — с традиционным переходом в вертикальное положение, испепеляющим взором и направлением к выходу...

6 декабря:

просто и лаконично: «Подлец!» — сузив от гнева глаза и пикантно приземлившись на муравьевскую постель, без всякого намека на испепеление...

7 декабря

А я бы все-таки с удовольствием скончался.

8 декабря

Уа-а! Уаа-а!

Пляшут, совокупаются...

И льют, льют...

И обрамляют неполноценных...

Как будто бы Энгельс запретил им!

А сквозь Абажур просовывается долгожданный, разевает рот и как будто гордится тем, что его язык подменили лысиной Руссо...

Я разъярен... (правда? — как это смешно! — я — разъярен!) Ах, нет, право, я совершенно спокоен... ведь волосы тоже спокойны, зачем же волноваться мне...

Правда, Они пляшут...

Но ведь я все равно нанялся, и музыка только импонирует!

Нет, мне бы и в Голову не пришла эта Нелепая Мысль (ну, сами посудите, — нанялся! Тьфу!), но абажурная физиономия пощипывала сомнительность...

И это самое главное: удивительно Правильные черты лица делали его похожим на бульдога

и гармонировали: Шедевры И Бешено Вздернув Ноги! Начни! Начни!

Но я и сам не знал, с Чего же все-таки начать... (А сами-то вы! Гы-гы!)

Я бешено цитировал...

Я массажи сбрасывал с себя Маникюрш...

Но ведь я не забывал, что рассудок Почти невредим...

И я решился...

Я привлек, я САГИТИРОВАЛ Ее Пуп!

Он, Он один спас меня...

Это Он кричал утром (ведь вы помните, как он кричал?.. Не помните?.. Ну, не нужно стесняться... Тю-тю-тю-тю...):

Ррразбуди-ить!

Ррра-азбуди-и-ите!

Рррр...

...Уа! у-а! уаа!

9 декабря

О-о-о! Только последнее и нужно было этим пьяным скотам...

Разом заговорили все...

— Э-этика! Одно слово заставляет меня изрыгать тысячи проклятий по адресу... гм... гм... гм...

— О-о-о-о-о!.. поддержите меня... иначе сей же секунд семья горлодеров, осмеливающихся произносить в приличном обществе это мерзкое слово, численно понесет урон!..

— Господа! А я, между прочим, имею совершенно серьезное намерение детально изучить этику, дабы оградить себя впредь от случайных следований ее законам...

— Ах, господа, зачем толковать о таких неаппетитных вещах! Лично меня мучает один чрезвычайно любопытный вопросик... вот уже скоро 50 лет, как умолкли родовые стенания меня породившей!.. Я просуществовал полстолетия! я пережил 11 министров внутренних дел и 27 революций... — а я все еще силюсь разрешить вопрос, который отчеканит назубок заурядный школьник; дело в том, что я не вижу существенной разницы между удовлетворением полового желания — и физиологическим отпращиванием...

— Кошмарная параллель, я бы сказал...

— Гм, молодой человек, я искренне сожалею, что вам, коллекционеру новейших истин, непонятно то, что выбрасывание половых секретов — не что иное, как заурядное физиологическое отправление... и в этом свете половая любовь предстает чем-то вроде мучений цивилизованного существа с переполненным мочевым пузырем, попавшего в великолепную и не менее переполненную гостиную, узревшего великолепный унитаз и не имеющего возможности извергнуть в него содержимое своих внутренностей!..

— О боже мой! Женщина — чувствительный ватерклозет!..

— Хе-хе-хе! А шестилетняя девочка — комфортабельная плевательница!..

— Лирика — плод томления человека, не знающего, куда высраться!

— Ха-ха-ха-ха!

— Да, да... По крайней мере, в половом влечении я не вижу положительно ничего высокого! Мне лично гораздо более удовольствия доставляет сидение на унитазе после сытного обеда, чем половые наслаждения и ласки самой что ни на есть умопомрачительно любимой, чччорт возьми!.. Ннет, господа, уж лучше срать в унитаз и заниматься онанизмом, чем овладевать предметом бешеной страсти, одновременно испражняясь на пол... Хе-хе...

— О господи! Неужели же нельзя без половых извращений! Меня приводит в бешенство одно слово — «онанизм»!

— А я считаю, что поползновение к онанизму — признак чувственной трусости, да, да, чувственной трусости... В лучшем случае — вторжения интеллекта в неприкосновенную, даже, я бы сказал, святую область эмоций!..

— Ах, какой вы, право, Утонченный Негодяй: я лично, извините за нескромность, чрезвычайно страдаю интеллектностью своих эмоций: но, говоря откровенно, статья профессора Рихтера отбила у меня охоту к поискам новейших методов мастурбации...

— Ох, уж эта пресса! Мне подобные статейки, наоборот, прививают любовь к извращениям; по крайней мере, шофер, изнасиловавший шестилетнюю девочку, в продолжение почти получаса был моим кумиром!..

— Между прочим, я не без успеха подражал вашему кумиру... и я могу вас ошарашить истиной, которая осенила меня в процессе «подражания» — «духовно богатый человек склонен к удовольствиям, не приносящим наслаждения оппоненту — источнику удовольствия»...

— Шестилетняя девочка — оппонент!.. Гм...

— Ну и как, истина помогла вам убедиться в богатстве своего духовного мира?

— Перестаньте зубоскалить, молодой человек!.. и не считайте эрудированность показателем духовного богатства... у вас — искусство имитации мрачного скепсиса и мировой скорби — и тем не менее вы совершенно бездушны!!

— Ах, какое, я бы сказал, глубочайшее проникновение в тайны моей психологии!..

— У вас — психология!!.. Гм...

— Кстати — о психологии! Не встречали ли вы, господа, тип людей, сознательно бегущих счастья и обрекающих себя на страдания, которым мысль о том, что только его сознательные действия превратили его в страдальца и что он был бы счастливым, если бы предусмотрительно не лишил себя счастья, — дает ему почти физическое наслаждение!..

— Это, так сказать, проституция жалости!

— Мастурбация страданий! Ха-ха!

— И кроме того, не заметили ли вы, господа, что совершенно необязательно быть тонким психологом, чтобы прослыть им... Не нужно только уходить из области больной психологии и касаться психически уравновешенных...

— О-о-о! Психическая неуравновешенность — моя мечта! — и, смею сказать откровенно, в мечтах я уже — сумасшедший! О, вы не знаете, что такое бессонница мечты... и мечты, воспаленные от бессонницы...

— Боже мой! Как это плоско — кичиться своей мечтательностью! Лично я, еще будучи младенцем в стадии утробного развития, искренне ненавидел мечтателей!.. Мечты — презрение к воспоминаниям!..

— Ах! В таком случае вы должны восхищаться мной! Для вас я — Заурядный Болван, а ведь я в некотором роде неповторим... Я, может быть, единственный человек, который живет исключительно воспоминаниями... и, смею вас заверить, я — единственное цивилизованное двуногое, тщетно жаждущее найти среди разноцветной груды своих воспоминаний хоть одно — приятное...

— А меня, господа, всю жизнь томит заурядность... О-о! Сколько раз уже я посылая проклятия по адресу Всевышнего и «Исключений из закона наследственности»!.. Я неутомимо удовлетворял похоти самок, пользующихся самой что ни на есть двусмысленной славой — и не заразился триппером! я бешено ударялся головой о Кремлевскую стену — и не мог выбить ни одной капли здравого разума! в продолжение трех суток без перерыва я безжалостно резал свое ухо диссонансами пастернаковских стихов и национального гимна Эфиопии — и, как видите, не сошел с ума!.. Ах, господа, я плакал, как ребенок! Я проклинал чугунность своего хуя, лба и нервов и коварство вселенной...

— Боже мой! Как все это извращенно!

.....
Все мгновенно смолкли.

И мне пришлось почти с благодарностью взглянуть на торжествующего негодяя.

Хотя все произнесенное мне импонировало, унисонило, — как вам угодно.

10 декабря

К дьяволу сентябрь, еби его мать!!!

На хуй «острова»!!!

Если они — не «каждый день», то за хуем они!

11 декабря

Началось!

13 декабря

Начинающие хуесосы! Давайте сообща засирать со-
кровища мировой поэзии!

Ппёрнем! Отравим атмосферу!

Ппёррнем, молодые пиздорванцы!!!

Уэ-э-э-э-э!

За хуем нам «интуиция» и «эмоциональность»!!

Пусть упражняются скоты!

Мы — сухие!

Мы — бездушные, еби нашу мать в задний проход!!

Где уж нам понять утонченность скользкого говна
Марины Цветаевой!!

Отдадим Муравьеву безвозмездно!!

Пусть упивается нюансами!!

А нам, откровенно говоря, срать на космические про-
блемы, которые Вас волнуют!

И мировая скорбь нас интересует не больше, чем
Скороденковские сопли!!

Мы — не читали Олдингтона!

Мы — кретины!!

Мы безнадежно погрязли...

Ах, излечите нас от мелочности!!

Ведь вы так чисты!

И умеете так нежно любить!!

Уы-ы-ы-ы!

А ваши Любимые не ковыряют грязными пальцами
в своих менструальных и сифилисных органах!

Ах, они жаждут мускулистых хуев!!

И серут таким очаровательным кровавым поносом!!

14 декабря

Решено твердо.

Пусть — презрение.

Но — начало карьеры...

Вы еще у меня попляшете, голубчики!

Я заставлю тебя, рыжий хуй, раскрыть флегматичес-
кую пасть!

А ты, толстомордая скотина, узнаешь первый, с кем
имел дело!!

15 декабря

Хватит с меня сегодня и того, что я Музыкантову послал на хуй!..

Мне просто стыдно за Ворошнину.

Стыдно за то, что у нее в Москве — такой отвратительный двойник.

2 часа ночи

16 декабря

Но не это — главное.

Когда они разомкнули, наконец, свои скользкие и липкие губы, — отвратительная нить слюны соединила пасти разнополых...

Пусть для них эта мерзкая сопля — символична!

Но мне-то — мне-то противно смотреть на эту соплю, даже если эта сопля — союз разнополых сердец.

17 декабря

А собственно говоря, какого чорта позавчера я вспомнил о Ворошনিной?

Неужели мне мало августа?

И я не радовался в октябре ее «аресту за преднамеренное устройство взрыва» на 3-м горном участке?..

И ведь это — ее вторая судимость!..

Собственно говоря, я только на зимних каникулах заинтересовался ее выходками... и если бы не статья в «Кировском рабочем», я, может быть, и вообще бы не вспоминал о ней...

Но ведь, что бы там ни говорили, она — моя одноклассница... и притом — единственная из всех наших выпускников, с которой мне пришлось школьничать с первого по десятый класс включительно...

И даже получением аттестата она в некоторой степени мне обязана...

Нет, нельзя сказать, чтобы я действительно питал к ней нежные чувства... А детское увлечение постепенно улетучилось...

Просто — мы несколько откололись от основной массы школяров и в 10-м классе были водонеразливаемы, совершенно не поддерживая связи с классом...

Откровенно говоря, меня пленяли ее хулиганские выходы на занятиях, тем более что я поражаюсь всем скромностию и прилежанием... А после инцидента с ком. билетом она уже бесповоротно стала кумиром в моих глазах... хотя в школе слыла легкомысленной идиоткой с проституционными наклонностями...

Меня же лично мало интересовали ее наклонности... Я даже не удивлялся ее провалу при поступлении в институт и слишком легкомысленному восприятию этого провала. Меня взбесило только ее исчезновение из Кировска как раз в момент моего триумфального возвращения, — я даже не мог похвастаться перед ней поступлением в Величайший.

С первых же групповых занятий в университете меня несколько заинтересовала Ант. Григ. — «усеченная и сплюснутая Ворошнина» — и я искренне ее возненавидел...

В декабре, признаться, я был несколько ошарашен письменными извещениями Бореньки о привлечении Ворошниной к суду за недостойность...

Тем более, что после «самоповешения» отца она должна была несколько охладить свой пыл...

Прибыв на зимние каникулы, я с удовлетворением воспринял экстренное сообщение Фомочки, весь смысл которого сводился к тому, что он (т. е. Фомочка) — может быть, единственный представитель мужской половины Кировска, не испытывавший удовольствия покоиться на пышных прелестях моего кумира... и сразу же вслед за этим сообщение Бориньки о том, что соревноваться с Ворошниной в изощренности мата не решается сам Шамовский...

Я без промедления благословил ее выносливость и изобретательность...

...И единственное, чего я опасался теперь, — случайного столкновения с ней...

Последнее, может быть, и не состоялось бы вообще, если бы 1-го февраля Бориньку, Минечку и Витиньку не пленило звучание одного из шедевров индийского киноискусства.

Сказать откровенно, я слишком туманно воспринимал трели Бейджу Бавры, потому что непрерывная

трескотня соседок, циничная поза сидящей справа Ворошনিной — и вследствие этого тоска по цивилизации убили во мне способность к восприятию классических творений джавахарлаловых подданных...

Назавтра Витинька, удовлетворенно зубоскаля, констатировал: «Ерофеев дико смутился, когда увидел, что Ворошнина покинула веселые передние ряды и в сопровождении трех подозрительных девиц двинулась прямо по направлению к нему, презрительно окидывая взглядом переполненный кинотеатр и неестественно кривляясь»...

Правда, Витинька одновременно выражал сожаление в связи с тем, что они втроем вынуждены были внять вызывающе деликатной просьбе Ворошনিной «поменяться местами» — и бросить меня на произвол пьяных девиц...

И я, признаться, тоже сожалел... Во всяком случае, меня не восхищала перспектива в продолжение двух часов вдыхать запах водки и пережженных семечек изо рта Ворошনিной, невообразимо краснеть и деликатно приобщаться к ее бесстыдной и стесняющей позе... Впрочем, я покинул кинотеатр чрезвычайно довольный собой — я вежливо отказался навестить ее в общежитии и, кроме того, уже не ощущал на себе кошмарного нажатия ее пышных прелестей...

Последующие 8 дней пребывания в Кировске протекали целиком в пределах четырех стен Юриковой квартиры, — в стороне от трезвости, Ворошনিной, снежных буранов и северного сияния...

На первом же занятии по немецкому Антонина Григ. Муз. попала в поле моего зрения, и мне, без преувеличения, сделалось дурно...

В продолжение всего второго семестра я неутомимо прославлял дегенерацию и стиснув зубы романтизировал...

А лето совершенно уронило взбесившегося кумира в моих глазах...

Правда, и я летом числился уже в сознании кировских граждан не как «единственный медалист» и «единственный лениногорец», а скорее как неутомимый со-трапезник Бридкина...

К началу августа я вынужден был выработать иммунитет на восприятие любопытных взглядов — и, между прочим, не без благотворного влияния Лидии Александровны, представшей передо мной уже на следующий день после моего приезда в героический заполярный город...

Правда, в этот раз я несколько удивил ее утратой скромности и смущаемости и удачным ответом на традиционное приветствие...

Она же, в свою очередь, поразила меня изумительной способностью к бесконечному округлению даже при ежедневном воздействии алкоголя и еженощном испытывании давления со стороны комсомольских тел...

Кроме того, разминая онемевшую конечность, я внутренне пособолезновал всем тем, кому приходится здороваться за руку с этой смеющейся скотиной, а внешне сделал неудачную попытку отказаться от приглашения.

В этот день она была несколько сдержанна и даже извинилась, когда случайно вставила мат в сногшибательную характеристику проходившей мимо рыжей девицы...

Два последующие совместные культпохода в «Большевик» несколько нас сблизили, и потому в начале августа я даже без трепета перешагнул порог ее комнаты.

В продолжение 2-х часов я тщетно пытался привыкнуть к одуряющему запаху духов и охотно внимал трескотне своего оппонента...

Сначала я устно выразил восхищение кротостию ее соседки, которую грубое приказание Ворошниной вынудило незамедлительно и безропотно покинуть «постоялый двор кировских Дон Жуанов»...

Потом с напускной неохотой помог ей допить «Столичную» и совершенно искренне восхищался ее изобретательностью в отношениях с посетителями...

Правда, последний ее рассказ настолько меня смутил, что я в продолжение 5-и минут безуспешно пытался согнать краску со своего лица и поднять глаза от стакана...

Дело в том, что как-то весной к ней пожаловали три первокурсника МУ, видимо чрезмерно распаленные хва-

лебными отзывами о ней и подстрекаемые сообщениями о «легкости» ее «уламывания»... И она, радушно встретив пьяных студентиков, не замедлила выкинуть несколько невероятных штук перед их восхищенными взорами... В конце концов, она заставила всех трех пасть на колени и лизать свои подошвы... — и, в довершение всего, прогнала распаленных посетителей, предварительно избив одного за «недостойность»...

И все это — с непременным хохотом, умопомрачительным смакованием фактов и периодическим потягиванием из стакана... Положительно в этот вечер она мне безумно нравилась...

Нет, я совершенно искренне восхищался ее умением требовать у кировских самцов раболепного поклонения в отношении к своей особе... Правда, я с трудом верил ее пьяным рассказам... ведь незадолго до этого она даже попросила меня отвернуться, когда подтягивала чулок...

Я решительно не понимал ее... Созерцая эту самодовольную, милую, пьяную физиономию, я никак не мог поставить ее рядом с той чистенькой первоклассницей, которая сидела со мной за одной партой и поминутно меня обижала...

Часов в 9 я покинул общежитие в состоянии романтически пьяной влюбленности... До самой железной дороги идущая рядом Ворошнина беспрерывно была встречаема насмешливыми приветствиями, которые вызвали в ней почему-то дикий хохот...

Признаться, я был оскорблен, когда уже на следующий день Роцин через Борошню выразил сожаление по поводу того, что мне «не повезло с Лидкой», а Тамаре Васильевне порекомендовали «держат в руках своего медалиста»... Впрочем, я и сам лично убедился 7-ого августа в неизлечимой тупости молодого поколения Кировска.

Меня просто взбесило нахальство ГХТ-товцев, которых не отрезвляли даже пощечины Ворошнинной. А эта отвратительная сцена у киоска даже ослабила мою охоту иметь дальнейшее общение со своим благодетелем...

И главное, меня раздражало ее легкомысленное отношение к своим собственным действиям и к своей популярности... Нет, я совсем не собирался ее убеждать, потому что единственной реакцией на мои убеждения было бы идиотское ржание... к тому же я слишком боялся ее, чтобы решиться на убеждение...

Единственный раз я почувствовал к ней что-то вроде жалости — в воскресенье 12-ого числа на вечере отдыха в Парке... Ее отвратительный вид чуть не вызвал у меня тошноту, — тем более что Бридкин в этот день был навеселе и с полудня неумолимо вливал в меня какую-то бурду, орошая слезами память моего родителя и судьбу единоутробного брата... Веселость моментально покинула меня, когда я узрел в распластавшейся за ларьком девице Лидию Александровну... Ее, вероятно, только что бешено рвало, белая кофточка была вымазана в чем-то отвратительном, мокрое платье слишком неэстетно загнуто... Уговоры Бориньки заставили меня оторваться от созерцания страдальицы... Но удивительно — я совершенно не чувствовал брезгливости, я только бешено ненавидел этих мерзких типов, которые ее споили и, изнасиловав, оставили в грязи под проливным дождем... Придя домой, я снова перечитал полученное накануне письмо Музыкантовой с жалобой на жизненные страдания — и дико расхохотался...

А во вторник мне пришлось вновь возмущаться веселостью Ворошниной... Она бессовестно восторгалась прошедшим воскресеньем, поминутно извинялась за нецензурность — и я, к ужасу своему, убедился, что она и сегодня пьяна ввиду увольнения с РМЗ.

...Нет, ее совершенно не волновало лишение работы, она воинственно восседала на перилах Горьковской библиотеки, жонглируя моим Ролланом и качая ногами перед самым моим носом, и продолжала невозмутимо язвить по адресу МГУ, любви, человечьих страданий, Надсона, Музыкантовой и — моей детскости...

А 16-ого числа, с этого противного вечера одноклассников, началось самое главное... И удивительно то, что я упивался ее действиями, явно рассчитанными на то,

чтобы отравить атмосферу школьным питомцам... Она хорошо знала, что пользуется дружным презрением «девушек-одноклассниц» и тем не менее решила явиться на вечер без приглашения, дабы произвести сенсацию сначала своим приходом, а потом своими очаровательными шалостями.

Правда, наш совместный с ней приход на вечер произвел далеко не сенсацию; я вынужден был констатировать всеобщее уныние и одновременно, затаив злобу, отразить несколько мрачных взглядов... Однако я понял с первой же минуты, что «очаровательными шалостями» Ворошнина — если не произведет фурор, то по крайней мере заставит разойтись эти полторы дюжины впавших в уныние одноклассников.

Последние несколько не были удивлены, когда Лидия Ал. церемониально извлекла из внутренних карманов пальто 2 прозрачных бутылки и цинично заявила, что «даже Веничка» считает их содержимое чрезвычайно полезным для желудка... Я, стараясь усилить невыгодное впечатление, произведенное ее словами, поспешил подтвердить гигиеническую верность гениальной фразы моего кумира...

В продолжение получаса Ворошнина торжествовала... И, казалось, ее совершенно не смущало то обстоятельство, что только я один осмеливаюсь разговаривать с ней и что мы в некоторой степени обособились.

...Захарова своим неуместным затягиванием «Школьного вальса» развязала, наконец, ей руки — и с этого момента я с нескрываемым восхищением следил за всеми ее движениями...

Прежде всего, заслыша робкую «пробу» Захаровой, она дико заржала, вызвав недоумение всех собравшихся, затем флегматично сообщила всем о своем презрении к песням вообще — и, в довершение всего, ошарашила милых одноклассников нецензурной приправой к своему лаконичному признанию... Фурор был неотразим... Я, признаюсь, проникся даже пьяной жалостью к этим девицам, которые — вместо того чтобы прогнать возмутителя спокойствия, — уныло справились друг у

друга о времени, о погоде и стали медленно одеваться... А Ворошнина продолжала неумолимо хихикать, ерзая по стулу и по моей ноге...

Нет, я несколько не жалел о безжалостном разрушении вечера... Я охотно помогал ей смеяться над письмом Муравьева и допивать водку из горлышка. Я так же охотно согласился бы сидеть до конца летних каникул на этой куче ж/д шпал под морозящим дождем и позволять обращаться с собой, как с грудным ребенком... Я преклонялся перед этой очаровательной пьяной скотиной, которая могла делать со мной все, что хотела...

На следующий день я от нее же узнал, что она не могла добрести до своей комнаты — и на лестнице ее мучительно рвало...

Вечер 18-ого числа совершенно неожиданно отрезвил меня... Первый же рассказ, которым меня встретила Ворошнина и который больше походил на похабный анекдот, до такой степени озлобил меня, что я утратил всякую боязнь — и осторожно послал ее к черту... В ответ она по традиции глупо заржала и пообещала завтра же всем сообщить, что она послана к черту самим Ерофеевым...

В тот же вечер ее в совершенно пьяном состоянии и отчаянно ругающуюся вывели из танцевального зала 2 рослых милиционера и препроводили в отделение... При этом ей за каким-то дьяволом понадобилось громко и вопить, что она не виновата и что ее спойл Ерофеев...

Наконец, ее поведение 21-ого числа на «Пламени гнева» вынудило меня даже удалиться из кинотеатра под дружный хохот окружающих ее девиц и всеобщее недовольство зрителей...

С этого вечера я уже совершенно ее не понимал; меня бесило то, что она слишком чутко внимала Роцинской клевете; я не мог себе представить, чтобы Ворошнина мне верила меньше, чем оскорбительным сообщениям заурядного Петеньки; я положительно возненавидел ее...

23-его числа, заметив ее, возвращающуюся из рудника в сопровождении 2-х чумазных подростков, я вы-

нужден был предусмотрительно свернуть вправо и профланировал параллельно. Когда же до меня донесся веселый смех этих трех скотов, гоняющихся друг за другом и осыпающих матом все и вся, мне стало дурно, у меня помутилось в глазах... Я готов был сию же минуту исплевать Заполярье и благословить Московскую непорочность... Меня тошнило от Кировска и от беспрерывного пьянства...

И 24-ого я уже действительно плевался, когда, сидя ночью на скамейке, узрел Ворошнину, проплывающую мимо школы. Я до такой степени растерялся, что не успел убраться в темноту — эта скотина уже предстала перед скамейкой и, умопомрачительно изогнувшись, затрясла передо мной всеми своими прелестями... Я поспешил справиться, что должна означать эта многозначительная пантомимика — она ошарашила меня в ответ довольно остроумным контрвопросом: «Хотите ирисок, Веничка?», — затем, видимо удовлетворенная моим отказом, не меняя дикции, выразила сожаление по поводу того, что более многоградусное осталось дома, флегматично погладила свои бедра и, мазнув меня по лицу всей своей массой, вразвалку направилась к шоссе. А в ответ на свое душевное: «С-с-с-скотина!» я опять услышал это идиотское ржание — и застучал зубами от холода...

Возвращаясь домой, я почему-то вспомнил, как, будучи семиклассником, мелом разбил стекло и потом робко укорял Ворошнину за то, что она взяла вину на себя... Тогда она смеялась ласково, по-детски...

Вечером 26-ого я уже пересекал Полярный Круг, совершенно не вспоминая об утраченном кумире...

В конце октября, уже будучи в Москве, я с удовлетворением узнал о ее аресте и с тех пор ее судьбой не интересовался... Да и, собственно, какого дьявола меня должна волновать ее судьба... если она сама за всю жизнь не смогла выдавить из себя ни одной слезы...

...и ее участь никто никогда не оплакивал...

18 декабря

Пи-и-ить!

Пииииить!

Пи-и-ить, ттэк вэшшу ммэтъ!!!

19 декабря

Ах, стоит ли, право, Валерик, ругать этих молодчиков!

Ну, пусть Леонид Михайлов пытается логически обосновать свое право на именование кретинами всех неприобщенных к мировой цивилизации!..

Пусть Владимир Скороденко, скрипя зубами, неутолимо клянет свое азиатское происхождение и доказывает гигиеничность зебровых галстухов!..

Пусть Владимир Муравьев, обратив свой скорбный лик к зданию Совета Министров, многозначительно потрясает жиденьким кулачком и гораздо более внушительной эрудицией, которая, кроме всего прочего, дает ему возможность упиваться очарованием интуиции и еженедельной боли в висках!..

Плюнь на них, Валерик!

Очаруй Вселенную пикантностью своего «Фи!»

Пошли к черту и Пранаса Яцкявичуса — ведь он уже давно кастрировал Космос и теперь безуспешно пытается завербовать его на должность старшего Евнуха в гареме своих незамысловатых Идей!..

Ах, Валерик, не истощайте себя Сомнениями!

Вы просто недооцениваете обаяния Викторов!

Ведь Виктор Дерягин, в противоположность П.Я., слишком уважает Космос, чтобы подвергать его безнравственному оскотлению!.. К тому же, говоря откровенно, ему не нужен Евнух, ввиду отсутствия Гарема!..

А Виктора Сибирякова не пугает даже безнадежная любовь к Справедливости... (увы! Справедливость слишком холодна к Нему — Он даже не осмеливается ревновать ее к Анастасу!) — Но Ему доставляет почти физическое наслаждение упиваться трогательной взаимностью Александра Терентьева и Непорочной Лойяльности!..

Ах, Валерик, Вы так молоды!..

Проникнитесь же плотской любовью к Владимиру Катаеву! Ведь он из уважения к Чувству Человеческого Достоинства отвергает греховные связи с истощенной Дегенерацией и, полемизируя с Гете и Розенбаумом, считает неперменными спутниками истинного гения флегматический взгляд на кокетство Судьбы и Огненность Волосяных Покровов!..

Да и стоит ли, право, Вам, Валерик, жаловаться на беременность Вечной Идеи! — ведь рядом с Вами, обнажив свои незатейливые Плоть и Сущность, уверенно семенит по жизненной колее Леонид Самосейко — и вам обоим плотоядно улыбаются молоденькие Перспективы!!.

Ах, улыбнитесь и Вы, Валерик!

21 декабря

Шесть дней держалось пятнадцатое.

Двадцать первое — вызывающее прощение.

И даже спокойствие.

И даже ночь.

И все равно — страшно...

Страшно...

22 декабря

Нет, вы представляете!

Сентиментальничать две ночи подряд!

Извращенно сентиментальничать!

Две самые темные ночи!

И внимать! Хе-хе-хе!

В-в-внимать!

Уэх-хе-хе-хе-хе!

Нет, вы только представьте себе!

Я ответил: «Гм...»

Всего-навсего: «Гм»!

И потом: «Ах, вот как!»

Я не пытался сенсинировать!

Задевать обиженных — не в моем стиле!

И все-таки я отказался брудировать!

Потому что только это мне и нужно было!
А самое отвратительное — когда сбываются мечты!

23 декабря

«...не нужно, Венька... слышишь? Не нужно пить... Я не хочу, чтобы ты пил... Я просто не знаю, что может на тебя подействовать, чтобы ты прекратил это пьянство... Я бы с удовольствием сделала для тебя все, только я не знаю, что делать... Веничка, ну дай мне слово, что ты никогда больше не будешь пить... А?.. Я тебя не отпущу от себя, пока ты не дашь слова... Будешь до утра мерзнуть, слышишь?..»

«...Ой, Венька, ты просто розовый младенец... Я просто ужасно хочу, чтобы ты был моим братом... Ну, чего ты презрительно ухмыляешься... А то, понимаешь, у меня никогда не было младшего брата... Ой, Венька, представляешь: я бы делала с тобой все что хотела и ты бы не посмел пикнуть... А то вот ты сейчас сидишь здесь и грубишь... Свободная личность — тоже мне... Вот сейчас возьму и избью... Что-о-о? Что ты сказал?! Ну вот что мне оттого, что ты говоришь такие гадости...»

24 декабря

С отчисления пошло изумительно!
Самосейко НЕУДивлялся...
Катаев окончательно С.Л.А.бел, ИЗВЕРГая комсомольскую верхушку и погружаясь в МИР МАтериализма...
Муравьев изрыГАЛ И НАпивался снова...
Дни розовели, пранасились...
Всепроникающие Факты продолжали фамильярно хлопывать по бедрам мою Радость...
И напрасно я пытался прикрыть Ее икры капроном нарочитой раздражительности...
В глазах сентябрило...
Мечты прельщали ЖЕСТОкой неутомимикой...
Я грубо симпатизировал...
Я был до невероятности наМ.А.Г.ничен...
Я блевал недожеванными кусочками декабря в серенькую урну ноябрьского пессимизма...

Из влагалища моего воображения периодически вы-ползали розовые, кричащие Шедевры...

Неуместная торжественность повсюду меня преследовала...

Я с трепетом раздавался...

Я изнемог.

25 декабря

А — ккатись все к ебеней мматери!!!

26 декабря

Ах, прекратите Л.С. Ведь все это — не так!

Одним словом — скверная чистота.

С 11-и до 11.30. — коллективно составляли новогоднее послание тетушке у дверей 428-й комнаты.

В 11.30. принялись строить умопомрачительные проекты на ночь. Я вынужден был отвергнуть ее предложение пойти на улицу — меня не пленяли перспективы многочасового дрожания на скамейке и даже ее обещание закутать меня в свой платок. В свою очередь, ее не прельстило мое предложение пройтись к окну Полидвы и пропеть ей пару похабных серенад.

В 12 часов я попытался отвернуться от назойливого оппонента и вновь углубиться в «разрушение личности».

С 12.00 до 12.15. — Музыкантиха предприняла несколько попыток лишить меня Горького — любовь моя к Горькому победила жажду романтики и ночных прогулок, я мужественно защитил творения своего любимца от наглых притязаний распоясавшейся хулиганки.

С 12.15 до 12.30. устно выражали недовольство по поводу обилия целующихся пар и восторгались трудолюбием Муравьева. В 12.30., с обоюдного согласия, приняли незамысловатое решение пройтись по мосту через Язу и для разнообразия раздеть пару прохожих.

С 12.30 до 1.00. разочаровывались в последнем решении, жаловались на уличный холод, внутренне содрогались при воспоминании о 2-х прошедших ночах, неудачно острили по поводу поцелуев и похабщины.

В 1.00. Музыкантиха пресытилась долгим стоянием и ежеминутными выражениями с моей стороны (не без

влияния Горького) желаниями быть развращенным похабником.

С 1.00 до 1.15. Музыкантиха яростно намечала перспективы моего дальнейшего существования, а я в высшей степени устно выражал восхищение половой предприимчивостью Альберта Алферова.

В 1.15. устное выражение восторгов заставило пострадать мою шевелюру и одновременно возмутить мое Чувство Человеческого Достоинства.

В 1.20., в отместку за шевелюрные страдания шутиливо определил ее «жирной полуношницей» — и затем, внешне погрузившись в пролетарскую философию, упивался трогательной молчаливостью и похвальной терпеливостью оскорбленной.

С 1.30 до 2.00. выражал недовольство ее мрачностью, убийственно заискивал и лицемерил, предпринимал отчаянные попытки рассмешить оскорбленную и к 2-м часам с удовлетворением констатировал обоюдное ржание.

В 2.00. — решили занять угловой стол и выкурить Рубцова.

С 2.00. до 2.30. дискутировали насчет Космоса нарочито громкими голосами, одновременно констатируя мысленно раздражительное воздействие дискуссии на Рубцова и на Космос.

В 2.30. — облегченными вздохами и пантомимическим хихиканьем проводили до угла изможденного Рубцова — и решили откровенничать и безобразить.

С 2.30 до 2.45. жгли старые открытки, произносили над огнем заклинания, хихикали и осуждали западные моды.

В 2.45. — Музыкантиха доставила внушительную грудку своих фотокарточек, и под угрозой физического воздействия я вынужден был восхищаться каждой в отдельности.

С 2.45 до 3.30. — созерцали фотографии, безнравственно хихикая, пинаясь под столом ногами и осуждая аморальное поведение коридорной пары.

В 3.30. — умственно плевали на фотографии и решили незамедлительно сжечь негодные.

С 3.30. до 4.00. — жгли, меланхолично любовались пламенем, разменивались комплиментами, курили и предприняли несколько неудачных попыток завязать драку.

В 4.00. я вынужден был храбро встретить прилив материнской ласки со стороны моего оппонента и отверг ее полушутливое предложение кровью подписать совместный клятвенный контракт.

С 4.00. до 4.30. — взвешивали все способы вытягивания друг из друга крови для подписания «контракта», дружно осуждали алкоголизм и восхищались мрачностью фланирующего мимо В. Муравьева.

С 4.30. до 4.45. безуспешно пробовали стричь друг другу ногти и столь же тщетно пытались определить, чьи конечности чище и эстетнее.

В 4.45 я презрительно обнажил всю безидейность ее предложения выйти подышать свежим воздухом и посидеть в снегу.

С 4.45. до 5.00 — освятили своим присутствием комнату Никоновой, жаловались на однообразие трофеев. Пили из горлышка лимонад, грызли яблоки, изучали траекторию летящих огрызков; при воспоминании о Мичурине продемонстрировали обоюдный скепсис.

5.00. — совершенно некстати вспомнили 15-е декабря, постигли весь ужас имевшего места инцидента, обменялись мрачными взглядами и не менее мрачными идиоматическими выражениями.

В 5.15. с похвальным единодушием изъявили желание заниматься.

С 5.15. до 5.45. нехотя читали, изредка переихихкиваясь и надменно следя эволюцию трамвайного парка.

В 5.45 дружно протирали глаза и выражали ужас перед лицом Времени и Бессонницы.

С 5.45 до 6.15. флегматично хлопали глазами, курили, лениво друг друга оскорбляли, внимая треску репродукторов и будильников.

В 6.15 — по-прежнему флегматично сдули пепел со стола, пожелали друг другу спокойной ночи и разошлись.

Только и всего.

И все прежние дни — так.

Так что уж и без похабных намеков, Л.С.!

27 декабря

Пусть Время туго обтягивает свои прелести!

Все равно — не прельстит! —

Последние четыре проползут бесследно! —

И <этот отвратительнейший год> с грохотом полетит в пизду!!

6.15. ночи.

28 декабря

«...Он! Он объяснился! Я на крыльях влетела в общезнание и весь вечер занималась с упоением...»

(Р. Гуржибекова, «Дневник», стр. 531)

«...И угораздило же меня, братцы, втюриться в эту Р.Г. ... Тут, понимаете ли, Бомарше на носу, Корнель и все такое прочее... Завтра, понимаете ли, нужно на зачет тащиться с утра, и на последнюю ночь я возложил такие надежды...

И вдруг — на тебе!

Сижу я это, значит у окна, рыгаю шницелем и цежу сквозь зубы: «Экгоф в роли Доримона — настоящий Доримон... Tot linguae quot membra vigo...» вдруг вижу — едакой экстравагантной походкой и со стулом в обнимку приближается ко мне объект моей сессионной страсти... Ну я, понятное дело, без промедления пронзил взглядом ее перси с претензией на осетинскую пышность — и восхищенно процедил: «Этт, в алилуйство мать, а?» Она, конечно же, спервоначалу побледнела, то-бишь похолодела, потом это, значит, эвакуировала в толщу ланит весь запас своих эритроцитов и грузно опустилась на свою ношу...

Я, как истый сибиряк, незамедлительно смекнул, что даже самая развратная женщина, будь то хоть дьявол или студентка МГЭИ, — не будет румяниться, ежели постигнет благоуханную невинность подобной ситуа-

ции — что вот, мол, циничные взгляды подвергают массажу ее прелести и все такое прочее... Я, конечно же, без околичностей допер своим пролетарским умишком, что по нечаянности пронзил взглядом не только перси, но и то, что стыдливо прикрывается оными...

Но ведь вы сами понимаете, что у меня и в мыслях-то моих пролетарских не было охоты так глубоко пронзать... Ну, сами посудите, — начнутся вздохи и шевеления, а у меня Корнель на носу, Расин, Бомарше и все такое прочее... Я, конечно же, внутренне исплевал высокие чувства и невозмутимо продолжал шамкать «Роксолану», периодически рыгая шницелем... А сам все смотрю идиотски на ее эти самые-то, хе-хе-хе, и стараюсь сдерживать в себе и отрывки шницеля и позывы плоти... Но, в конце-то концов, — ведь я мужчина, и неуместное колыхание персей в такой опасной близости, граждане, смутит самого Кекконена... Я, понимаете ли, не мог равнодушно созерцать все эти вещички... Я стиснул зубы и, сдерживая дрожь в голосе, изрек: «Уйдите, милая, и не подымайте во мне»... так и сказал: «не подымайте во мне...»

И вот что, братцы, удивительно — она все поняла и поспешила обвертикалиться; но узрев всю прелесть ее необъятных и тем не менее удаляющихся бедер, — я вспыхнул, я прочувствовал в един секунд всю силу своих животных позывов... и я бы с удовольствием занялся самобичеванием, граждане, но — подумайте сами — завтра зачет, объяснение в деканате, Лесаж, Корнель, Расин, Д'Онэ, Дидро, Вольтер, Бомарше — и все такое прочее...»

(Ю.Романев. «Избранные сенсации» стр. 27)

«И в 24 года — разрушена первая любовь!

Мгновения счастья утекли безвозвратно!..

Сегодняшний вечер окатил меня ушатом холодной воды.

Она сидела с Романевым и любезничала.

И оба были красны и довольны.

За такие дела у нас в лагере морды били.»

(Н.Рубцов. «А уж я ли, кажется...», стр. 31)

«Милый ты мой, у тебя просто нет чутья. Я лично вполне одобряю романеевские вкусы; посмотри-ка на нее сбоку хорошенько — уэ-э-э-э! — а ежели с тыла — так натурально Елизавета Гассекс, Амалия Вейсе и, если угодно, — госпожа Дорсенвиль! Воплощенная кротость! Хе-хе-хе! Неизменный идеал! Непреходящий кумир! Идеолог телесной шедевральности!.. Трам-пам-пам...

Дика как лань, дитя Кавказа,
Пурум-пум-пум. Пурум-пум-пум...»

(В.Скороденко. «Половая аудиенция»)

«Я встал, застегнул ширинку, в последний раз затянулся горьковатым дымом папиросы и вышел в коридор. Необычная тишина заставила меня вспомнить о дневном шуме, когда этот коридор заполняется до отказа веселыми девушками и юношами, — они разговаривают об экзаменах, о любви. Но теперь все было тихо, и только слышны были на лестнице звуки ночных поцелуев. Эти звуки обострили мое одиночество и заставили вспомнить о догорающей любви... Да! Пепел, пепел — вот все, что осталось от ноябрьского увлечения... Погруженный в такие раздумья, я еще раз проверил, надежно ли застегнута ширинка, завернул за угол и вдруг увидел ее...

Она, сука, сидела с Романеевым и о чем-то беседовала... Я хотел было свернуть вправо, но вдруг увидел, как она неожиданно встала и направилась ко мне. Радости моей не было границ, я моментально вспомнил о прошлых ссорах с ней и сразу же простил ей все...

Она тихо сказала «Здравствуй», — и тут я как будто впервые заметил, как она прекрасна. «Какие у нее полные и вместе с тем влекущие, как призывы КПСС, округлости», — сказал я сам себе и затем предложил ей пойти распить со мной бутылку хорошего вина. Она не отказалась и пригласила меня в свою комнату.

Но откуда мне было взять бутылку хорошего вина, если у меня всего-навсего маленькая московской? Я быстро сообразил, в чем дело, влил в старую винную бутылку всю водку, долил красной тушью и катаевским

одеколоном, затем стащил у Спиро сахар и побросал кусочками. Получилось настоящее вино.

Через десять минут она уже открывала мне дверь и с радостью сообщала, что все девочки ушли на 10.45 в кино и что нам никто не будет мешать. Войдя в комнату, я осторожно закинул за петли все три крючка и закрыл дверь на ключ. Она ничего не заметила или, вернее, сделала вид, что не заметила, и это еще больше влило в меня уверенности, что она все-таки еще любит меня.

Я сел рядом с ней и через две секунды уже был опьянен ее близостью. Мы молча сидели, смотрели друг друга в глаза и упивались взаимной любовью. Мы совсем забыли про вино, к моему счастью.

Вдруг она очнулась от блаженного забытья и шепотом произнесла: «Через полчаса придут девочки из кино», — и этими словами как будто говорила: «Чего же ты сидишь? Неужели ты меня больше не любишь?»... И как только я это услышал, я ласково обвил рукой ее прелестную талию. Она ничего не заметила или, вернее, сделала вид, что ничего не заметила, и это еще больше меня возбудило. Я схватил ее в охапку и прижал к своей груди. По небу плыли разорванные облака и ярко светил месяц.

Она всем своим нежным девичьим телом прижималась ко мне, — я ощущал усиленное биение ее сердца и расстегивал ширинку.

Вдруг она сама потянулась к кровати, вытянув свою прекрасную шейку и потянув меня за собой — и я упал на ее стройное девическое тело.

Через две секунды ее туфли и чулки уже валялись где-то в углу, а платье и рубашка где-то в другом углу. Я встал за шкаф и обезопасил свой орган резинкой, а она стояла в трусах посреди комнаты и, опустив руки, смотрела на луну... Вдруг я вспомнил, что она еще в трусах.

На небе ярко светил месяц и плыли разорванные облака. Я встал на колени и сдернул с нее трусы. Через секунду они валялись где-то в углу, а я схватил ее в

охапку и потащил к постели. Я ощутил под своей грудью ее упругие девичьи груди, я впился губами в ее нежные губки и (.....) ляжек. Она лежала молча, закрыв глаза, и только иногда шептала: «Милый! Кгм! Какой вы бык! Кгм!..» Через десять минут мы уже выходили из комнаты... На душе было очень скверно, нам обоим было просто стыдно взглянуть в глаза встретившемуся Муравьеву...

Через 2 секунды я уже заходил в свою комнату, предварительно проверив, хорошо ли застегнута ширинка.

Еще через 2 секунды я уже сидел на своей кровати и затягивался горьковатым дымом папиросы.»

(Л.Самосейко, «Далекие и близкие», стр.436-444)

«За весь вечер один, только один взгляд!

И снова — неудовлетворенность!

И опять эта интуитивная боязнь за благополучие исхода!

Опять эта режущая боль в висках!

Цепь ассоциаций... цепь ассоциаций...

К чорту! К чорту! К чорту!»

(В.Муравьев, «Глубокомыслие»)

29 декабря

О, я хорошо понимал его! Он считал ниже своего достоинства падать на глазах у толпы. Он мог бы присесть, опуститься к подножию, но мороз совершенно его заколдовал. У него не сгибались конечности.

Нет, совершенно серьезно, — у него были красные руки, и он плакал... Я готов спорить на что угодно, что он действительно плакал.

И потом, — я же слышал, слышал эти истерические всхлипывания. Не мороз же выдавливал их из него! И не извержение рвоты, в конце концов, сотрясало ему плечи!.. Неужели же блевота может так бешено содрогать?!

Бросьте вы это! Он не чета вам! Он действительно орошал слезами фонарный столб и теребил его красными руками...

И вы думаете, меня смутили его всхлипывания, — и я дал ему огня?

Хе-хе-хе-хе, я слишком им восхищался, чтобы отравлять его. Я просто плюнул на соседний столб, — идиотски хихикая, потряс четвертинкой и через полминуты уже погружался в Яузский туман...

30 декабря

Да, да! Войдите! Тьфу, чорт, какая идиотская скромность...

Ну, так как же, Вл. Бр.? Вы отказываетесь? А у вас, это, между прочим, так неподражаемо: «...На-а-а земле-е-э-э ве-эсь род...»

А мнения все-таки бросьте, пожалуйста... И «женскую душу», и «женскую натуру» — тоже бросьте... Да и возлагать на меня не стоит...

Другое дело — он!.. Он — исключительность, квинтэссенция благородства... Кстати — «Iupus in...» и в зеленых пятнах! Ах, милый рарап!

О! На вас жилет... и вы благоухаете! Фу, как противно же от вас пахнет... Да уходите же! Уйдите! Слышите? Я не хочу вас! Не хочу!.. Мне противно на вас смотреть, рарап!...

О боже мой! Сколько же можно блевать! И это — после двух крохотных винегретов! Что? Трех?.. Да бросьте вы, не морочьте мне голову... Как сейчас помню, вы проглотили два винегрета — и угрожали ножом взвизгивающей татап... Хе-хе-хе...

А я-таки был зачарован Вашей позой... вы так удачно отеллировали, рарап, и так прохладно матерились... А Юрикино зловещее «Так ее!» разливало едакий благоуханный трепет по моим нервам... Слышите ли?! — нервам!! Хе-хе...

А ведь у меня были крепкие нервы... Я еще не пытался романтизировать... Я был холоден, как... гм... как трупик ошипанного котенка...

Да, кстати, какого хуя я вам толкую о романтизме... Вы мне противны, катитесь к черту! Ах нет, извиняюсь, рарап, сппите с богом... Хи-хи-хи... Что-о?

Что вы сказали, Т.В.? Я?! Но, собственно говоря, их у меня никогда не было и мне попросту нечего растаптывать... Почему же странно? Ведь вы же сами в некоторой мере виноваты... Да! Да! Войдите!..

Заметьте, я говорю — «в некоторой мере» и никого не виню... Ведь даже Вл. Бридкин говорил, что мне приходится тяготиться своей нежностью...

Да входите же, еби вашу мать! А! Это вы! Стоило так долго стучаться! Хе-хе-хе, ну как, что новенького? Что?! Даже откровенничать! Ха-ха! Откровенничать! Обнажаться, значит... Ну, что ж — преподнесем, преподнесем!

Совершенно одна! Хи-хи-хи-хи!.. Да, да, конечно, это до чрезвычайности трагедийно... Единственное — старушка-мать... И не издохла?.. Да нет же, я хотел спросить: «И вы очень ее любите?»... Да неужели?! И вы — не спились, не взрезали перси?.. Ну да, конечно, конечно, «единственное — старушка-мать» и больше никого, совершенно никого... И тем не менее — уходите!..

Да нет же! Не на хуй!.. Просто — уходите...

Да не глядите же на меня так! Чем я, собственно, провинился?.. Бросьте это, А. Г., серьезно вам советую — бросьте!.. Ведь мы же, в конце концов, вчера снова обменялись взаимными плевками и теперь, по меньшей мере на неделю, зарядились злобой... И у меня сегодня просто нет настроения торговать звериными инстинктами... Угу! Всего!

Да, да! А. Г., вас давно сняли с веревки?

...Как! Вас и не поднимали?! Ха-ха-ха! Вы только послушайте, — как она мило острит!.. Значит, вас серьезно не снимали?.. Ах, да! Как я мог снова перепутать? Эй!..

Да нет, это я не вам... угу, до свиданья...

Эй! Лидия Александровна!.. Ну, как вы там? А? Хе-хе-хе-хе-хе! Ах, ну дайте же, я паду ниц! Что? Как это так! — не стоит! Как будто бы я не падал шестнадцатого!..

Фу! Какие у вас ледяные ноги!.. И этот ебанный буран еще раскачивает их! Чччоррт побери, ведь ровно год назад и в такой же буран ОН здесь качался!.. И ваш покойный родитель тоже... ха-ха-ха... тоже! Ах, как вы пла-

кали тогда, Лидия Александровна, как мило вы осыпали матом вселенную и неудачно имитировали сумасшедший бред... Хи-хи... Нет, не врете... Вы не были потрясены! Вы издевались, чччорт, вы хихикали!..

Да прекратите же, в конце концов, раскачиваться... Хоть после смерти-то ведите себя прилично и не шуршите передо мной ледяными прелестями... Я не горбун Землянкин! Хе-хе!.. Вот видите — вы даже можете хорошо меня понимать!.. Когда речь заходит об августовских испражнениях, вы непременно все понимаете...

Ах! Вы уже не сможете теперь испражняться так комфортабельно и так... *непосредственно*... А ведь он, смею вас заверить, трепетал от умиления... И я почти завидовал ему! Слышите ли? — завидовал!! Еще месяц — и я раболепствовал бы в высшей степени... Как вы были очаровательны тогда, тьфу!..

Вы мне позвольте, конечно, еще раз прикоснуться губами... Да нет же! Что еще за буран! Вы — каменная глыба! Вы — лед! И тем не менее вы продолжаете гнуть-ся! Какой же еще, к дьяволу, буран!

Ха-ха-ха, вы притворяетесь, что не слышите меня! Вы нагло шуритесь! Вы — прельщаете!.. Хе-хе... Пррельщаете!

А водка-то льется, Лидия Александровна! Льется, ...еби ее мать!.. щекочет трахею... сорок пять градусов! Хи-хи-хи-хи, сорок пять градусов!.. Шатены... хи-хи-хи... брюнэты... блондины... Триппер... гоноррея... шанкр... сифилис... капруан... фильдекос... креп-жоржет... Их-хи-хи-хи-хи!.. А Юрик-то... помните... кxxx — и все!.. Кxxx! — И все!!! И северное сия-яние! Северное сия-а-ание!..

31 декабря

Все грустите!.. А ведь через шестьдесят — весна... Влажность, температура, настроение — все поползет выше...

Расширятся семенники... Защекочет во влагилицах... Любите...

Не нужно отчаиваться...

11.30. вечера.

1 января

Совершенно ни одной?

И это — «Гастр.»!

ТЬфу!

Опять — получасовое хождение и проникновение за стекла.

...Насилие трупов.

...Насилие новорожденных.

...Насилие статуй.

...Половое влечение к женским теням. Испражнениям. Блевоте.

...Извержение половых секретов в зияющие раны любимого тела.

...Просто насилие.

Стоп! — Справа еще один! Витрина не блещет. Но вторгнуться необходимо. Опять ни одной. Что, не было с утра? — Хх...

И на ответ плюну. Пойду.

...Три тысячи слов с Муз.

...Тысяча — с Мур.

...Пятьсот — с Мих. и членами комнаты.

...Двести — с остальным населением земного шара.

...Ежедневная средняя.

Но, в конце-то концов, вам их раньше привозили? Или виноват склад?

Даже никто не виноват!

Значит — я!

...Испускание слез и мочи.

...Первое символизирует эмоции.

...Второе — интеллект.

...Разница — в процентном содержании циановой кислоты.

...Голова и конечности. Юрий Новиков отдает предпочтение конечностям. Последние обеспечивают большую вероятность попадания в баскетбольную корзину.

...Жидкий стул. Понос. Запор. Юрий Романев стыдится своей гениальности.

Не может быть!

Есть?!

— Без посуды?

— Без посуды.

— Двенадцать шестьдесят.

2 января

Фи, как все это опереттично!

«Венька, ну вот признайся, что ты все-таки меня любишь».

«Ну еще бы... Сидит этакая двадцатилетняя женщина, обтянула себя нижней рубашкой и домой не отпускает... Так конечно...»

«Дурак».

«...Так поневоле влюбишься... Ты бы еще вообще разделась и держала бы при себе еще 2 часа, так я бы и без напоминаний объяснился».

«Дурак».

«Бочка».

Все равно же — неделя разрушена.

И серым Ф. больше не представится возможности обвинить меня в sex арреа-ль-ности.

После второй половины марта.

1-3 января своеобразный финал.

Без ожидания следующей «второй половины».

И без оплакивания финала.

3 января

Вот видите — вам опять смешно.

Вы не верите, что можно вскармливать нарывом. А если бы вы имели счастье наблюдать, то убедились бы, что ЭТО даже достойно поощрения.

И сейчас я имею полное право смеяться над вами. Вы не видите, вы не внемлете моим гениальным догадкам — и не собираетесь раскаиваться.

А я созерцаю и раздраженно смиряюсь.

«Значит, так надо».

«Мало того — может быть, только потому-то грудь матери окружена ореолом святости и таинственности».

Ну, посудите сами, как это нелепо!

Я пытаюсь даже рассмеяться... И не могу. Меня непреодолимо тянет к ржанию — а я не УМЕЮ придать смеющегося вида своей физиономии...

Я сразу догадываюсь — мороз, бездарный мороз. Мороз сковывает мне лицо и превращает улыбку в идиотское искривление губ.

Я воспроизвожу мысленно фотографию последнего номера «Московской правды»... обмороженные и тем не менее улыбающиеся физиономии... Проклинаю мороз и разуверяюсь в правдивости социалистической прессы.

Дальнейшее необъяснимо.

Ребенок обнажает зубы, всего-навсего — крохотные желтые зубы... Обнажение ли, крохотность или желтизна — но меня раздражает... Я моментально делаю вывод: «Этому тельцу нужна вилка. И не просто вилка, а вилка, исторгнутая из баклажанной икры».

Ребенок мотает головой. Он не согласен. Он кичится своей разочарованностью и игнорирует мою гениальность. И эта гнойная. ...эта гнойная — торжествует!

Я вынужден вспылить!

Как она смеет... эта опьяненная сперматозоидами и извергнувшая из своего влагалища кричащий сгусток кровавой блевоты...

Как она смеет не удивляться способности этого сгустка к наглому отрицанию!..

Но рука не подымается. Мне слишком холодно, и я парализован. Я сомневаюсь — достанет ли сил протереть глаза...

Можно и не сомневаться.

Я лежу и выпускаю дым. В атмосфере — запах баклажана. А в пасти хрипящего младенца все тот же сосок, увенчанный зеленым нарывом...

Сам! Сам встану!

ДНЕВНИК

4 января — 27 января 1957 г.

II

Продолжение записок психопата

4 января

Встретив лицом к лицу, робко опустить голову и пройти мимо в трепетном восторге и смущении...

...проводить взглядом удаляющуюся фигуру — и, хихикнув, двинуться вослед...

...осторожно ступая, подкрасться — и нанести искро-сыпительный удар по невидимой сзади физиономии...

...не предпринимая никаких попыток к бегству, по-прежнему робко опустить голову и безропотно упиваться музыкой устного гнева...

...неутомимо льстить, лицемерить, петь славословия, свирепо раскаиваться, яростно извиняться, — пасть на колени и лобызать все что угодно...

...рабским взглядом поблагодарить за ниспосланное прощение и убедить в неповторимости происшедшего...

...на прощание — ласково солидаризироваться в вопросе о нерентабельности поэтической мысли...

...при возобновлении удаления — издали нанести удар чем-нибудь тяжелым — и тем самым обнажить отсутствие совести и способность на самые непредвиденные метаморфозы...

...и продолжая свой путь, заглушать тыловые всхлипывания и мстительные угрозы напевами из Грига.

5 января

Утром — окончательное возвращение к прошлому январю.

Тоска по 21-ому уже не реабилитируется. Нелабильный исход — не разочаровывает.

Даже по-муравьевски тщательное высушивание эмоций и нанизывание на страницы зеленых блокнотов — невозможно.

Высушивать нечего.

Впервые после 19-го марта — нечего.

Пусто.

7 января

Помните, Вл. Бр.? — Вы говорили:

«Ерофеевы — тля, разложение, цвет, гордость. О Гуциных не говорю... Мамаша эта твоя, Борис и сестры — просто видимость, Гуцины, мамашин род... Эти — присутствуют... А Ерофеевыми горжусь... Папаша в последние минуты всех посылал к ебеней матери... а тебя не упоминал вообще... Мать, наверное, говорила тебе?..

Загнулся человек... и мать не успел выжить... А надо бы, надо бы... правильно я говорю?

Ннадо... Еще налить?

Двадцать лет в лагере — это внушительно... И Юрик прямо по его стопам... Водка и лагерь — ничего нового... Совершенно ничего нового... А это — плохо... Скверно... Спроси у любого кировчанина — каждый тебе ответит: Юрий — рядовой хулиган, пьяный бык, Бридкина наместник — и больше ничего... На тебя все возлагают надежды... Ты умнее их всех, из тебя выйдет многое... Я уверен, я еще не совсем тебя понимаю, но уверен...

А за университет не цепляйся... И не бойся, что в Кировске взбудоражатся, если что-нибудь о тебе услышат... Все равно — ты уже наделал шума с этими своими тасканиями, Тамара уже смирилась и мать — тоже...

И не бойся тюрьмы... Главное — не бойся тюрьмы... Тюрьма озверивает... А это — хорошо. Бандиты эти грубые, бесчувственные — но не скрывают этого... Искренность... А ваши эти университетские — то же самое, а пытаются сентиментальничать... Умных мало — а все умничают... Чувствовать умно надо, чувствовать не головой, но умно... А ваши эти все — холодные умники...

Тебе с ними не по пути... Они просуществуют, как твои Гущины...

Они не хотят существовать просто так... Они в мечтах — мировые гении... И, мечтая, существуют... Я знаю этих типов, я сам учился в университете...

и — знаю... Они чувствуют, — когда есть свободное время... И даже сладострастничают — только внешне... Я — знаю...

Они могут доказать ненужность того, чего у них нет... и для них это — признак ума... Главное для них — чистота... чистота своих чувствий... А их, этих чувствий, у большинства, почти у всех — немного — и содержать их в чистоте — нетрудно... Они, эти цивилизованные, будут ненавидеть тебя — говорю совершенно серьезно — ненавидеть! Все запоминай... и всем — мсти... Извини, что я, пьяный, учу тебя — вместо родителя... Ты — особенный, только на тебя и можно возлагать надежды... Главное — избегай всегда искренности с ними, — немного искренности — и ты прослынешь бездушным, грязным, сумасшедшим...

Ты! — бездушный и грязный! Хе-хе-хе-хе...
Налить еще, что ли?»

8 января

О! Слово найдено — рудимент! Рудимент!

9 января

Даже для самого себя — неожиданно:

Оскорбленный человек первый идет на примирение, а я не устаиваю взглядом, спокойно перелистываю очередную страницу «Карамазовых» и — не подымая головы — лениво:

Катись к чорту.

И ничуть не смущает ответное скрежетание:

Ид-диот.

Все — спокойно, умеренно злобно, внешне — почти устало... без излишней мимики, а тем более — дрожи...

Удивительно, что спокойствие — не только внешнее...

По-прежнему шуршат «Карамазовы» — и никакого волнения.

10 января

Через двести тридцать восемь
припп
ппом
мню

и совершенно непопулярно. Цифры и буквы останутся я вникаю и — Хорошо. Первый совершенно пятьдесят шесть. Ожидаю — (благо докани!) — и ласково бкт. Еще не БКТ просто спокойно и боковой стол у лестницы ПОМНЮ! ПОМНЮ! — нужно. Кстати, четвертое лежание и потом — морщины — это тоже хорошо, большая помощь и помнишь на кровати с опять дым, на неделю — (да меньше!) — на пол помогает — и чуть не слезы. Это — так, реверанс...

С первого не нужен верх, это потом, а в начале, в самом начале — ОТТ ФЕ — и уых! — уых! — уых! в центр, не сразу, не сразу... Я даже не шевелюсь и смотрю выделяю (да нет же! — стараюсь — а ты! — выделяю — выделяю! А если бы во втором — не надо девятнадцатой краски):

«С то-ой па-ары кык мы уви-и...»

дились с тобой в сердце радость и парам-пам-пам — ношу и так далее. И я просто слышу и просто запомнилось, светил нет. А был буфет и еще чего-нибудь не ждал (даже и не буфет, а немного скромничаю и в девятнадцать краснота) и не просто так, а СИДЕНИЕ В ГЛАЗАХ и произношение. Гляжу в обруазерll и ЛЕ начинается, — кончил потом с жарой и плохо (кончил, в смысле) даже ме... в смысле, даже ме... в смысле, даже ме... в см (А! ддьявол! — это всегда так, когда старая пластинка! Да подтолкни ты, ччорт!) ...нил и все равно до ТЕМПЕРАТУРЫ УВАЖЕНИЕ потом, когда уже уголков — так и с КРИ (лучше буду — кри) пришел... кри мешает и заставляется... И неважно, двадцать четвертого заглядываю и с дрожью «мол, возьмите» — и можно не впускать, раз уж так раз-дето (уввв!) до кри еще, а больше в мартиззз — ничего.

Последнее в д-м кроме конца — одним словом! Почти до скончания —

Все! Все! И водка! И дым! И все! Домай!

Понятно — я идиот... («жет» — а прошло! — это я так — потому что нечего inform, а так...). И все стремительно до дюж-апр, ВДРУГ дрожь и — в руамуан... И до demonstr! До demonstr! И не ЛЕ — Я! Я сам! И выход — и вниз к стулу — теплота — и хорошо — выход — ХОРОШО — потом, правда, но теперь — лик! ОВАН!

Теперьпопор.

Один плюс четыре. Я сам не знаю но видел! Видел! (Как это называется? — бардуав). Да, да! Вспомнил! Бардуав! (Это ведь я сам изменил, чтобы «уав» было, а на самом-то деле и не «уав»). Взгляды не пугают, а раздраженного в трепет только —

Три плюс два. Теперь уже в дыму, и уголок со стулом — тоже схватило нечаянно и у витрины подымал руку. Чтобы легче. И в постельку! В постельку!! Семь минус два, говорю «почему» и знаю... А «barduaw» — совсем нечаянно, от кружения и. (Видите! — поставил точку после «и» — и еще раз поставлю! назло! — и вот кто мне запретит? Ну вот кто!.. Ну вот кто?) И очень очень слабо, а при ударе даже неловко. А они есть — и внутри «партийно» — это я так, не обращайтесь внимания, — а черная лестница!

А черная (в смысле — задняя) лестница! Восемь минус три, опять горизонт и ТИХО смиряешься... Девять минус четыре, десять минус пять... И — вот! вот! вот! (да поставь в куб и сядь — а то — вот! вот! вот! Еще раз скажи! Кому это нужно твое — вот! вот! вот!) И — вот: одинн (а-а-а, ччорт, опять с «вотами», кретин) одиннадцать минус шесть — (ух) а потом небесно — все ЛЕ и по совету. Так и есть. Взыгралось через несколько, а здесь — воплощенная кротость и едакая (фи-фи-фи) кротость. И потом — laska и едакая (фи-фи-фи-фи) ну пусть опять: кротость. Засыпание безмятежно и в уши: три, два, и один, даже тридцать, эта скверна.

Как у нас в садочке!

Как у нас в садочке!

Ро-озы ра-а-асцве-эли-и!

И поневоле вздергивать и замедление с wertik-ом и тщательно замрешь и на пуховике и под чернотой (слышите — сколько «и» — это ведь я, один все это написал, столько «и»). И знаю, что гордиться можно, потому что приношение не забыл, не знаю точно, но крыша — это исключительно, вернее — сопровождение немного разуверяет, но ведь целомудренность, и поэтому обязательно — нужно, тем более — вверх. И этот — незабываемый! (да ну тебя).

То же самое — и валеты поднимаются пар слева; а духота духота. В начале шесть. Все угарно — и далекий друг и трубы — все угарно (извиняюсь, конечно, ну да уж все — романтики). Святая цифра ничего совершенно. И отплытие скомкало, — правда, три убралось, но уж слишком неправдоподобно (а я ведь и не хотел писать — «неправдоподобно», нужно — «неловко» было написать-то в конце, а я — «неправдоподобно», это я нарочно себя раздражаю, я нервный).

11 января

Каюсь публично! — Пятого числа бессовестно лгал! И эти мои словечки — все ложь!!

И — никакой «пустоты»! Очередное кривляние — только и всего! И я вам докажу, что нет никакой «пустоты»! Докажу!! Сегодня же! Вечером!! Прощайте!

12 января

Темно. Холодно. И завывает сирена.

Отец. Медленно поднимает седую голову из тарелки; физиономия — сморщенная, в усах — лапша, под столом — лужа блевоты. «Сыннок... Извини меня... я так... Мать! А, мать! Куда спрятала пол-литра? ...А? Кккаво спрашиваю, сстарая сука!! Где... пол-литра? Веньке стакан... а мне... не могу... Ттты! Ммать! Куда...»

Шамовский. Отодвигая стул. «Бросьте, Юрий Васильевич, это вам не идет!.. Хотя жены-то постесняйтесь... ведите себя прилично...» Встает, длинный, изломанный, с черной шевелюрой... делает два шага — и падает на помойное ведро...

Харченко. Нина. Лежит в красном снегу, судорожно извивается. «И-ирроды! За что!.. В старуху... Тюррре-э-эмни-ки-и!.. Тюре-е...» Юрий. Невозмутимо. «Пап, заткни ей глотку».

Ворошнин. Вскакивая. «Не позволю! Не позволю! Без меня никто работать не будет! Директора убью! Сам повешусь!! А не позволю!.. Боже мой... Сил моих нет!.. Все, все — к ебеней матери!»

Викторов. Совершенно пьяный. Кончает исповедываться, хватая вилку и, упав на стол, протыкает себе глаз.

Бридкин. Недовольно поворачивая оплывшую физиономию. «А-а-а... опять... москвич... Ну-ну... Ты слышал про Шамовского? Нет?.. Вчера ночью... застрелился... И мне за него стыдно, не знаю — почему, а стыдно... Садись, я заплачу... Эй! Ты! Толстожопая! Еще триста грамм... Застре-лил-ся... Никого не предупреждал, кроме сына... Это — хорошо...»

Юрий. Прохаживается взад и вперед. Пинает все, что попадает под ногу. Взгляд тупой. «Тюрьма все-таки лучше армии. Народ веселый... Вчера в дробильном цехе работали, двоим начисто головы срезало под бункером, все смеялись... и я тоже. Бригадир спойл, ни хуя не понимали, я даже ничего не помню... Я вообще пьяный ничего не помню... и не соображаю... делаю, что в голову придет... забываю вот только вешаться... пришла бы в голову мысль — обязательно бы повесился. Это, говорят, интересно, — вешаться в пьяном виде, один у нас хуй вешался, рассказывал — как интересный сон, говорит...»

Андрей Левшунов. Вдруг поднимает голову и, схватившись за грудь, начинает яростно изрыгать в стакан. В бессилии откидывается на спинку стула; затем неожиданно хватая стакан, выпивает до дна — и снова наполняет. И так — бесконечно, и под хохот одобрения.

Мать. Приподымается с постели, роняя очки. «Муучи-и-ители! Вон! Вон отсюда!! Фаина! Уходи сейчас же! Я смотреть на тебя, суку, не хочу! Юрка — убирайся!! И ты тоже — вон!!» (Мимика Юрия вызывает смех.

Я, поворачиваясь нагло. «Это почему же меня — вон?»
Мать падает на подушки, взвизгивает, рыдает. «О-о-о... о-о-о... о-дин и... издох, дру... другой папаша явился!! Я тебя выброшу вон отсюда, сволочь! В Москве подыхать будешь — ни копейки не вышлю... Ни копе-ейки-и, сволочь ты такая! И счастья тебе никогда не видывать... Слышишь?! Это тебе мать говорит! Мать!!!» (Я, Юрий, Фаина — с хохотом захлопываем дверь).

Ворошнина. Лежит под одеялом. Потягивается. «Ба-а-а... Веничка!.. проходи, проходи, садись сюда... (Валинька! Вышвырнись-ка, милая, на полчаса... угу...) ...да ближе, вот сюда, на постель, какого черта еще стесняешься... Ну, тепло?.. хи-хи-хи-хи... скромность-то где... и по-матерински согреть нельзя... ребенок — и все... может, тебе еще свою титьку дать... вот уж интересно, как бы ты стал сосать... хи-хи... а мне целовать нельзя, — хуй знает — может я вся — заразная, венерическая... Ну, чего ты пугаешься? Уй, какой ребенок... Ну-ка, Веньк, наклонись, от меня пахнет? Нет? Ну — ты, наверно, сам наглотался и не чуешь... Хи-хи-хи...»

Бридкин. Оживляясь. «Хе-хе-хе-хе... Вчера ваш этот, Сашка, был у меня... Слышал? Баба-то недосмотрела... В собственной блевоте задохнулся. Насмерть. Лежал вверх лицом и задохнулся... Все перепились, гады, и не обратили внимания... Жаль, ты вот не пришел... Тебя ждали... А этот теперь уже в больнице. На «скорой помощи» ночью увезли... Все равно уже... Говорят, из легких капустные листья вынимали... Врут, наверное...»

Фаина. Закрыв лицо. «А ты думаешь — я не плачу, я больше ее плачу, если хотите знать, больше всех... Ей «душно»! А мне — нет, что ли? Душно ей!.. Ха-ха-ха! Ведь выдумает тоже — душно!..»

13 января

Сначала — странное помутнение перед глазами. Помутнение, которое бывает у людей болезненных от резкого перехода в вертикальное состояние... Потом и все существо завлакивается той же мутью... И я засыпаю...

Я не просто засыпаю. А засыпаю с таким ощущением, будто усыпление идет откуда-то со стороны: меня

«засыпают», а я осторожно и безропотно, дабы не огорчить ИХ, поддаюсь усыплению... Постель, оставаясь верной традиции, опускается куда-то вниз (в Неизвестность или куда-нибудь еще... — безразлично), — а я словно отделяюсь от нее и на ходу моментально соображаю, что мое «отделение» — совсем даже и не вознесение в бесконечность, а самая что ни на есть заурядная потеря ощущений...

Каждый день я засыпаю именно так — и нисколько не жалею, что широчайший диапазон всех прочих методов засыпания мне недоступен...

А сегодня со мной творится нечто странное. Даже не со мной, а с постелью, которая в категорической форме изъявляет свое нежелание опускаться в отведенную ей Неизвестность... И не только отказывается; а словно издевается над тем, что я не могу, в силу ее статического состояния, теряя одно за другим свои наглые ощущения и потихоньку улетучиваться в Бесконечность... (ну, да ладно, пусть — «Бесконечность»).

Но я ничуть не разгневан. Наоборот, я чрезвычайно доволен тем, что мое ложе наконец-то вышло из повиновения... Это — своего рода восторг, выражаемый по поводу пробуждения национального самосознания чего бы то ни было... Черта, свойственная мне... да еще, может быть, паре миллионов самых оголтелых коммунистов...

Но в данном случае мой восторг несколько умеряется тем, что мой (мой собственный! хе-хе) круп играет незавидную роль горизонтально распластавшейся метрополии и потому не может испытывать особенной радости от созерцания обнаженных суверенитетов...

И самое непредвиденное — и самое раздражительное для меня — это зверский холод, который охватывает понемногу мое ложе и, следственно, — меня самого. Я поворачиваюсь на бок и силуюсь разгадать причины беспочвенного похолодания. Я пробую вслух проследить температурную эволюцию моего ложа — но вслушавшись в свою речь, с неудовольствием замечаю, что с уст моих срываются рассуждения на темы слишком далекие от каких бы то ни было эволюций...

В конце концов, меня заинтересовывает тот факт, что моя устная речь, как будто из презрения к ходу моих мыслей, течет в совершенно другом направлении... Чччорт побери... Значит, я сплю! Сплю! Потому что только во сне может иметь место такой безнравственный разлад!

И мысль о том, что я все-таки заснул, заснул не смотря ни на что, — очаровывает меня до тошноты... со слезами умиления я прощаю своему ложу и отказ от эвакуации в Неизвестность, и попытку спровоцировать температурный путч... Все! Все прощаю! И уже с нескрываемым интересом слежу за направлением своих устных высказываний, кому-то возражаю, озлобляюсь, угрожаю 51-ой статьей...

— Ну да, конечно, я вполне с вами согласен... И удои, и удои повысятся непременно! Еще бы — не повысились удои!.. Ну, уж а это, пожалуйста, бросьте... Где она может помещаться, эта задняя нога... И почему — именно у Кагановича — задняя нога!.. Чорт побери, если бы вы заявили, что у Энвера Ходжи — два хуя, я бы и не стал возражать вам... как-никак, принадлежность к албанской нации — веский аргумент... Но... у Кагановича — задняя нога!.. Это уже слишком, молодой человек!..

Мне, в сущности, все равно, кому я возражаю. Мне абсолютно наплевать, кто мой оппонент — Спиро Гуло, Вавилонская башня или Бандунг... Мне просто доставляет удовольствие разбивать положения вымышленного оппонента — и в пылу дискуссии я имею полное право называть его не только «молодым человеком», но и, если угодно, ослом. Кто, в конце концов, сможет меня убедить, что я имею дело не с ослом, а с Вавилонской башней?

В сущности, и сам предмет нашей дискуссии мало меня интересует; и если бы аксиома о задней ноге не была выдвинута в такой категорической форме, я бы, может быть, даже поспешил солидаризироваться... Но все дело в том, что я не терплю категоричности, тем более если эта категоричность подмывает репутацию

партийного вождя, а следовательно, и международный авторитет моей нации... Я продолжаю дискутировать — из чисто патриотических побуждений...

— Вы говорите — у Кагановича... — задняя нога... Но (дьявол вас поберет и извините за выражение) где же гарантия того, что у Шепилова есть кадык? — или — что у Шепилова не три, а четыре кадыка? И потом — 56 млн. тонн чугуна сверх плана в первый же год шестой пятилетки — это что? Задняя нога?!.. А новогодний бал в Кремле? А отставка Идена! А Низами! А удои! Чоррт поберет, удои! — о которых вы с таким жаром распространялись! — возможно ли все это при наличии у Кагановича задней ноги!..

И меня охватывает неудержимая радость от сознания бессилия моего оппонента и способности моего мышления ко всеразрушающей логичности... В упоении я размахиваю руками, дабы и физически доконать своего противника — и с удовлетворением сознаю, что мои удары приходятся точно по ее (ее!) толстым икрам... Говорю — «ее» — потому что угрожающее движение со стороны этих же икр заставляет меня очнуться и узреть, наконец, и свое состояние, и позу моего загадочного противника...

— Молодой человек! Как вам не стыдно!

Собственно, о каком стыде идет речь? Неужели эта женщина думает, что я лежу перед ней в снегу, только потому что я пьян?! Но ведь я только сейчас почувствовал, что лежу в снегу, — и, может быть, я и вообще не лежу в снегу, а мне просто снится, что я лежу... Нет, пусть она сначала докажет мне, что окружающий меня белый комфорт — не сновидение и что она сама — не Вавилонская башня и не Дух Женева... Нет, пусть все-таки докажет, — а потом уже укоряет меня в отсутствии стыдливости...

— Послушайте, гражданка! — Вы... это... серьезно говорили об удоях?..

Ну вы подумайте! Она еще смеет прикидываться дурочкой! Она, видите ли, не понимает, о чем я говорю!.. Что-о? Вы — студентка Юридического факультета?.. Ну

да, это очень, очень похвально... но не обязывает же это вас, в конце концов, прикидываться ничего не понимающей или разыгрывать роль мраморной Галатеи!..

— И потом: что вам собственно от меня надо? Я же вам кажется убедительно доказал, что ваши рассуждения насквозь нелойляльны...

О-о-о! Она даже не скрывает этого!.. Но если вы не скрываете — для чего же говорить мне о каких-то утренних разочарованиях... Неужели вы серьезно пробуете меня уверить в том, что утром я буду еще в чем-то разочаровываться?.. Или вы считаете меня неизлечимым идиотом!.. (Хи-хи-хи-хи)... Нет, вы послушайте, —

— Вот вы говорите: разочаровываться, интуиция, предчувствие, тревога, симпатия, стремление и пр. и пр. — так ведь это же одна видимость, комбинация звуков, а понятий — нет... вернее, в психике-то нет таких моментов. Я хочу сказать — не просто «нет» — а «не было бы», если какому-нибудь первобытному дурню не посчастливилось бы так удачно подставить одну букву к другой — и не получить что-нибудь вроде «стремление»...

Что? Зад чешется? Ну да, это конечно...

— Но все это я к чему говорю? Да дело в том просто, что эти-то комбинации звуков и действуют на меня, вызывая определенные эмоции... Ну, сами посудите, если бы я не знал слова «разочарование» и не знал бы, что после «р» (непреренно — «р»!) следует «а» (а не «и» и ничто другое) и т. д. и т. д. — разве же могла бы прийти мне в голову мысль когда-нибудь и в чем-нибудь «разочаровываться»...

Да перестаньте же! Ведь я, как-никак, — мужчина...

— И потом — признайтесь! — у вас конечно же часто бывает едакое неуловимое настроение, даже не «неуловимое» — а... «несказанное»... да нет, не «несказанное»... ну да черт с ним; одним словом — признайтесь, вы часто заявляете, что у вас... гм... настроение, не находящее, так сказать, выражения словесного... А вот я вам не верю! Не верю — и все! Где у вас гарантия того, что ваше настроение действительно «не находящее выражения словесного» — если оно не находит словесного вы-

ражения! Потом — само выражение: «не находящее словесного выражения» — это просто отказ от словесного выражения вашего настроения, но никак не его выражение! Значит — нет! Нет у вас ничего! И быть — не может! Все эти дамы вашего возраста имеют обыкновенные хвастаться эмоциональной неуловимостью! А ваше хвастовство — зауряднейшая стыдливость!.. Вы даже себе самой боитесь признаться, что, так или иначе, — а все ваши эмоции, как сдобные баранки, нанизаны на чешуйчатый член какого-нибудь стремительного сына Кавказа!..

Я хорошо понимаю, что говорю нелепости. Говорю нелепости, потому что еще не сознаю толком, сон ли — мои нелепости или в самом деле я околачиваюсь в сквере Стромьинского студгородка. Если я действительно извиваюсь перед этой корректной дамой (говорю — корректной — и закрываю глаза на ее безнравственные почесывания, — оцените по достоинству мою склонность к уважению недостойных!) — если это действительно так, то не могу же я молча пускать дым в носовую полость этой дамы. Но, чччорт побери, если я сплю — зачем напрягать ум и гениальничать? — в конце концов, навеки останется тайной, высказывал ли я во сне мировые истины — или безбожно играл словами! Мало того — я сплю — и никто не имеет права обязывать меня к разговору, я могу замолчать вообще — и никто не будет удивляться моему молчанию, потому что и удивляться в сущности — некому... А что касается этой дамы, так она — (дьявол меня побери, если это не так!) — обыкновеннейший объект моего сновидения и, следовательно, своего рода собственность моей фантазии, — и я имею вполне законное право ею распоряжаться...

Да и не только ею, но и вкусами, наклонностями ее и т.д. и т.д... Почему бы мне не сделать ее женщиной оригинальной, принимающей, например, любую нелепость за гениальную догадку, исходящую от уст партийного руководителя или божьего праведника... Не снизойдет же ко мне в сновидении женщина с твердой и последовательной философской системой — (избави бог!

хотя, заверяю вас, в ее ежеминутных почесываниях было что-то философское и уж, конечно же — последовательное). Да почему бы мне, в конце концов, не представить ее существом зоологическим, способным понимать исключительно лишь язык дворовых собак, — и тогда кто мне запретит встать на задние лапы и лаять по-собачьи? Что бы вы там ни говорили, — а в сновидении я существо вполне суверенное. И потому плюю на все и продолжаю паясничать...

— Вы еще недостаточно ясно, барышня, представляете себе «половую стыдливость»... Это не просто боязнь обнажения. Если вы серьезно считаете, что это исключительно боязнь полового обнажения, то вам просто... несколько не хватает тонкости... Неужели же в общении с представителями противоположного пола вас никогда не охватывала эдакая своеобразнейшая стыдливость — стыдливость, проистекающая от опаски признания со стороны представителя противоположного пола вашей принадлежности к своему полу... Или даже не так: от опасения признания в себе признаков своего пола перед лицом представителя противоположного пола, отрицающим в себе наличие данных признаков... Или — нет... ну, да ладно... Если вы действительно студентка Юридического факультета, то я, пожалуй, поспешу прекратить вдавания в подобные тонкости...

— Вы, кажется, что-то говорили о симпатиях?.. Да, да, я с вами с совершенностью солидарен!.. Обязательно! Обязательно — противоестественность! В самом естестве человека заложена жажда противоестественности — и ваши эти пресловутые «симпатии» — ярчайшее тому доказательство... Обыкновенный примерчик — вы (о, извините, если я буду несколько груб) — вы никогда — никогда! — не почувствуете настоящего, убедительного влечения к мощному звероподобному самцу... потому что сами вы с гордостью осознаете выдающийся (выдающийся до крайности!) характер ваших гениталий... Точно так же — здоровенному самцу гораздо более по вкусу создания легкие, хрупкие, — если угодно: прозрачные, миниатюрные... — и он в то же время с чрез-

вычайным раздражением взирает на переполненные до отказа бюстгальтеры... Половому удовлетворению всегда предпочитается половое упрямство... Это — чисто человеческое; это — оригинальничанье мыслящих...

— Мыслящих! Именно — мыслящих! Потому что даже симпатизирует человек — половым органом с примесью разума! — но уж никак не левым предсердием и не правым желудочком!.. Что? Жар в крови!? (Хм... Отрад-ный факт! Юристка — и... «жар в крови»...) Ну да, собственно, есть и жар; никто не отрицает, что жар действительно имеет место, — но не будете же вы мне возражать, если я замечу, что ваш пресловутый жар вызывается движением бешено несущихся курьеров — от разума к половому органу и от полового органа к разуму!.. И ваше сердце (о, не обижайтесь, прошу вас!) ваше сердце — банальнейший постоянный двор, в котором вышеупомянутые курьеры имеют обыкновение (и довольно похвальное обыкновение) инсценировать пьяный дебош и богохульствовать...

— Вот вам жар в крови и усиленное сердцебиение!.. Вы меня понимаете?

Ну, еще бы не понимать! Она не только меня понимает, но даже выражает полнейшее согласие и игнорирует мое поползновение к грубоватости... Ну, уж а это, пожалуй, лишнее... — издавать мои гипотезы массовым тиражом! — что за убожество, подумайте сами! Вот лечь в постель — это я сделаю с преоткровеннейшим удовольствием... и даже сопроводить вас до комнаты готов с безграничной охотой...

«Лечь в постель»... «с преоткровеннейшим удовольствием»... — но, собственно, зачем мне ложиться в постель, если я уже заснул? и зачем засыпать, если я и без того лежу в постели и сплю... Мне просто стыдно (стыдно!) засыпать во сне — и погружаться в сновидения только для того, чтобы ложиться в постель и снова засыпать!.. Тьфу, что за дьявольщина! Какой черт растолкует мне теперь эту галиматью!..

Нет, ну почему же мне должно быть стыдно чувствовать во сне погружение в сон?.. И нисколько даже не

стыдно! Наоборот, до чрезвычайности интересно! — И вообще, смею вас заверить, во сне все интересно, — тем более когда чувствуешь, что все ваши действия — не ваши... да нет же, черт побери, — ваши! — но действия человека, отчетливо сознающего, что все происходящее — сон и потому получающего неограниченные возможности в области изучения своих сонных действий...

Ну, вот неужели мне не интересно знать в данный момент, какое движение произведет моя передняя конечность, — тем более что я не властен над нею... Неужели же не любопытно: быть самому вершителем — и одновременно наблюдать себя со стороны! Чрезвычайно! чрезвычайно любопытно!..

— Послушайте, гражданка, вы все-таки не верьте себе... Не верьте, что вы его любите... (я говорю просто так... меня заставили говорить — и я говорю... (заставили!)... Я с любопытством внимаю каждому своему слову — и не знаю, что последует за этим словом... Я мучаюсь незнанием того, какое же следующее слово вытянут из меня... Я смеюсь над своей беспомощностью — и радуюсь тому, что эта беспомощность — только во сне...) Вы все-таки не верьте, что любите его! Вы просто убеждаете себя, что любите! Человек не может любить, он может только хотеть любить того или иного человека — и в зависимости от размера охоты — убедить себя в большей или меньшей степени в том, что он действительно любит данного человека! Вот вы — вы совершенно убеждены, что вы его любите... Но — представьте себе — вы попадаете под трамвай, обрушиваетесь с небоскреба или выигрываете 100 000 рублей по облигации государственного 3%-ного внутр.<енного> выигрышного займа!.. — Как бы вы меня не уверяли, но в данный момент вам такое же дело до него и его эмоций, как моему мизинцу на левой ноге — до эволюции звука «и» в древневерхне-немецком наречии... Потому что у вас нет, нет времени убеждать себя в том, что вы любите его!..

И почему я уверил себя, что все эти словоплетения вливаются в меня со стороны? Если я все-таки не

сплю, — то кто же помешает мне сейчас быть *самим собой*, исплевать «это пресловутое внешнее воздействие, взять в собственные руки инициативу», — и ударить в затылок эту чересчур уж любящую женщину?.. Ну, а если (боже!) я действительно заснул, — так это опять же до невыносимости интересно — видеть себя во сне прикидывающимся неспящим и одновременно наблюдать со стороны, как же это я буду освобождать себя от наблюдения со стороны!..

Опять парадоксы! Но, черт побери, они давно уже надоели мне, эти парадоксы!.. Я устал!.. Устал! И если бы положение мое действительно не было парадоксальным, я бы давно уже махнул рукой на все и лег спать... («лег спать»!.. Ддьявол!!)

— Извините, гражданочка, — это ваша комната?.. Ну, в таком случае я отказываюсь бить вас в затылок и удаляюсь со стремительностью существа нравственно гармонического!.. Спокойной ночи!..

В конце концов, я даже не рад, что освободился от этой дамы... Кто бы она ни была — объект сновидения или комплекс явных ощущений — но она могла бы внести некоторую ясность в вопрос о моем теперешнем состоянии!.. А сейчас я разрываюсь от непонимания! — и одновременно от незнания того, разрываюсь ли я во сне или действительно разрываюсь от непонимания своего теперешнего положения и причин разрывания!!

Ннет, господа, я обязан сейчас же заняться делом практическим — иначе я сойду с ума! Во имя спасения собственного разума — я должен, я обязан гладить брюки, в конце концов!..

Выгладить брюки... тщательно выгладить... — и завтра утром найти их неглаженными!! Это — невыносимо! Это — хуже сумасшедших перспектив!..

...Хе-хе... Выгладить брюки!.. Это гениально! гениально! — «выгладить брюки»!.. Нет, черт меня возьми, это действительно гениально задумано! Я сию же секунду исплюю парадоксы и примусь высасывать все возможное из электронагревательных даров цивилизации!.. И если завтра утром я обнаружу свои брюки действитель-

но выглаженными, то какой же дьявол заставит меня сомневаться в явности всего происшедшего... ну а если они в прежнем состоянии будут покоиться на спинке моей кровати, то... ну конечно! конечно!..

...Я раздеваюсь, аккуратно складываю брюки, ложусь, традиционно погружаюсь в сон, — все прекрасно, по исстари заведенному порядку, без внешних помех, без стука, без размышлений и парадоксов...

...Но — пробуждение!.. пробуждение!! Если бы я очнулся в образе Петергофской статуи или Валаамовой ослицы, я не был бы так раздосадован! Но... представьте себе! — проснуться в штанах!!! — это мучение! это сумасшествие! бред! средневековая фантазия! И все что угодно!.. Это, в конце концов, — пробуждение во сне! Да, да, пробуждение во сне! Я не проснулся — мне приснилось, что я проснулся!! Приснилось!! В таком случае — будьте вы все прокляты, но я не завидую тем, кому каждую ночь снятся пробуждения!!

Я вскакиваю, я хватаю себя за горло — и пробуждаюсь окончательно!..

...«Окончательно»!.. А кто сумеет уверить меня в окончательности моего пробуждения! Тем более что мне каждый день снятся люди, пытающиеся доказать явность моих манипуляций!.. Тем более что...

Но... боже мой... боже мой... неужели же мне без конца хватать себя за горло и из-за легкого каприза моей постели осуждать себя на вечное самоистязание?!!

12 ч. — 6 ч. ночи

14 января

— Да что вы, Александр! Какой я, собственно, декадент?! Тем более — футурист!.. И почему это вы меня причисляете к «четверке»?.. Все эти — люди как-никак интеллигентные, эрудированные, практические... Что? Я — эрудированный?! Да ну вас! У Самосейки — гораздо более обширная эрудиция... И талантливости нет... Немножко знания извращенной психологии люмпен-пролетариев, тяготение к извращениям и больше ничего... «Почему тяготение?» Не знаю, натура... Могу сказать больше: единственное, что я уважаю — грязь и темно-

та — во всем... Да нет, не среда... Среда меня не коснулась... «Что...» это даже не важно... Я? Больше всех на курсе? — Очень может быть... даже не сомневаюсь... а «почему»?.. опять же — «не важно»... даже не «неважно» — а «так просто» и «вам не понять»... Ну что ж, буду валяться и в канавах... Обязательно буду... Что же касается извращений — так это издерганные нервы, одним словом — психология... И «футуристы» не поймут... даже — «тем более не поймут»... и Муравьев — тоже... А Михайлов и Скороденко — это уж совсем не то... Это — капризы... Повлиять? На меня? — Да, нет, никто... А эта жирная — тем более... Она? Да ну, бросьте... Мой идеал — женщина-самка, женщина-садистка, падшая и бесчувственная... и уж никак не мученица... Я — «прогрессирую в слишком туманном направлении»? Ну, уж в не настолько «туманном»!.. А у вас как, Сашенька?.. Все благополучно?.. угу... Спокойной ночи!

15 января

Мапан не умрет. И через месяц — не умрет.

Хотя бы потому, что я слишком люблю, когда умирают...

И потом — для восьми последних месяцев не слишком ли много смертей?..

16 января

«Эй! Венька! Уберись-ка ты со стулом в свою комнату, — а то эта Музыкантова всю ночь будет ходить в уборную...»

2/1. Г.С.

«Ничего не понимаю!.. Мне мерещится, что ли? Посмотри-ка, Сашка... Она проходит мимо, Венька сидит, — и ни один друга не замечает!»

7/1. Г.С.

«У нее уже, так сказать, к футуристам симпатий нет... И даже к Венедикту... Теперь все Малютин, Рубцов и Тереньтев...»

8/1. В.С.

«Сойдутся ведь два психопата... Уцепились вот каждый за 5-е января и знаться теперь не хотят... Чего это особенного — 5-е января... Вы даже и не говорили друг с другом пятого... Только выдавили из себя в шесть утра: «Пойдем, что ли?» — «Пойдем» — и больше ничего».

9/Л. Н.

«Ну почему «на хуй»! Почему на хуй! Ведь она тогда всю ночь перед 5-м январем не спала... А ты — «на хуй»!..»

9/Л. Л.Ф.

«Ты бы уж поздравил ее, что ли, с днем рождения... А то совсем забыл девочку...»

15/Л. Г.С.

«Ну, это даже смешно — целых десять дней не разговаривать... И оба довольны... Даже глупо».

16/Л. Г.С.

16/Л. 1.30 ночи

— Здравствуй, Венька... Это ты что читаешь?..

— Так... «Братьев».

— Что?

— Карамазовых.

— А-а-а... Ну как у тебя дела... с заочным и вообще...

— Да так.

— Ну как — «так»? Расскажи, что ли...

— Ну — все хорошо... Только не мешай, ради бога, читать...

— Да я и не мешаю...

— Чорт тебя поberi — «не мешаю»!.. Шла бы да занималась... Опять ведь провалишь...

— Ну и что ж... и пойду... А у меня вчера день рождения был...

— Угу... Ну иди, что ли, к черту...

— (уходя) Оссссел!..

— Хе-хе-хя-хя-хя...

17 января

«Главное — занести руку, а ударить — ...почти бездумно... это легко...» И в шевелениях рук — гордость. Эти руки убили трех. Парадоксально то, что все три — женщины. И две — совершенно невинные. Третье убийство — единственное, за которым последовало раскаяние... И «ручная» гордость — понятна.

Точные детали университетского инцидента до сих пор остались невыясненными. Единственно кто располагает достоверными сведениями, — так это Ст. Ш., внесший своими новогодними излияниями некоторую ясность в вопрос о начале Б-ской карьеры. Ясно одно — жертвой убийства оказался объект нежных помышлений самого Б., — вполне невинная 19-летняя студентка, не сумевшая, впрочем, оценить по достоинству весовую категорию Б-ской эмоциональности.

Неизвестно, пользовался ли Б. взаимностью, но имевший место инцидент убеждает в противном. Впрочем, даже и не убеждает, потому что Б-ская психология никак не входит в рамки человеческой.

Убийство было совершено в апогее самой невинной ситуации. Злополучный «объект» освятил своим присутствием квартиру Б. накануне его отъезда в Петрозаводск, никак не предполагая, что в тот же вечер вынуждена будет с наименьшим успехом «освятить» мертвецкое отделение Ленинградской больницы.

Первый удар Б. был неожиданным, вероятно, и для него самого. По крайней мере, невинное перешучивание и совместная упаковка чемоданов никак не могла быть источником Б-ской злобы. Удар был нанесен неожиданно, из-за спины, в тот момент, когда «невинная» тщательно кропила одеколоном содержимое чемодана; — она мгновенно рухнула на пол и (удивительно!) совершенно безропотно, без единого крика принимала на себя все последующее.

Неизвестно, какие инстинкты руководили Б., когда он ударял сапогом по любезным его сердцу ланитам и персям. Он бил долго, равнодушно, выбивал глаза, обес-

формивал грудь — и в заключение без устали наносил удары в ее «естество» с серьезностью животного и удивительно механически...

Второй «инцидент» был еще более неприглядным... но зато менее юмористичным, чем третий... Два месяца психиатрической больницы и затем 3 года тюремного заключения несколько обогатили Б-ский жизненный опыт и обострили наклонность к романтике. Что и не замедлило сказаться после второго побега из заключения...

Этот инцидент был действительно романтическим, — тем более что имел место в пригороде только что выстроенного Кировска...

Возвращаясь однажды из Апатитского «Буфета» и имея чрезвычайно неприглядный вид, Б. тем не менее мог даже в темноте явственно различить распластавшуюся в переполненной канаве пьяную женщину... Побуждаемый жадой не то полового общения, не то общения с равными, он не замедлил свалиться туда же — и в течение, по меньшей мере, пяти минут усиленно предавался побуждениям инстинкта в талой воде, снегу и помоях...

Утреннее пробуждение несколько Б. разочаровало. Он с явным неудовольствием узрел перед собой женщину почти старую, с лицом изрытым оспой и залитым «обойудной» блевотой... Неудовольствие перешло в бешенство, которое и побудило Б. без промедления выползти из канавы, наступить на горло ночной подруги, вероятно уже мертвой, и до отказа погрузить ее физиономию в скользкую весеннюю грязь...

Этот рассказ — у рарап вызывал почему-то дикий смех. Мне же гораздо более смешным и нелепым казалось третье убийство. К тому же призыв на фронт ограничил Б-скую ответственность за его совершение — до 2-х месяцев тюремного заключения...

Уже будучи человеком свободным и осуждающим чистоту и трезвость северной цивилизации, он (Б.) буквально — «нашел» в одном из захолустьев Кандалакши законную спутницу жизни. Ничем примечательным, кроме персей и склонности к тихому помешательству, она

не обладала, — и самое неудобное в этой склонности была непериодичность ее проявлений.

Но для Б. — это была «единственная любимая» им за всю жизнь женщина. И он неумоимо угождал ей и потакал всем ее странным прихотям...

Как-то ночью она осторожно соскользнула с постели — и в ночной рубашке принялась ходить по эллипсу, поминутно останавливаясь и извергая содержимое кишечника, — что не мешало ей, впрочем, беспрестанно напевать «Вдоль по улице метелица метет...»

Супруг лежал спокойно и по обыкновению курил папиросу. Но когда оригинальная «спутница» опустилась на колени перед портретом Косыгина и меланхолично зашептала: «...задушите меня... задушите... задушите...» — Б. несколько вышел из состояния задумчивости. Он аккуратно стряхнул пепел на бумагу, встал... И задушил.

18 января

Господа! Да я просто не знаю, в какую сторону обратиться свое исправление!

Ну, посудите сами!

По одной версии я — «морально истощенный, умственно свихнувшийся и нравственный дегенерат» — по другой — «квинтэссенция, апофеоз и абстракция человеческой лени!»

Для Муравьева я — талантливая скотина!

Для Романеева — абстракция девической улыбки!

А Для Савельева — Раскольников!

Для Музыкантовой — «милый, милый ребенок, противный негодяй, гений и бездарный идиот».

Для Семара — «ярчайший футурист» и «нечто такое в высшей степени неуловимое»,

А для Спиро Гуло — «исключительный», «неповторимый»... и «вообще черт знает что»!

Да меня исправляли!

Исправляли, господа!

С 10 февраля до 30 апреля меня неумоимо попикивало куда-то Общественное мнение, а я стыдливо обращивался и цедил сквозь зубы: «Да ну, бросьте, что ли...»

с 30-го апреля до 5-го января еще неумолимей «попихивало» «нечто такое в высшей степени пышное и двадцатилетнее» — до 9-го сентября изящным кнутиком Недосыгаемости, а с 9-го сентября — грязным кулаком Взаимных Симпатий...

Ну да я ведь неисправим!

Честное слово, господа, неисправим!

Хи-хи-хи-хи-хи!

Ну ладно! Бросим это! — Господа!

Вы можете дать мне в долг двенадцать шестьдесят?

19 января

Всегда только Т.

В Ней совершенно ясно — не уверенный в близости окончания не будет итожить. И увлечение эргизмом ввергает в страх только ночью... Значит — виновата Она.

В Ней все скрыто. А грязные внутренности — убийственно «напоказ». И для меня — только Они; но в гораздо большей степени — Обладательница Их. Исключительно за грязь... Она чище всех прочих; а грязь — истерическая. И искренней чистоты.

В Ней все множится, кроме, разве, бездушия. Зрение — в семнадцать тысяч; все остальное — в куб. Днем свешиваться с крыши — не страшно. В Темноте свешивание даже в воображении заставляет хвататься за подушку, — и сменой тем для воображения отгонять страх.

Еще бы — не быть к Ней влекомым...

20 января

Как вам угодно. — Я могу и отчитаться. Но заранее предупреждаю: не будет ни преувеличения, ни сглаживания, ни тем более точной констатации. Ни сентиментальщины, ни объяснений, ни восторгов, ни взрывов эмоций. Простое напряжение памяти и изложение сути в диалогической форме.

Можете обвинять в безэмоцийности и, если угодно, смеяться...

.....
— Ах, вы уже приехали!

— Ах, и вы тоже!

— Ну да, собственно, как видите!

— Ах, и вы тоже...

— Интересно все-таки, какая охота вам надо мной издеваться в первые же дни...

— Да, конечно, это незачем...

— И от вас пахнет...

— Водкой?

— Угу.

— Ну, это так... немножко... новоселье...

(до 1 сентября)

— Ну вот почему ты такой? Почему ты — не человек?

— Успокойтесь, гражданка, успокойтесь... Я так-таки человек, смею вас заверить, — а если вас раздражает мое поползновение к дегенерации, так это временно, настроение... и...

— Настроение... Почему у других нет никаких «настроений»?.. И что еще за трагедии...

— Повторяю: никаких трагедий...

— Значит — «настроение»... Ну, Венька, ну вот скажи, отчего у тебя эти самые — настроения?.. Ну вот неужели я не могу на тебя подействовать? Ну кто, кто может тебя убедить... Ну, скажи, — кто... Я бы не знаю, как стала бы его упрашивать...

— Да ну вас, гражданка. Надоели. Уйдите.

(1—8 сентября)

— Фу, какие мы оба достоевские!

— Фу.

— Как это все хорошо... И не грыземся, как в первые дни...

— Угу... и не грыземся...

— А вот у нас в Великих Луках...

— Ну! Что у вас! Вот у нас на Севере...

— А мама все болеет...

— Да? Четвертый месяц уже...

— А она так смеялась, когда я ей читала твое второе письмо... У нее тогда 39 градусов было...

— Глупая, наверное...

— Венька! Брось!! А то вот сейчас встану и уйду...

— Хм... уйдешь... и через полчаса опять придешь... как вчера... и будешь торчать еще 4 часа...

— Ну, вот — хочешь — уйду и не приду сегодня?

— «Сегодня»! А завтра опять притащишься...

— Ну, хочешь, — не притащусь!

— Хочу...

— Врешь ведь... не хочешь...

(9—23 сентября)

— Ну, ты занимайся, а я тебе винограда притащу...

— Угу...

— Только не убегай без меня... А то — я знаю...

— Угу... Тащи скорей...

— Zu Fuss gehen... erwacht... zu Fuss... entwickeln... М-м-м!! Вот уж спасибо! А ты бы сама-то спать шла... Я и без тебя...

— А чего приказываешь? Я вот нарочно книгу принесла, буду читать. Чтобы ты не убежал... и всю ночь сидел...

— М-м-м... энт-гегент-рэтен... чорт побери... руихь, руихь... ддьявольщина... энт-гегент ретен... чего это ты на меня так смотришь... мне даже страшно... руихь...

— А ты занимайся... и не следи, пожалуйста, за мной...

(23 сентября — 5 октября)

— Что-о-о-о-о?

— То, что слышала... Ничего больше...

— Тты... сссвволочь...

— Угу... Счастливо... Не споткнитесь, пожалуйста, там у дверей стул... Темно все-таки... Хи-хи-хи...

(6 октября)

— А ты думал, я уже никогда не приду...

— Ничего я не думал...

— Но признайся — то, что было в субботу, — это свинство...

— Никакого свинства...

— Никакого, главное... Ой, а вчера, помнишь, у...

— Ничего я не помню...

— А какого это черта ты на меня злишься? И какое вообще право ты имеешь — на меня злиться?

— А ты — какое?

— Ух ты, подлец!.. «Какое» еще, главное... Да я и не злюсь...

— Угу... и я тоже...

— А вот у нас в Великих Луках...

(11—12 октября)

— С тобой даже страшно в темноте сидеть... Вот говорим, смеемся... А вдруг ты мне по лицу ударишь?

— Хе-хе-хе... Фантазии, гражданка... А это даже недурно... Перед кем-нибудь сначала на колени пасть, а потом встать и ударить по физиономии...

— Это для чего же?

— Так... Психологический эксперимент...

— Может, тебе еще на мне захочется проделать этот эксперимент...

— Мда... только, пожалуй, без первой части...

— И ударишь?

— И ударю!..

— Подлец.

— Как вам угодно.

(13—22 октября)

— Каждый день к тебе ходишь, уговариваешь...

— Вот дьявольщина! — разве ж я заставляю тебя ходить и уговаривать...

— Еще бы — ты меня заставлял... Я бы тогда и не пошла...

— Чччорт тебя возьми.

— Тебя чорт возьми... И прекрати эти глупости... Пойдем заниматься...

— Не пойду.

— Пойдешь...

— Не пойду...

— Дурак.

— Дура.

— Ну вот, скажи, чего ты хочешь от...

— А чего ты хочешь?.. дура...

— Дурак. Ну? — может, еще раз скажешь? Тогда буду бить... Пойдем, говорю, заниматься! У окна как раз два свободных места... Я тебя проверять буду... Попохожем... А?.. Ну, пойдем, Венька, ...ну вот две конфеты дам, ...мороженое куплю...

— Все равно не пойду.

— Ну Веничка, ну миленький, ну три конфеты куплю... на тумбочке уберу... ну вот, хочешь, на шее повисну...

— Да ну тебя с нежностями... Сейчас... пойду... Закурим по одной, что ли?

(26 октября — 9 ноября)

— ...И всю жизнь, всю жизнь — плачу... Конечно, для всех я бестолковая дура... Может, я и в самом деле дура — хожу вот сюда каждый день... Все смеются, наверное... И болтают чепуху какую-нибудь... И пусть... Хочешь булки с изюмом?..

— Хочу... Это ведь лучше, чем слезы-то...

— Дурак...

— Ну конечно...

— А чего ты обижаешься?.. Это ведь я так... Я и не хочу ругаться...

— Да я понимаю...

(9 ноября — 3 декабря)

— А что, — я, по-твоему, плакать должна? Не заставишь! Если ты злой, так и все около тебя реветь должны? Хе-хе... Как бы не так... Вот сейчас возьму и буду здесь перед то<бо>й штучки разные выкидывать... и свистеть буду в пальцы... и петь... И не прогонишь! Не прогонишь!..

— Катись-ка ты...

— Ну — куда? куда?.. ну договаривай...

— Отстань, к дьяволу...

— «Отстань»!.. А ты что думаешь — мне уж так трудно отстать?.. Думаешь, такое уж это удовольствие — со

всякими тут ругаться... Вот я хотела тебе показать что-то... а теперь не покажу... И на коленки встанешь, умолять будешь — не покажу...

— Ккатись, говорю...

(4—13 декабря)

— Что?!! Ты... матом... Венька!.. Тты пьяный! Ты не мог мне так... Венька! Ты пьяный!! Да?..

— Ннет... не знаю... т-так...

(15 декабря)

— Ну пойдём...

— Да нет, не хочу... холодно... и второй час уже...

— Ну чего — холодно?.. Пойдём... опять безобразничать будем... Ой, как смешно, когда вспомню... Ты так замерз вчера...

— И ничего не замерз...

— Угу! Говори мне... Сам с меня и платок тёплый стащил...

— «Стащил»! Сама же меня закутала, как черта...

— Ой, ну в этом платке ночью ты просто дитя, прелесть...

— Угу... Ну чего эта жирная и косой вечно целуются...

— А ты не смотри! Тебе вредно... развращаться... И не смотри на них... Ты дитя... пойдём, что ли, на улицу...

— Пойдём...

(21—29 декабря)

— Замолчи... к ддяволу... я сам знаю, что мне делать... и вообще — уберись куда-нибудь подальше... противно даже...

— Иддиот... Что ты знаешь?! Ни черта ты не знаешь! Без меня-то ты заживо сгниешь, в водке сгниешь!! А я то уж уберусь!.. И торжествовать буду заранее... Плюну на т...

— Прекратти... Ссккот....

(5 января)

21 января

И вместо нервов прельстил оштукатуренный потолок... Вот видите... Видите... Это ведь он нарочно... Ему

ведь совсем и не хочется опускаться — некогда... и потом — дисгармония... А двадцать один рубль расшевелили... А раз, — шевеление — так какая же может быть гармоничность...

Он даже и не кривляется... Он просто упоен своим уродством... Вот видите — обернулся и целует свой горб... Он ведь ужасно любит свой горб, ...этот, горбатый... И уверен, что любовь — возвышает...

А что — туман, так это и не нервы, ...и не весь потолок... Да и не все ли равно...

22 января

<Из дневника вырвано несколько страниц> кровью кающихся поклонников! Помните! — Засирание своего человеческого достоинства и откровеннейший мазохизм — в отношении к человеку любимому — дело самое святое!

А святость — отпугивает жаждущих освещения! В таком случае — да здравствуют сумерки и — долой электричество!!

Изъять из обращения карманные фонарики! Периодичностью — дисгармонизировать скрытые нервы! Что же нам делать, если мы родились сумасшедшими!

Мы — не выжили из ума! Мы не будем сжимать грязными пальцами пьедесталы румяных и улыбающихся рож! И оглашать <...>

23 января

Благодарение богу, нет никаких ударов, — и все спокойно.

Шестнадцатого пил.

Семнадцатого пил.

Восемнадцатого пил.

Вечером 18-го упал в постель — и проснулся 19-го в полдень. Протер глаза, повернулся на другой бок — очнулся в полдень 20-го.

Двадцатого пил.

Двадцать первого пил.

Вечером 21-го лег. И проснулся в полдень 22-го. Сидел до вечера, стиснув голову руками. Вечером лег в

постель. И ожидаемого не последовало. Прошел и задохнулся.

Двадцать третьего пил.

Двад.....

24 января

Завтра! Завтра!

Я уже чувствую себя вечерним...

...оно удаляется, — и то, что помещается в нем — тоже...

...и все исчезает...

...а я не буду поднимать голову и простираяться вслед...

...я не устану быть незамеченным...

...и следить не буду...

...и не брошу последнего...

...и не потому что последнее обмануто...

...просто — не хочется...

...не хочется уверять себя самого в правдивости вчерашнего...

...и всего происшедшего...

...гораздо проще — лежать и захлебываться...

25 января

4-го июля не будет.

Там были плохие часы, здесь — ни секунды.

И плакать не хочется.

26 января

...А Самосейку арестуем! В первую очередь! Изучим прозу и вскрыем нелояльность! Помните? — Борис неожиданно сталкивается в коридоре с неизвестной дамой? И дама приглашает в свой будуар неожиданно столкнувшегося?..

Смею вас заверить — Борис — не что иное, как мировой империализм! Хе-хе-хе! Он не откажет в приглашении молодой даме! Вне всякого сомнения, мы имеем дело не с простой дамой, а с Египетской Республикой или (шире!) — с Ближневосточной Внешней Политикой. Он (мировой империализм) без трепета всту-

пает в пределы дамского будуара (под будуаром разумеется ближневосточная экономика, а империалистическая жажда вывоза капитала остроумно возводится в ранг полового томления Бориса).

Переступив порог вышеобозначенного будуара, он закрывает дверь на крючок! Без сомнения, крючок символизирует конвенцию 1888 года! А что касается незаметности закрывания, так это — видимость, уверяю вас! Она (то бишь, Дальневосточная Ближняя Политика) замечает все, — она делает вид, что ничего не замечает! И это в ее интересах, черт возьми! Ее плоть жаждет! А английские доллары-сперматозоиды зарождают колониальность в ближневосточной утробе!..

И вдруг — эта стыдливость!

Даже не стыдливость, а коммунистические склонности полковника Насера!.. В этих склонностях — вся суть дамской целомудренности! Ей, видите ли, больше не нужны английские доллары! Она национализирует собственную экономику — и решает основательно заняться онанизмом!

Хе-хе-хе-хе-хе!

Коммунисты торжествуют! Коммунистические идеи играют роль бутафорских фаллов! Пусть — безжизненных! Но гарантирующих благословенное бесплодие!

А благородство империалистического полового томления высмеивает теперь даже неграмотный извозчик Непал!

Все — к лучшему!

...И везде — вуали!

Вы думаете — я действительно сейчас переворачиваю бутылку и наполняю второй стакан? Готов спорить на что угодно, — это мировой имп...

А-а-а-а, чорт! Следует отметить — второй стакан пьется с меньшим отвращением, но обыкновенно сопровождается сморщиванием. Сморщивание погружает в воспоминания, а легкость проглатывания — ударяет в мечты! Кроме всего прочего — исчезновение всяких эмоций перемежается с удвоением. Это — почти тра...

А Доманович восстает против традиции!.. Я опасюсь даже, что Доманович упорствует и нарочно меня трез-

вит отказом от ДДоомм и т.д... В таком случае, я убираю Домановича и настраиваюсь на «Подмосковье»... Нервы закачают Москву, Москва успокоит нервы...

И ве-э-эчно све-эт этих дне-еей
Будет жить ваа мнеее.

Ну конечно же, и от Подмосковья не нужно ожидать бывалого качания. Сильное качание всегда сопровождается значительным... Качался 12-го августа — и отверг тапан. Извивался 16-го августа — и обрел новую мать. Двухлетнюю и недостойную. А теперь — значительное в стороне. И даже Подмосковье не парализует нервы. Кружения не будет...

Водка не виновата в отсутствии кружения. Сколько бы я ни пил, я не буду качающимся, пока не закачается все находящееся в поле зрения. А если закрыть глаза — зашевелятся представления, исказятся мыслишки... И заменят Подмосковье... Пустоты нет, — а значит — хаос...

Он еще не коснулся Домановича, но столица уже раздвоилась — размышления о качаниях так-таки раскачали Подмосковье... Теперь только подтолкнуть кружение — и все предстанет невинностью...

Да и действительно — какая же может быть пустота, если ветер сбивает с ног и дождь в темноте кажется ледяным... А в глазах и у меня, и у Недостойной двоятся кировские огни...

— Брось, Веничка, ты не сумасшедший. А я — нормальнее всех...

И триста грамм начнут ее сейчас выворачивать изнутри...

Это даже самое яркое — обретенная «тапан» петляет по железнодорожному полотну, спотыкается и готова в любой момент удариться головой о мокрые рельсы и извергнуть из зева все содержимое... А сумасшедший der Sohn изучает траекторию удаляющейся тапан и поднимает воротник куртки... И, провожая взглядом апативный поезд, ждет тревожных сигналов... И заранее хочется... Оррригиннал...

Да разве ж я виноват, что моя природная тапан имеет обыкновение все благословлять... и предсмертное остроумие супруга... и веревочную петлю Недостойной... и три пули калибра 9,6 мм в спине Юрия Васильевича... Все дышет невинностью...

И все — к лучшему.

Не исправлять же мне человеческий род, ччорт возьми... И не вечно же мне спорить с Ченцовым — о благородстве, а с Муравьевым — об интуициях...

Я предпочитаю третий стакан...

Пусть теперь кривляются и Доманович, и Подмосковье, и веревочные петли... Нна здоровье, господа!.. Мне вас немножко жалко, ну да уж судьба... Мы сами, родимый, закрыли и так далее... Неужели не судьба, раз — закрыли и так далее... И потом — я слишком люблю плач... Стоит мне увидеть человека плачущим — и я на всю жизнь проникаюсь к нему бешеным увважением...

Это все, наверное, от африканских нарродов... Духовное родство... И удобнейшие намордники. Как у выдающихся киноактрис... И почему-то страшно... Романев читает Достоевского... и мне от этого страшно... И еще, может быть, от потепления...

Это всегда так — от потепления в погоде — приятный страх и ненависть к Кольскому полуострову... И «Мемуары» де-Коленкура...

27 января

Спиро Гуло обвиняет в загадочности.

Муравьев — в простоте.

И мне неловко даже в сугробе.

Неловко — и все тут. Что же со мной поделаешь...

ДНЕВНИК

28 янв. — 31 марта 1957 г.

III

Еще раз продолжение. И окончания не будет

28 января

А это даже интересно.

Каждый день подсчитывать оставшиеся зимние дни — и от первого марта ждать сверхъестественного.

Каждый день с восторгом воспринимать потепление атмосферы — и чувствовать ненужность февраля.

По утрам благословлять открывание дверей и стремительность сквозняка.

А ночью падать в сугроб и с удовлетворением констатировать отсутствие в небе северного сияния; а в самом сугробе — мартовский озон...

Я хочу первого марта!

Первого марта...

...я закрою двери и окна, заруюсь в постель, буду вспоминать жажду марта — и мне будут противны и теплота, и влажность!

29 января

Обязательно! Обязательно займусь сравнением.

Но теперь никак невозможно. «Январская» пустота. В голове и во всем.

30 января

Везде — ночь, везде — половое томление, и потому все — музыкально...

Г.Семар. «Далекие огни».

«Темная ночь...
Блещут огни...
Где-то за дальним курганом пылают огни...
В сердце — вопрос...
В мыслях — рассвет...
Снова на крыльях мечты прилетает рассвет.

Темная ночь
Близит ответ,
Темная ночь мне расскажет забытые сны...
Светлые дни
Близкой весны
Пусть убегут за курган, где сверкают огни.

В сердце любви
Не возвратит
Даже за дальним курганом мерцающий свет...
Пусто в груди...
Страшен рассвет...
Страшно мигают во тьме золотые огни...»

Н.Тарлашев. «Дремота».

«Тихо...
Все тихо...
Умолкают последние нежные звуки уснувшей природы,
Листья дремлющих ив что-то шепчут друг другу без-
молвно,
И какой-то неведомой грустью подернуты спящие
воды...
Спящие...
Воды...
Безмолвно...»

М.Петросян. «Я устал».

«Я устал от любовных ропотов,
Я ослеп от ночного бдения,
Мне не нужно греховных шепотов,
Мне противны людские волнения.

Мне противно греховное бдение,
Я устал от любовного шепота,
Я ропщу на свое ослепление,
Я шепчу об усталости ропота.

Я шепчу о любовности бдения,
Но устал от ночной ослепленности,
Мне противны ночные волнения
И не нужно греховной влюбленности.

Я слепой — в ослепленности бдения,
Я устал от усталости ропота,
Я шепчу о греховных волнениях
И взволнован греховностью шепота.

(из цикла «Господа, я встал с постели»).

А.Терентьев. «Ни слова».

«Ни слова прощания, ни слова прощения,
Ни проблеска жалости, ни тени раскаяния, —
Забывтыми вязами ночного свидания
Не будет внимаемо соловьиное пение...

Но снова забытое проснется в сознании
И снова рассеется туманность забвения, —
И сердце согреется сознанием раскаяния,
И счастье сознания искупит прощение...»

Л.Самосейко. «Бросьте кокетничать!»

«Ах, погодите, милая!
Вы не сказали главного:
Если вы любите, милая, —
Отчего же боитесь главного?»

Ах, перестаньте, крошечка!
Вспомните ваше прошлое!
Вы же признались, крошечка,
Что ваша невинность — прошлое!

Ах, не сердитесь, лапочка!
Ваша упорность тягостна!
Разве ж бывает, лапочка,
Тело любимого — тягостно?

Ах, поспешите, душенька!
Вот и рассвет подымается!
Вместе с рассветом, душенька,
Хер и любовь подымаются!

Сбросьте стыдливость, милая!
Сбросьте бюстгальтер, лапочка!
Сбросить вам веток, душенька?
Сбросить вам счастье, крошечка?
Сбросить?!

Прррекрасно, Шкатова!
Сколько с меня причитается?»

В.Савельев. «Музыкальная элегия».
«Ночь встречает меня душистым запахом трав,
Томным блеском луна покоряет меня,
В этом блеске волна непонятно грустна
И напрасна тоска в дивном запахе трав.

Я не стану взывать, дорогая моя, —
Ты обманешь меня, не узнаешь меня, —
И ночная земля не устанет рыдать,
И меня навсегда заласкает волна...

Вновь настанет весна, пролетят облака,
И угаснет в веках мой печальный рассказ,
И заплачет луна, и затихнет волна,
И заполнит глаза молодая слеза...»

31 января

И обязательно Валерий Савельев...

...иногда — в обличии водочной бутылки, но чаще —
в образе ангела-хранителя...

И в этом случае даже приход его заранее предска-
зывает видимость...

От земли поднимается традиционный туман... скорее, не туман, а тепловые волны... что-то вроде испарений нагретой земли...

И надоевшие чудеса моментально улетучиваются в atm...

А все воспринимаемое начинает вибрировать...

Все предвещает ангельское шествие.

Это — Он.

...Он останавливается, опускает руки и аккуратно пережевывает колосья национального герба.... Он уже не вибрирует. Он только любит тихомировским отражением... И весь его вид выражает полнейшую растерянность перед лицом совершаемых чудес...

И я объясняю ему, хотя понимаю, что недостойно чудесному растолковывать материальность совершаемого...

Я объясняю ему, что только перцовая виновата в тихомировости его отражения...

...а в зеркальной поверхности 220-вольтного утюга его лик предстанет перед ним во всем благородстве Иденской физиономии...

...и что это — чрезвычайно увлекательно — рассматривать свое отражение во всех зеркальных поверхностях — и с удовлетворением сознавать, что в колпачке будильника перед вами вырисовывается Бридкин, а в луже Остаевской мочи — капитан чехословацкой хоккейной команды...

...и тщательно изучив химический состав Остаевской мочи, вы можете с научной точностью определить причины отсутствия в вас спортивных наклонностей...

...а распознав в хоккейном капитане человека нервного, с уверенностью констатировать степень остаевской невинности...

...я объясняю ему...

...но не в силах исказить усмешкой скорбный ангельский лик...

И я продолжаю убеждать его в том, что ничто так ярко не характеризует духовное богатство человека, как то, что он находит для себя действенным в смысле пробуждения эрекций...

...и обосновываю естественность Матусовского бессмертия...

...и в доказательство привожу цифры роста азиатской преступности...

...вместе с ростом материальной заинтересованности кооперативных работников...

...И ему вдруг становится так тоскливо, что я обрываю себя на полуслове...

И поворачиваюсь на другой бок.

10 ч. утра.

1 февраля

Долой трагедии!

И — никаких симпатий!

Лично меня интересуют только панельные узоры!

2 февраля

Любопытно то, что К. отмечает семейные обстоятельства и все внимание сосредотачивает на «личных»...

В его голове все предстает вполне разрешимым и безобразно понятным:

Вас ударяют зимние каникулы, потом весна...

Лето толкает в другую сторону — и вы иначе воспринимаете весенний «объект»... Невинность предстает уродством. И только потому, что весенний «объект» кажется даже в смысле внешности — искажением «тапан»... А тяготение к Искаженной заставляет стыдиться лета и проникнуться безгливостью к «тапан»...

Декабрь окончательно все мутит. И в голове — полнейший хаос...

Все невообразимое начинается с 10-го:

Двое суток проходят в ожидании...

13-го вы неожиданно поворачиваете к августу — и в ночь на 14-е пытаетесь всхлипывать...

14-го глотаете водку.

А на следующий день, принимая Schwester Ант. Григ., втискиваете мат в выражение крайней раздражительности...

И вместо истерики слышите трогательные успокаивания.

И на целую неделю отбрасываете от себя Schwester...

16-го снова пьете,

17-го неожиданно «реабилитируете» «тапан» и пытаетесь благословить изящество колючей проволоки...

В ночь на 18-е серьезно помышляете о самоубийстве,

А днем ударяетесь в меланхолию... и мысленно падаете перед «тапан»... И целуете белые икры... И слышите над собой традиционный «тапан»-овский афоризм, который заставляет холодеть...

19-го пьете,

20-го проходите мимо Schwester и вдруг повторяете вечное «тапан»-овское: «Все равны, Веничка! Все один божий хер сосем!» — и внутренне заливааетесь идиотским смехом...

21-го исключаетесь из университета,

В ночь на 22-е попадаете в музыкантовские лапы...

И целую неделю не пытаетесь из них вырваться...

25-го с восторгом приемлете весть о самоповешении «тапан» — и снова ударяетесь в sentiment...

Еще несколько фактов:

Вечером 25 декабря вы спокойно откладываете письмо — и внутри вас — сплошной детский восторг, без малейшего волнения. Вы ложитесь в постель и видите перед собой обыкновенные ржавые трубы, которые за 4 стромынских месяца вполне вами изучены и не представляют никакого интереса. Но вы смотрите на эти трубы — и вдруг вас охватывает невероятное волнение, которого вы никогда раньше не испытывали. Вы не думаете ни о веревочной петле, ни о чем другом, — вы видите перед собой только испорченные железные цилиндры, вы прекрасно сознаете, что это ржавые трубы — и ничто иное...

И тем не менее вы не просто — волнуетесь... Вам почти не хватает дыхания... Одно мгновение вам кажется, что в НИХ — ВСЕ... вы спешите отвернуться... и целую минуту восстанавливаете дыхание...

Или — еще:

Ночью 16-го августа вас неожиданно охватывает физическое отвращение к собственной матери... Вы как будто снова вдыхаете запах Недостойных ног, снова чувствуете

на своем лице грудь Недостойной — и вам хочется во сне еще раз быть «прижатым» и уже никогда не отрывать своего лица... Одно представление — убивает в вас все сыновнее — и вы хотите видеть родную мать непременно мертвой... Мертвой... иначе вы сами ее задушите...

Другого рода отвращение утром 26-го декабря вызывает в вас созерцание Ант. Григ. И отвращение необъяснимо... Вам совсем не кажется, что ласковая Schwester — искалеченная и снятая с веревки «тапан»... Вы даже не ждете, что ЭТА начнет сейчас извергать рвоту и отборный мат... Вы хорошо понимаете, что не будет ничего подобного... Не будет, потому что внешний вид Ант. Григ., хотя и повторяет «тапан», но *ломает* в нем самое главное и все остальное убивает... И только поэтому она не будет перед толпой воинов Советской Армии обнажать половой орган и щурить пьяные глаза... «Мальчики! Гоноррре-я!» и идиотски смеяться... А потом восторгаться перед вами своей манерой отпугивать... И «невозможность» — бесит вас... Вы прослушиваете преимущества заочного отделения и ужасно волнуетесь — стоит вам почувствовать запах водки из этого рта — и вы сойдете с ума... вы последуете примеру Бридкина и ударите ее ногой в... Ударите именно туда, потому что, в противоположность «тапан», вы не можете иметь точные сведения о цвете ее половых волос минимум из десяти источников...

И потом долго не можете унять дрожь своих пальцев...

Уверяю вас, это не романтично... Я сожалею только, что в наследство от отца не получил умения совершенно искренне смеяться надо всем ужасным...

И об этом — последний раз...

Мне самому... дурно...

3 февраля

Подите прочь! Сегодня я — сын алтайских степей и игнорирую первые февральские бураны!

На поприще самоубийств мне улыбается карьера! И Алтай — свидетель! Алтай протягивает мне потную ладонь! Степная столица выбрасывает по одному!

Одним словом — Тарлашев одобряет мои замыслы!
Я окрылен!

Завтра в столицу въезжает толстая. У меня развязаны руки. Последний январский день — со мной. 4 февраля убьет остальное.

4 февраля

«Да я тебя понимаю, Вениамин, я вообще хорошо понимаю тебя и тебе подобных... Просто — люди, которые обо всем судят из книг... Вас лелеяли мама с папой, заставляли учиться, держали в руках... А теперь, значит, вы предоставлены самим себе, вам все кажется, так сказать, ничтожным, легким и радостным... Заиграла молодость... легкомыслие молодости, если можно так выразиться ...хочется оригинальничать, на все плевать, пускать пыль в глаза... А ты вот посмотри жизнь... Ты узнаешь, какой ты был глупый, когда оригинальничал... А все-таки все действительно не так просто, легко... и не так весело, как тебе кажется... Ты даже еще и любовь-то не знаешь, что такое... А порешь такую чушь про семенники... Я вот тебя уверяю, — если ты полюбишь кого-нибудь, то любовь тебя перевернет... Вас всех не так трудно и понять... Вы у меня как на ладони...»

А.Ченцов.

«Тебе просто вредно читать Достоевского... Обязательно будешь таким мрачным, если запрешься в комнате... ощущать там всякие ужасы будешь... и тебе все будет казаться мрачным и ужасным... Тебе вот правильно говорили... что в действительности все не в таких мрачных красках... Ты вот ненавидишь смех, на всех смотришь, как зверь, со своей кровати... И на что тебе жаловаться, интересно?.. Насчет девчонок у тебя всегда будет прекрасно... В твоих способностях никто не сомневается, учиться ты можешь замечательно... И непонятный ты, чччорт... Все ведь живут хорошо, как люди... Ты не забывай никогда, что ты живешь в советском обществе... а не в какой-нибудь там...»

С.Гуло.

«В таком случае, о чем ты думаешь вообще?.. Вот ты говоришь — читаю книгу, и вдруг бросаю ее и без движения лежу подряд несколько часов... Так интересно все-таки, ты ведь о чем-нибудь думаешь... Ну, не о будущем, предположим... Хотя я и первый раз встречаю человека, который совершенно не думает о будущем... Ну, вот хотя бы твое отчисление из университета... Я понимаю, человек, у которого в перспективах — хорошая, трудовая жизнь, человек, жаждущий нового — ну тогда понятно, он может выражать радость или равнодушие... Но ведь ты-то, черт побери, ...не понимаю!! Ты что, насквозь легкомысленный?.. Так это на тебя не похоже... Легкомыслие у тебя показное... Я сразу тебя распознал... Я всю ночь слушал твою беседу с этим... албанцем... и убедился, что ты человек чертовски умный... Что касается твоей лени, так я совершенно ничего не понимаю!.. В жутких семейных условиях быть первым в школе по прилежанию... и тут вдруг... Не понимаю, не понимаю... Я сегодня даже хотел побеседовать с твоей посетительницей... Между прочим: будь более воспитанным в отношениях с женским полом — а то что же это такое — дымить девочке в нос и тут же посылать ее к черту... Удивительная терпеливость... Ты, собственно, к ней ничего... этакое... не имеешь? Нет? Ну, тогда тем более...»

· Заочник.

«Брось это все, Венидикт! Как-никак жизнь-то ведь она хороша, черт возьми! Солнце... любовь... радость... и остальное... Прославлять веселье надо, Венидикт, — у тебя все к этому данные!.. Читай Кольцова! Бернса! Улыбайся! Хотя бы потому, что тебе слишком идет улыбка! Люби!.. И в старости тебе приятно будет вспомнить молодые годы! А ты... Глядишь на невинную, приятную девочку — а видишь... блевоту, сифилис, животность какую-то... Да я бы на месте этой толстенкой... а-ччорт... Как это вы оба... меланхолика... не понимаете, что ведь жизнь-то! жизнь!..»

С.Сайтов.

5 февраля

Главное — пережить февраль...

1-е марта уже кажется священным...

То, что началось 26-го декабря, до невыносимости разрастается... ночью почти страшно... а днем — лужи приводят в восторг...

Я не хочу верить, что все началось с декабрьской петли... Только февраль и показал петлю... И я ее забуду, обязательно забуду...

Только бы... первое марта...

6 февраля

<Пусть только попробует!>

8 февраля

Все — хорошо...

Вы совсем не думаете оригинальничать, вы просто узнаете, что эта неделя — последняя в смысле жилищно-коммунальном...

Только и всего...

Известие вас не волнует, вы спокойно возлагаете на приказ коменданта массивную пролетарскую пятку...

Уже пролетарскую...

И далеко не восторженно приемлете музыкантовский стук...

Вас, конечно же, — радуют...

Вам до невероятности хочется...

И на вашей физиономии — брезгливая восторженность...

А улыбки — в одинаковой степени и нескончаемы, и обоюдны...

И без этого невозможно — вы оба слывете загадочными в пределах своего пола...

Вы улыбаетесь...

И неожиданно для себя просите прекратить посещения...

Вам надоели «эмоции»...

Всего-навсего...

Они вам совсем не надоели, вы только представляете себе, что они надоели вам...

Даже не представляете, а хотите представить...

Да и вам совсем неинтересно знать, что внутри вас, вы просто попросили прекратить ежедневные стуки...

Потому что периодичность стуков...

Во-первых, порождает сплетни, а во-вторых — расстраивает ваши нервы, как и всякая другая периодичность...

Ваши доводы убедительны...

Но они не казались вам настолько действенными...

Натолько действенными, что вы даже не смотрите на удаляющуюся, — ...

Вы ошарашены убеждением в убедительности доводов...

И даже не ошарашены...

Мало ли что внутри вас — в действительности-то вы же совершенно бездумны...

Вы проживете оставшееся без стука...

Уедете без стука...

И ничто не омрачит.

9 февраля

Яцкявичус выдвинул ТНВЕ.

Михайлов — в восторге от неврастении.

Муравьев ударился в намечание перспектив.

12 февраля

Магю-ю-у-у-у!

Перенестись в заоблачность и немножко посидеть... Белые коврики!.. Самое удобное из всех жизненных... Бла!

Через неделю буду рыдать... Двоюродные сбегутся с медикаментами... Искусственное дыхание... И все отдадим ему!

Завтра — моя первая ночь!.. Я заберу с собой все относительное... Скамейка... Даже невозможно распознать то, что шесть недель манило!.. Семь!.. И буду тщательно углубляться в ядерные и половые проблемы!.. Обязательно...

Все встанет на место!.. А я не в силах любить то, чего не созерцаю... И за неделю странствий!..

Все приютит зимняя добродетель... Уткнусь в сочетание четырех букв... И плакать про себя — самое освежающее!.. А ЭТО улетучится... Сам разбросаю!

Пока — в теплое лоно... «В»... а не «на»... Все северное вытрясти в первый же вечер!.. А делать только желаемое — это и есть отдаваться воле рока!

В первый же вечер.

13 февраля

Дева Ночная Романтика жаждет приять меня в свои объятия.

А мне гораздо более по вкусу рослый армянин Ночлег. Дыхание закавказской силы выбивает из меня половые откровения, и тешит мои взоры светолюбивый член, почерневший от нежности...

Все духовное заглушается во мне единением с армянской нацией...

Все дофевральское растворяется в привокзальной атмосфере...

И я совсем не намерен спохватываться или приходить в сознание. Что касается сознания, — так теперешнее мое горизонтальное состояние — высшее из всех 18-летних проявлений моего практического разума.

Хотя само горизонтальное состояние несколько неразумно. В этом смысле, — я готов отдать должное практичности инвалидов. Им гораздо теплей; у них еще есть желание оставаться вертикальными и отдавать оставшиеся конечности в фонд национального фольклора.

А я не намерен поддаваться агитации заводов Главспирта. Меня вполне удовлетворяют каменные ступени и вокзальные сквозняки. Я с наслаждением запахиваюсь в пальто и пытаюсь переключить внимание на что-нибудь более двуногое.

Двуногое нарочно меня избегает. А инвалидный грохот переполняет черепную коробку.

Что бы ни олицетворяли грохочущие костыли — объемистость жизненности или пролетарскую неумолимость — мне важен сам факт соприкосновения шести символов с транзитным паркетом...

Голове моей, жаждущей торможения, в данный момент ненавистны все соприкосновения, убивающие замкнутость шумовыми эффектами...

Моему горизонтальному положению несимпатично массовое падение пролетарских костылей...

Мне нужен сон хотя бы с точки зрения гигиенической.

Однообразие ощущений убеждает меня в рентабельности гигиены...

Я засыпаю...

И не массовое падение раздвигает теперь подо мной отходы деревообрабатывающей промышленности. Не инвалиды, а самые заурядные двуногие стряхивают с себя опилки и ковыряют в пальцах нижних конечностей, сопровождая беспрецедентное ковыряние оглушительным грохотом...

Грохот не возбуждает.

Грохот слетел ко мне вместе с источником шума и трупного запаха. Оба они убеждены в непогрешимости мозговой биологии — и предпочитают ненужное мне усыпление.

Я слишком хорошо понимаю их...

От моих восприятий не скроется искривление белорусского лика, в который преобразается источник... Оно мне давно знакомо, это искривление... И физиономии всех сбегающих на шум давно уже опостытели мне, — только испуг, начертанный на знакомых лицах, скрашивает однообразие...

— «Как отвратительно пахнет!» —

Толпа окружает страдальца, и каждый высказывает внутреннее раздражение.

— «Как отвратительно пахнет!» —

Каждому хочется еще раз дотронуться до пострадавших конечностей, зафиксировать размеренные движения хозяина трупного запаха, раздражить, убежать...

— «Ничего не поделаешь... Придется... отрезать».

И толпа не шарахается, не выражает удивления. Толпа продолжает следить за вычищением пальцев, которым уже не суждено быть пальцами...

И лицо снискавшего людской интерес освещается виноватой улыбкой...

— «Ничего не поделаешь... Придется... отрезать».

Неизвестно, для чего нужно было выражение сострадания, но на минутные улыбки толпы оно возымело желаемое действие. Никто не жаловался —

— «Как отвратительно пахнет!» —

Никто не оспаривал у соседа права на лучший костыль. Всех объединило склонение к пальцам собственных ног. И каждый убеждал другого в неповторимости своего уродства, ощупывал забытые травмы, плакал, нюхал базарный чеснок...

Никто не верил, что существуют двуногие.

12 ч. — 1.30.

14 февраля

«Извините... Это вам кажется, что я пьяный... Я уже давно... протрезвел... Ну, раз вы говорите, — я пойду... уберусь... Меня ждут комфортабельные канавы... Еще раз — извините».

15—16 февраля

Ни голода, ни эмоций, ни воспоминаний, ни перспектив, ни жажды папиросного дыма...

Одно сплошное ощущение холода.

Вокзальный пол леденит позвоночник, сквозняки преследуют и в тоннели, и в багажных кассах, колебания атмосферы проникают за ворот и обшлага, ожесточают нервы, заставляют нескончаемо измерять шагами просторы холодных опилок...

Улица срывает пальто, низвергает массы мокрого снега за воротник куртки и в сотый раз вышвыривает на холодные опилки багажных касс...

В глазах — не жареные котлеты и не дамские прелести. Обыкновенные радиаторы водяного отопления.

17 февраля

«Он пришел просто так.

Просто так мы сидели с ним до утра.

И я совсем не ожидала, что так получится».

(Т. Мошкина. Страница «Мемуаров».

Первоначальная редакция).

Мне стыдно!
Мне стыдно!
Мне стыдно!

(Раздумья Мошкиной по оформлению первоначальной редакции. 7 часов вечера).

Повсюду меня преследуют фаллические призраки и ожидание мирского возмездия за преступные блаженства!.. И я уверена — это последние мои преследователи...

Все будет хорошо... Все обойдется без болевых ощущений...

Я заранее уже слышу материнские вопли над телеграммой-молнией...

Я уже сейчас вижу любопытствующие лица толпы растерянных однокурсников...

И среди них...

Все будет хорошо... Все обойдется без болевых ощущений... Газопровод Саратов—Москва вплотную придвигается к моему сердцу... Туман беспамятства окутывает мое существо...

Со слезами в глазах, с болью в сердце и с дрожью в голосе я восклицаю в последний... в последний раз: Я невинна!

Я сердцем невинна!

(раздумья, 9 часов).

Нет... это было бы слишком жестоко. Я должна проститься с ним... Я обязана проститься... В последний раз он волеет в меня... он зародит во мне... (м-м-м)...

...угасшую веру в безгазовое существование... Отодвиньтесь!.. отодвиньтесь, Саратов!

(10 часов).

Ну почему мне стыдно, если половая разнужданность — эпохальна?

Почему потеря половой стыдливости обязательно должна свергать меня в пропасти стыдливого идиотства?

Почему должна меня смущать эволюция моего собственного организма? —

Если вселенная не приемлет нормы коммунистической стыдливости!..

Ведь сожительствоуют и без прописки разнополюе небесные ангелы!

Ведь и без ЗАГСов процветает цивилизованный Париж!

(11 часов).

Я была у него. Гы.

(12 часов).

«Боже... Я пронеслась... как долго я пронеслась!.. В моем обонянии вздрагивают звуки мужского пота! В голове кукарекал восходящий закат!..

Я постигала половое уединение!

Я предавала забвению человеческие присутствия!

Я развигала...

...сферы половых возможностей...

Я раздвигала...

...радиус действия полового магнетизма!

С Запада катилась неуправляемая сила славянской необузданности!..

И живое... мимолетно-живое!.. воплощение неуправляемости всю ночь меня аплодировало».

(окончательная редакция).

18 февраля

Р-р-р-р-р-р-р! Р-р-р-р-р-р-р-р-р!..

19 февраля

Минутку внимания!

Вы меня не совсем правильно поняли!

Я — не оригинал!

Я ничего не отрицаю, хоть и сознаю, что отрицать все — и заодно отрицать нигилизм — чрезвычайно увлекательно и не требует мозговой изощренности!

Человеческие действия могут меня волновать, но никогда не вызовут во мне ни одобрения, ни протеста!

Я не признаю разделения человеческих действий на добродетельные и порочные! Если мои действия удов-

летворяют меня — и людей, внушающих мне чувство удовлетворения самим фактом своего существования — в этом случае в их, и в моей власти признать удовлетворительными для нас порочность или добродетельность моих действий!

Если же оценка моих действий проистекает от человека, мне незнакомого и, следовательно, порочного в силу незнакомства со мной («он позволяет себе наглость не знать меня!») — я не премину доказать обратное!

Если мои убеждения — логически верные, я торжествую! В противном случае — без промедления отрицаю логику!

Я — человек дурного вкуса и животного обоняния!

Я никогда не бываю счастлив, в обычном понимании! Я могу только иметь вид человека, напуганного счастьем!

Я даже не разграничиваю понятия «счастье» и «несчастье», точно так же как не различаю вкуса голландского и ярославского сыра!

В лучшие минуты — я могу преследовать цель, но непременно — цель, убегающую от меня ленивым галопом! Рысь и аллюр меня не прельщают!

Общечеловеческие понятия красоты ввергают меня в состояние недоумения! Мне понятно наслаждение мелодичностью звуков! — Мелодичность — выражение грусти! А грусть не может не быть красивой!

Мне понятно восторженное восприятие природных красот! Но чем более привлекательны для человеческих восприятий произведения искусства, тем более они искусственны!

Немногие произведения искусства могут и во мне разливать удовлетворение! — Так же, как может восторгать меня вынужденная грациозность в движениях человека, скованного ревматизмом!

Красиво уложенный навоз может услаждать мои взоры! Но созерцание мраморных апофеозов итальянской красоты не может вызвать во мне ничего, кроме отвращения, в лучшем случае — равнодушия!

Я — человек относительно нравственный!

Незнакомые люди вызывают во мне чувство равнодушного озлобления, а все прочие относятся мною к разряду любимых или презираемых — в зависимости от степени лестности их собственного мнения обо мне!

Для меня не существует предательства просто! Я отвергаю предательство, одухотворенное благородными целями! И считаю совершенно естественной способность человека к предательству ради удовольствия быть предателем!

Мне безразличны половые проблемы! Но я с восторгом приемлю любой намек на бисексуальность!

Всякое половое откровение вызывает во мне отвращение! Но половые извращения всегда будут значиться в моем сознании как высшее проявление прогресса человеческой психики!

Я — оптимист!

И склонен полагать, что все мне не нравящееся — комплекс моих капризных ощущений!

Я восторженно приветствую любое отклонение от нормально человеческого! Но я не могу понять, почему отдается предпочтение «возвышению», если «верх» и «низ» — однородные отклонения от общечеловеческого уровня!

К тому же возвышение — временно!

А быть «ниже» — по свидетельству физических законов — гораздо более устойчиво!

Я не верю в существование людей искренних и принципиальных! Можно уверить себя самого в своей принципиальности! Можно быть принципиальным из принципа! (Бык — упряма, а, следовательно, принципиален!)

Но ведь гораздо легче — не менять своих мнений, вовсе их не имея!

Что же касается взглядов, то «собственное мировоззрение» — так же банально, как «коран толпы» и «огнь желанья»!

20 февраля

Пейте... пейте...

Пока еще на дворе потепление...

Пока еще моя рука сдерживает дрожание крана...

И вас не отпугивает...

Пейте...

Бедные «крошки»...

Я вместе с вами чувствую приближающееся похолодание...

И кутаюсь вместе с вами...

Пройдет неделя...

Другая...

Снова заговорит с вами ожившее...

А меня с вами уже не будет...

И вы не напьетесь...

Не напьетесь...

1.30. ночи.

22 февраля

— Гранька, я тебя ебать больше не буду.

— А на хуй ты мне сдался сам-то... Другие поебут...

— Ну! Что другие! У меня ведь все-таки хуй 22 сантиметра... А это все — шваль.

— Катись-ка ты в манду, поросенок! Как будто у тебя у одного двадцать два сантиметра... Другие полюбят!..

— Ха-ха-ха! Другие! Кому это захочется тебя любить?! У тебя же пизда рюмочкой!

— Рю-ю-умочкой, поросенок! Такую рюмочку ты еще поищешь! Рюмочкой... Сам ты...

— Вот у других — стаканчиком пизда! Вот уж этих хорошо ебать... Продернешь пару раз на лысого — сразу полюбишь... А это — что!.. Грязи, наверно, у тебя полная манда!..

— Дурак поросенок! Грязи-то у тебя на хую, наверно, много... А у меня-то нет... Можешь не беспокоиться...

26 февраля

А ведь я где-то и раньше слышал это.

Даже не так давно.

Помню, еще в апреле прошлого года я возлежал на перилах заветной лестницы, и каждое колебание противоположной двери отдавалось во мне учащением дыхания. Я был вне себя от эротических восторгов. Тогда я воспринимал знакомые звуки почти безболезненно...

Нет, все-таки это были не те звуки...

Я не мог их тогда слышать...

Чудовищная смесь национальных мотивов сотрясала мои барабанные перепонки, и я забывался в сексуальном головокружении.

Помню, уже в конце апреля, обыкновенный стул был для меня иконой. Апрельский воздух раззадоривал слизистые оболочки моего воображения скипидаром пережитых восторгов...

Я ничего не слышал, для меня начинался сумасшедший май...

Я почти бессознательно переходил в горизонтальное состояние, ставшее для меня нормальным вплоть до наступления нового года...

Как сейчас помню...

Я ничего не говорил и только упивался мелодией знакомого голоса, единственным моим желанием было прикоснуться к источнику голоса, — и любое прикосновение ввергало меня в бездны половых водоворотов и убийственного головокружения.

То был всего-навсего май, в который ничто, кроме уличных мелодий, меня не сопровождало... И даже тогда, когда объект моих желаний возлагал ладонь на мой страдающий лоб и заставлял меня лежать в таком состоянии, — даже тогда я не слышал того, что слышу сейчас.

А ведь тогда <можно было услышать столько...>

И все-таки в июньские дни только романс Верстовского действовал на меня успокаивающе... Не знаю, почему — но июньская вершина всех моих жизненных половых влечений охватывается только этими звуками...

Вероятно, я был просто невероятно симпатизирующим мальчиком, и предметом моих помыслов могла быть только двадцатипятилетняя женщина... Не знаю, но даже эта странная ассоциация совершенно не объясняет мои июньские музыкальные вкусы.

И весной объект моих помышлений не казался мне святыней. Но осенью грубое извращение нежности представлялось мне даже поэзией... Пихнуть локтем в же-

ланную грудь и произнести при этом «У-у-у, жирная», — значило в сентябре — получить два высококачественных пирожных, столько же трогательных хватаний за руки и дюжину ласковых взглядов.

Многое мне не нравилось.

Мне не нравилось в октябре ее настойчивые стремления овладеть моей рукой и в течение десятков минут почти ежедневно гадать по ней...

Не нравилась ее привычка курить папиросы, передавая их бесконечно «из уст в уста» и при этом покрываться стыдливой краской...

Не нравились, кроме всего прочего, ежедневные посещения и глупые чередования материнской заботливости с показным равнодушием.

И вдруг — ноябрь... Я даже не запомнил этого дня, я никогда не прощу себе того, что я не запомнил этого дня... Не знаю, чем меня привлекло это новое, ...может быть, тем, что я живу только прошлым... и все, чем я в данный момент существую, только в будущем может быть пережито мною...

Не знаю, — но каждый звук ее голоса меня облегчает.

27 февраля

С утра — состояние нравственного туберкулеза.

Почти непреодолимое желание еще раз услышать, вбить в голову и бесконечно насвистывать.

Неужели же я совершенно свихнулся?

И у меня больше нет другой отрады?

28 февраля

Дайте мне чего-нибудь глотнуть, господи!

И, еб вашу мать,

«Пусть будет завтра и мрак, и холод, —

Сегодня сердце отдам лучу!»

1 марта

Vestibulum находится в нижнем конце sinus urogenitalis, представляющего продолжение первого; эта часть носит название vestibulum vaginae; в нее открывается uretra.

Когда промежность и уретроректальная перегородка уже сформировались, то передний отрезок клоаки носит название *sinus urogenitalis*. Но такое обозначение не соответствовало бы действительности, потому что в данный момент Мюллеровы каналы еще не открываются в *Sinus*.

В этот период оба канала, имея вид рядом лежащих эпителиальных трубок, лишены мезодермальной оболочки и еще не достигли уретроректальной перегородки.

Нижние концы каналов заполняются клеточными элементами многослойного мостовидного эпителия, а при достижения *Sinus*'а Мюллеровыми протоками, — происходит смешение эпителия Мюллеровых каналов с эпителием *Sinus*'а. К этому времени нижние концы Мюллеровых каналов открываются во влагалище.

Большую часть в образовании *hymen*'а и выделительного канала аллантоиса, как об этом свидетельствует Koch, играют Вольфовы каналы, ниспадающие в железы *Scene Kochs*.

Glandulae Bartholinii или *Huguier* развиваются в кавернозные тела *Glans clitoridis*.

На основании такой связи можно установить гомологию между *bulbus urethrae* и *hymen*, соединяющих *Praeputium clitoridis* с *Corpora cavernosa penis*. Что же касается замедленного впадения Мюллеровых каналов в *Sinus urogenitalis*, то этот факт сам по себе очень важен для объяснения человеческих пороков.

2 марта

Мне холодно... я зябну... и все они умерли... умерли...

3 марта

Ровно в восемь я покинул зал ожидания.

На пути следования ничто не привлекло мои взоры, и я прошел почти незамеченным.

Добравшись, наконец, до Грузинского сквера, я был остановлен массой движущихся по всем направлениям скотов. Одни пытались перепилить ножом каменную шею Венеры Милосской, другие выкрикивали антисанитарные лозунги.

Одним словом, никто не обратил на меня внимания, — и только стоящий поодаль и видимо раздосадованный чем-то шатен ласково протянул мне потную ладонь.

— Вы, случайно, не Максим Горький?

— Собственно... ннет... но вообще — да.

— В таком случае — взгляните на небо.

— Ннну... звезды... шпиль гастронома... «Пейте натуральный кофе»... ну... и больше, кажется, ничего существенного.

Шатен внезапно преобразился.

— Ну, а... лик... всевидящего?

— Гм.

— То есть как это — «гм»? А звезды?! Разве ничего вам не напоминают?..

— Что?!! Вы тоже... боитесь... Боже мой... Так вы...

— Да, да, да... а теперь — уходите... я боюсь оставаться с вами наедине... идите, идите с богом...

И долго махал мне вслед русиновой шляпой.

4 марта

А мне, может, тоже не нравится, что вы на меня смотрите, — вы думаете, если я вижу себя, то загрязняю кабину? А вы забыли спросить меня, от меня ли это зависит?

Вы думаете, я не вижу ваших подбородков, даже если сохраняю полнейшее спокойствие? Или меня нет — вообще? Вы, наверное, и не знали раньше, как заглядывать в чужое окно.

А я, например, еще и раньше понял, что в этом нет ничего предосудительного. Представьте себе — я, может быть, завтра же, с утра, предстану перед ухмыляющимися «хозяйками», — а нехватит решимости — пред судом Божьим.

Слишком много стоило мне начало марта, чтобы отказаться от мелочности моего различия. Пусть оно и «угнетало» и вызывало собственное недоумение, — я не жалею, что с ног до головы закрылся от непонимающих взглядов. Да и не все ли равно, был или не был таким же.

Если даже я иногда получал от него удовольствие, — оно исчезало, как только я открывал окно.

Даже у того, кто плакал, хватало силы советовать, — мои уловки были слишком беспомощными.

И теперь вот — снова, стоит мне увидеть человека, я ускоряю шаг. Не потому, что я боюсь, — а просто привык исключительно на все смотреть сбоку. Странная эта манера, если человек уверен, что за ним никто не следит.

Оказывается, это даже прозаичней, чем мания преследования. Там человек боится. А здесь — просто уважает равнодушных людей. Для меня лично только поэтому нет никакой возможности щеголять трауром.

Может быть, это и к лучшему. По крайней мере, нет и никаких надежд на полную успокоенность.

Все бы это прошло и незаметно, если бы не двадцатимесячный страх. С тех пор, наверное, у меня невероятная симпатия ко всему синему и ко всему тому, что положено поперек.

Часто я пытался проверить правильность, — иногда заходил просто, иногда расспрашивал мемуары — и всегда недовольные двусмысленно улыбались.

Что их заставляло менять положения, — не пойму до сих пор. Вероятно, были слишком в себе уверены. А может, просто — боялись показать вид, что их собственное безразличие почти всегда действует на меня благотворно.

Скоро они и сами убедились в этом — смолкли даже «колхозники». Один тот факт, что я ушел от всего знакомого за три недели до наступления «исхода», вселяет в меня груды мелких уверенностей. Но они слишком малы для того, чтобы успокоить мою «храбость».

Между прочим, — если даже отбросить все внутреннее — один вид сытости и белых воротничков заставляет меня устремляться к воротам Большой Грузинской улицы. Боюсь, что ночной бред может меня выдать.

Одним словом, то, что днем вызывает во мне смех, вечером отгоняет все остальные «мыслишки».

То, что в десятом классе меня занимало, на первом курсе заполнилось эротикой, а на втором расшевелило все Бывшее и все Трагедийное — завтра исчезнет.

«Пролетарии» меня не удержат.
Я пойду туда. Завтра.

5 марта

Черт побери, меня пугает тюрьма!

Иначе чем же объяснить то, что я по-прежнему опасюсь покинуть свою постель и с содроганием смотрю на советские государственные учреждения!

Если разобраться трезво — самое большое, что меня ожидает — два года.

Даже кировские показания не дадут ровно ничего!

Странно. Если бы я шел на убийство или на расплату за убийство, я не был бы так взволнован! А здесь — мелкое, отвратительное делишко!

Самое главное — я виноват, но я не чувствую себя виновным! Что же сделать, если я не знал, что виноват!

Я знаю, что за последние четыре дня я отупел небывало. Новая семейная «драма» меня не коснулась совершенно.

Все происходящее — происходит через органы дыхания, не задевая головы. Вчерашняя решимость развеялась первым подозрительным взглядом прохожего. Завтра я должен оставить назойливую постель!

И в конце концов.

Что бы то ни было, — я не пойду! Если угодно — я предпочитаю самоубийство!

7 марта

Проходил по Тишинской площади.

У цветочного магазина закутанный в платок трехлетний младенец держался за материнский подол и необычайно громко выражал свое восхищение:

— Мам! Смотри — хаесые цветоцки!

Захотелось схватить младенца за ноги и разбить его головой витрину магазина. Зазнобило. Увидел на себе удивленный младенческий взгляд.

— И майсик — тозэ хаесый!

Слегка потеплело. Против воли — улыбнулся. Зачем разбивать... голову? Просто — взять за обе ноги — и разорвать. А цветы — пусть живут... Бог с ними.

8 марта

У.П.З.Т.Н.Б. — П.

11 марта

Чрезвычайно странно.

Три дня назад я спешил к Краснопресненскому метро с совершенно серьезными намерениями. В мои намерения, в частности, входила трагическая гибель на стальных рельсах.

Не знаю, было ли слишком остроумным мое решение; — могу сказать одно — оно было гораздо более серьезным, нежели 30-е апреля прошлого года. И настолько же более прозаическим.

По крайней мере, за два истекших дня я, если не сделался оптимистом, то стал человеком здравого рассудка и материально обеспеченным.

Не знаю, надолго ли.

12 марта

«Ну, Венька, ну ты представляешь, что со мной будет, если я тебя не приведу к ней в комнату... Ведь ты же ее больше месяца не видел...

Да никого там нет! Ни одного человека!.. Я, как увидела тебя в коридоре со Скороденкой, сразу бегом побежала к Тоньке; она даже на каток с нами отказалась идти. Джульетту мы сразу выпроводили в читальню... Светка сейчас у меня в комнате, мы сейчас на каток с ней уходим... Так что никого, Венька, нет! Никого! Одна Тонька!

Ну, иди, Венька, слышишь... Иди... Ну?.. Она же ждет сейчас... И никого целый вечер не будет в комнате... Ведь она даже и на каток не пошла...

Ну, ты просто дурак, Венька... Успеешь ты еще раз десять послушать своего Равеля...

Да ну тебя... Мне даже надоело тебя уговаривать... Хочешь — иди к Тоньке, хочешь — слушай Равеля, — мне то ведь все равно...»

О. Н. 9.30.

13 марта

Невыносимо тоскливо.

Наверное, оттого, что вчера весь вечер слушал Равеля.

14 марта

— Так вы что же, Ерофеев, считаете себя таким потерянным человеком? чем-то вроде...

— Извините, я, слава богу, никогда не считал себя «потерянным», — хотя бы потому что это слишком скучно и... не ново.

— А вы бросьте рисоваться, Ерофеев... Говорите со мной как с рядовым комсомольцем. Вы не думайте, что я получил какое-то указание свыше — специально вас перевоспитывать. Меня просто заинтересовали ваши пространные речи в красном уголке. Вы даже пытались там, кажется, защищать фашизм или что-то в этом роде... Серьезно вам советую, Ерофеев, — бросьте вы все это. Ведь...

— Позвольте, позвольте — во-первых, никакой речи о защите фашизма не было в красном уголке, всего-навсего — был спор о советской литературе...

— Ну?

— Ну и... наша уважаемая библиотекарша в ответ на мой запрос достать мне что-нибудь Марины Цветаевой, Бальмонта или Фета — высказала гениальную мысль: уничтожить всех этих авторов и запрудить полки советских библиотек исключительно советской литературой... При этом она пыталась мне доказать, что «Первая любовь» Константина Симонова выше всего, что было создано всеми тремя поэтами, вместе взятыми...

— Вы, конечно, возмутились.

— Я не возмутился. Я просто процитировал ей Маринетти о поджигателях с почерневшими пальцами, которые зажгут полки библиотек... Библиотекарша общенародно обвинила меня в фашистских наклонностях... А я просто-напросто запел «Не искушай меня без нужды возвратом нежности твоей...»

— Послушайте, Ерофеев, вы не можете мне сказать, за что вы питаете такую ненависть к советской литературе? Ведь я не первый раз встречаю подобно настроенных молодых людей... Я думаю — это просто от незнания жизни.

— Да, наверное, от этого.

— И, вы понимаете, Ерофеев, — вот вы наверное еще не служили в армии? — ну что ж, будете служить. И там вы поймете, что значит жизнь. Настоящая жизнь. И, вы представляете, — вы служите во флоте, ваша девушка далеко от вас, вы — в открытом море... И вот вся эта дружная, сплоченная семья матросов запекает песню о девушке, которая ждет возвращения матроса, — ну, одним словом — простую советскую песню — ведь вы с удовольствием подпоете... Уверяю вас — если вы попадете в хороший коллектив, вы сделаетесь гораздо проще... Гораздо проще...

— Не думаю... По крайней мере, мой, извините, духовный мир никогда не сузится до размеров того мирка, которым живут эти ваши любящие матросы.

— Гм... «любящие»? Узкий мирок? Вы, наверное, никогда не были любящим?

— Наверное.

— Почему — наверное?

— Тттак... Видите ли, — я вообще не собирался касаться интимных вопросов...

— Ну, ладно... Хе-хе-хе... Вы комсомолец, Ерофеев?

— Да... комсомолец.

— Авангард молодежи?

— Видите ли, я давно поступал в комсомол и... немножко запамятовал, как там написано в уставе — авангард или арьергард...

— Вы мило шутите, Ерофеев...

— Да, я с детства шутник.

— Оччень жаль... оччень жаль... А вы не знаете, по какому поводу я спросил вас — комсомолец вы или нет?

— Откровенно говоря... теряюсь в догадках...

— Гм... «Теряетесь в догадках»... А ведь догадаться, Ерофеев, не слишком трудно... Знаете, что я вам ска-

жу, — вы никогда не собьете с правильного пути нашу молодежь — и, пожалуйста, бросьте всю эту вашу... пропаганду...

— О Боже! Какую пропаганду?!

— Ккаккой же вы милый и невинный ребенок все-таки! Вы даже не знаете, о чем идет речь! «Теряетесь в догадках»? Знаете что, Ерофеев — бросьте кривляться! Поймите ту простую истину, что вы стараетесь переделывать на свой лад людей, которые прошли суровую жизненную школу и которые, откровенно вам скажу, смеются и над вами, и над той чепухой, которую вы проповедуете... Смеются и...

— Извиняюсь, но если я говорю чепуху, и все смеются над этой чепухой, так почему же вы так... встревожены? Ведь вы, я надеюсь, тоже прошли суровую жизненную школу?

— Я не встревожен, Ерофеев. Я тоже смеюсь. Но это не простой смех. Когда я вижу здорового, восемнадцатилетнего парня, который, вместо того чтобы со всей молодежью страны бороться за наше общее, кровное дело, только тем и занимается, что хлещет водку и проповедует какое-то... человеконенавистничество... — мне становится даже страшно! Да! Страшно! За таких, извиняюсь, скотов, которые даже не стоят этого!

— Чего — «этого»?

— Да! которые даже не стоят этого! Вы знаете, что мой отец вот таких вот, как вы, в сорок первом году расстреливал сотнями, как собак расстреливал?! Эти...

— Вы весь в папу, товарищ секретарь.

— А вы-ы не-е издевайтесь надо мной!! Не издевайтесь! Слышите!? Издеваться вы можете над уличными девками! Да! Издеваться вы можете над уличными девками! А пока — вы в кабинете секретаря комсомола!

— Извините, может, вы мне позволите избавить вас от своего присутствия?

— Я вас нне задерживаю — пожалуйста! Но, говорю вам последний раз — еще одно... замечание — и вас не будет ни в комсомоле, ни в тресте... Я сам лично поставлю этот вопрос на комсомольское собрание!

— Гм... Заранее вам благодарен.

— Не стоит благодарности! Идите!! И заодно опохмелитесь! От вас водкой разит на версту...

— А я бы вам посоветовал сходить в уборную, товарищ секретарь. Воздух мне что-то не нравится... в вашем кабинете.

15 марта

И все-таки.

Что бы со мной ни было, — никогда ничто меня не волнует, кроме, разве, присутствия Музыкантовой.

В этом смысле я следую лучшим традициям.

Прадед мой сошел с ума.

Дед перекрестил дрожащими пальцами направленные на него дула советских винтовок.

Отец захлебнулся 96-и-градусным денатуратом.

А я — попрежнему Венедикт.

И вечно таковым пребуду.

16 марта

Ах, господа, мне снился сегодня очаровательный сон!

Необыкновенный сон!

Мне виделось, господа, что все меня окружающее выросло до размеров исполинских, вероятно потому, что сам я превратился во что-то неизмеримо-малое.

Я уже даже не помню, господа, в какую плоть я был облечен. Могу сказать только одно — я не был ни одним из представителей членистоногих, потому что на лицах окружающих меня исполинов не выразалось ни тени отвращения.

Ах, господа, вы даже не можете себе представить, каким уморительно жалким было мое положение и каким невыносимым насмешкам подвергалась личность моя!

Одни сетовали на измельчание человеческого рода.

Другие предлагали в высушенном виде поместить меня в отдел «Необыкновенная фауна».

Третьи рассматривали меня через вогнутое стекло, — и это было для меня всего более невыносимым.

Члены Политбюро тыкали пальчиком в мой животик. Отставные майоры проверяли прочность моих волосяных покровов. Служители МВД совершенно бездоказательно обвиняли меня в связях с Бериєю. А один из вероломных сынов Кавказа предложил даже изнасиловать меня.

Ах, господа, вы даже представить себе не можете, до какой степени уязвлены были мои человеческие чувства. Ибо — кем бы я ни был тогда — чувства человеческие по недоразумению во мне сохранились.

Я ронял из глаз миллиарды слез, сквозь слезы цитировал графа Соллогуба, подбирая выражения по возможности «жалкие», — на какие только ухищрения не пускался я, дабы вымолить у них снисхождение...

Я знал, что все эти чудовищные создания в действительности жалеют меня и в душах их, смягченных присутствием существа беззащитного, нет ни тени насмешки...

Я не верил, что исполины эти совершенно искренне — неумолимы.

Но снисхождения не было. И я бы погиб, господа, погиб неминуемо, если бы вдруг... (вдруг!) ослепительный свет белого кителя не рассеял мрака окружающей меня звериной непреклонности.

И не только я — все неожиданно осознали, что только он — он, излучающий ослепительный свет, имеет законное право над моей судьбой властвовать.

Ах, господа, этот человек мог раздавить меня указательным пальцем, этот человек мог подзадорить безумство гигантов. Он мог, наконец, остановить глумление и спасти меня от ревушей толпы, подвергавшей меня осмеянию...

Но именно-то в это мгновение, господа, я проснулся. Да, чорт побери, как это ни плачевно, я проснулся и вынужден был оставить вдохновенное ложе свое.

В состоянии не то грустной неопределенности, не то неопределенной грусти запахнулся я в простыню и подошел к растворенному окошку, дабы созерцанием мартовского утра растворить тягостный осадок, оставленный в душе моей исчезнувшим сновидением.

Все действовало на меня успокаивающе. И занесенные снегом деревья, которые чем-то напоминали мне клиентов 144-ой парикмахерской, еще не успевших закончить священный обряд брадобрейства. И совершающий утреннюю прогулку страж внутреннего спокойствия. Одним словом, исключительно все, что попадало в поле моего зрения.

И вы представляете, господа, настолько удачно белый китель милиционера гармонировал с белым блеском заиндевелых деревьев, настолько умиротворило душу мою созерцание мартовского пробуждения, что все существо мое неудержимо охватило желание согреть на груди своей стража утреннего спокойствия.

Да, да, господа, можете не удивляться странности моего желания, — его выполнение было слишком реально для удовлетворенного существа моего. По крайней мере, я был в этом совершенно уверен, когда нахлынувшая на меня буря родственных чувств заставила меня с четырехметровой высоты пасть на шею моего благодетеля.

Да, я действительно пал ему на шею, я залил слезами белый китель его, спасший меня в минувшем сне от насмешек неумолимой толпы.

«Миленький мой, — сквозь слезы шептал я ему, между тем как он, опрокинутый на землю, пытался освободить горло от цепких перстов моих, — миленький мой, ведь это же были вы, ведь, если бы я не проснулся, вы обязательно спрятали бы меня в карман... не правда ли?.. Да, да, да, я вам всегда говорил, что все они — отвратительные насмешники...»

Ах, господа, если бы вы могли понять, насколько чистосердечными были слезы мои и благодарности, обращенные к телу уже бездыханному, но все же милому моему сердцу. Для меня безразличны были и рев сбегавшейся толпы и град неистовых проклятий, которым осыпали беспомощное существо мое.

«Ведь я же всегда говорил вам о тщете суеты мирской, — продолжал я, переводя взоры с бездыханного трупа на пробивающегося через толпу милиционера, —

тогда вы были еще великолепно, а потомок Багратиона покушался на невинность мою! Снова судьбы мои в ваших руках, благодетель мой, — и все равно через мгновение я уйду от правосудия вашего —

Я просыпаюсь».

7.00. веч.

17 марта

Ссскоты!

Они думают, что тоска по их физиономиям заставляет меня посещать Стромынку!

18 марта

«Такой чудак — этот Ерофеев. Вечно что-то читает, читает... Пьет охуительно».

Николай А.

«Молчит-молчит, целыми сутками молчит, а потом сразу что-то нападет на него, — так и не узнаешь: хохочет, как жеребец, матом ругается, девок щупает. И вечно это свою «Не искушай» поет».

Аграфена З.

«А денег ему не давай — это ведь такой пропойца!»

Мария С.

«Знаешь что — я сам чудак, много чудачков видел, но такого чудака первый раз встречаю».

Анатолий П.

«А что Венька скажет?! Да ничего он не скажет. Опять будет под окном Абрамова петь:

Избавь твою Саг'у от пытки напр'асной!

Взгляни еще г'аз на меня,

Мой ангел пг'екг'асный!»

Александр С.

«Ну, уж если Ерофеев скажет что-нибудь такое — так вся абрамовская бригада за пупки хватается».

Геннадий С.

«Грамотный человек... О политике так умно рассуждает — его никак и не переспоришь. Не знаю, за что его выгнали из института... За пьянство, наверное».

Геннадий С.

«Да-а-а, что пьет, так это пье-о-от».

Иван А.

«Черт его знает, что у него на уме. Темный человек... непонятный. Уж из человеческой шкуры хочет вылезти... все у него поперек, все не так...»

Анна С.

«Венька, признайся, что ты иностранный агент. Я же вижу».

Анна Б.

«А тюрьмы ему не миновать».

Владимир А.

19 марта

Вспомнилось неожиданно все прошлогоднее.

Показалось странным, что то, что еще недавно казалось только что пережитым, теперь — в полнейшем тумане.

Предался тоскливому пьянству.

Напившись, бормотал невнятное.

20 марта

— Послушай, ну вот что тебе нужно, — ну тебе сейчас девятнадцатый год, предположим. Будет тебе девятнадцать — будешь увиваться за девками. В 26 лет женишься, отработаешь век свой на пользу государства, воспитаешь детей... Ну, и умрешь тихонечко без копейки в кармане.

— И неужели ты считаешь это образцовой жизнью?

— Ннуу... образцовой — не образцовой, по крайней мере, все так живут. И ты проживешь точно так же.

— Извиняюсь, сударыня, если бы я знал, что у меня в перспективах — обычная человеческая жизнь, я бы давно отравился или повесился.

— Давно надо бы.

— Да, конечно. Однако же я все-таки живу. Ну, а вот ты, Анечка, тебе девятнадцать лет — мне все-таки интересно знать, что у тебя сейчас в голове.

— Как это так? Ннну... вот сейчас, например, думаю, скоро ли пять часов, хочу вот себе платье купить, на танцы сегодня пойти.

— И все?

— Нет, почему... а вообще-то, для какого черта это тебе надо знать? Что это ты экзаменуешь меня, как английский шпион?

— О боже мой! Если бы я был английским шпионом, милая, меня бы совсем не интересовал образ мыслей рядовой пролетарской девки.

— Так а для чего же тебе это все надо?

— Ттак просто... противно мне что-то смотреть на вас, господа пролетарии... Пошло вы все живете...

— Э-э-эх... «противно ему смотреть»! да ты бы сначала на себя посмотрел, как ты живешь, ты же как первобытный человек живешь — одеваешься черт знает как, на танцах никогда не бываешь, в кино не ходишь... я бы давно подохла с тоски.

— Да, я тебе слишком сочувствую... Остаться тебе одной — значит действительно «подыхать с тоски». По крайней мере, известно, что человек мало-мальски умный, оставшись вне общества, бывает все-таки наедине со своими мыслями. Вам же, госпожа пролетарка, поневоле приходится тяготиться *полным* одиночеством.

— Я нничего не понимаю, что ты за чепуху порешь...

— Ну и слава богу... Мне даже приятно сознавать, что человек со средним образованием не может понять самых простых вещей...

— А что ты мне тыкаешь образованием?! Я, может, больше тебя в жизни разбираюсь... И не «может», а точно...

— Охотно тебе верю, Аничка... Ты видела гораздо больше меня; можно дожить до семидесяти лет и увидеть еще больше — и в довершение всего вздохнуть:

«мда, тяжелая эта жизнь». Да чоррт побери, это все равно что объехать целый свет, накопить громадное количество впечатлений, вернее — иметь возможность их накопить, — и по возвращении сказать только: «мда, а земля все-таки круглая», когда это давно всем известно!

— Ну вот, опять ты ерунду понес, ты же совершенно не знаешь ничего, и знать ничего не хочешь... книжками только интересуешься...

— Постойте, а чем же вы интересуетесь еще, кроме вот только что перечисленных вещей?

— Хотя бы своей жизнью интересуюсь... Сидишь вот без копейки, — так поневоле будешь думать о своей жизни... и смеяться над такими вот дураками, которым все равно...

— Позвольте, позвольте, Бабенко, — вы жалуетесь на материальную необеспеченность, — и я вам вполне сочувствую — вам необходимо, предположим, зарабатывать десять рублей в день. Чтобы заработать эти деньги, товарищ Бабенко, вам надо ежедневно нагрузить на машину, сгрузить и уложить в штабеля тринадцать тысяч штук кирпичей — это почти 25 тонн! Теперь представьте себе, Бабенко, что десяти рублей вам хватит только на хлеб и соевые бобы. Если вы не хотите разгуливать по столице голой и иметь к тому же катарр желудка, нагрузите 75 тонн...

— Э-э-эх...

— Постойте, постойте. Вы скажете, товарищ Бабенко, — я не лошадь! Вам ответят таким же тоном — ах! если вы не лошадь, — вкушайте соевые бобы и страдайте катарром желудка! Как видите — все в пределах законности!

— Ну, и к чему ты все это?

— Гм... минутку терпения! Теперь... у вас, конечно, возникает вопрос: кто же виноват в том, что мне приходится выполнять лошадиную работу — только чтобы обеспечить себя черным хлебом? Ведь, надеюсь, не Абрамов, который получает указания от Зеленова, не Зеленов, который полностью подчиняется Суворову... ну... и так далее... Одним словом, в розысках виновного,

вы доберетесь до государственного аппарата. А разве вы имеете что-нибудь против Советской Власти? Вы ведь только сейчас осуждали мою антисоветскость и потому вы совершенно лояльны. Ттга-ак. Но, может быть, вы только внешне боитесь высказываться против Советской Власти, а внутренне вы готовы ее низвергнуть — в таком случае вы, товарищ Бабенко, выражаете идеологию буржуазного класса, ибо, как явствует из статьи Владимира Ильича Ленина «Партийная организация и партийная литература», — «тот, кто сегодня идет не с нами, тот против нас!» Вы доверяете Ленину, товарищ Бабенко?

— Слишком.

— Гм... Прекрасно. Но ведь вы, кажется, не питаете особой любви к буржуазному миру — 5 минут назад вы говорили: «Живешь вот, как в Америке!» Вероятно, ваше мнение об Америке совершенно искреннее. Лев Толстой сказал как-то: «Женщины всегда искренни своим телом...» Вы телом искренни, товарищ Бабенко?

— Угу.

— Чудненко. Отсюда следует, что вы ни внешне, ни внутренне ничего не имеете против Советской Власти — и все-таки выражаете недовольство своим существованием! Вы без ума от Никиты Хрущева — и тем не менее вам хочется кушать, видите ли!

— Шпион...

— Вот именно! Далее — вы, вероятно, полагаете, что государство внемлет вашим стенаниям и осыплет вас благодеяниями за ваш непосильный труд... Следует напомнить — руководство нашего треста обращалось с петицией к строительному министерству — однако министерство отказалось повисить расценки! Вам остается только одно — вдохновляться тем, что ваши потомки будут полностью удовлетворять свои потребности. Они возблагодарят вас, товарищ Бабенко!

— А мне — срать на потомство.

— Гм... Наконец-то слышу «глас пролетария»! Чюдненко!.. Чюдненко!.. Так — чоррт побери!! — Аничка, — неужели же блекнуть вашим дивным формам?! Плюньте на...

— Бро-ось!

— Плюньте на слезы и христианское смирение! К вашим услугам — Белорусский вокзал! Взбунтуйтесь против человеческой морали! Ведь убивают же, грабят, валяются в канавах люди! И умные люди!

А что же? Ведь и у вас нет другого выхода! Ложитесь в прохладу вокзального сквера, обнажайте свои пышные перси, зазывайте клиентов, ччёррт побори!

— Перестань... Венька!

— «О, кто бы ты ни был, прохожий, пади на грудь мою! Отумань разум мой! Исцелуй меня всю! «О, сжми меня в страстных объятьях!»! (Ведь не жрать же мне соевые бобы, в конце концов!) Раствори меня в себе, о прохожий! Я утопаю в... целуй меня! Еще! Еще! Один рубль! Два рубля! Три! Пачка маргарина! Полкило колбасы! Ах!»

— Ха-ха-ха-ха! Нет, Венька, ты просто гений! Только я не понимаю, почему тебе все — смешно!

— То есть, как это — смешно? В материальной небеспеченности я просто не вижу никакой трагедии... Ну, а если для тебя это трагедия, так...

— Не понимаю, что ты за человек!

21 марта

Я прежде всего — психопат. И потому нагромождение нелепостей может считаться даже достоинством только что мною выпущенной «теории дней недели».

Гениальные мои гипотезы о магическом влиянии пятницы на судьбу мою никого еще не заставили мистифицировать «свой» день недели и цифирно узаконить мистификацию. Поэтому я беру на себя обязанности первооткрывателя.

Во-первых, самые мрачные дни моего существования: 1 июля 55 г., 4 мая 56 г. и 8 марта 57 г. приходились на пятницу. Все три дня ознаменованы «покушениями» на самоубийство.

Далее: пятницей обозначены все четыре кульминации моей половой чувствительности: 11 мая 56 г., 15 июня 56 г., 7 сентября 56 г. и 21 декабря 56 г.

В пятницу 15 июня 56 г. скончался мой отец.

В пятницу 5 октября 56 г. скончался мой брат.

В пятницу 15 февраля 57 г. — моя матушка.

Далее. Обстоятельства чисто прозаические:

В пятницу 24 июня торжественно был вручен мне золотой аттестат. День моего первого вселения в студенческое общежитие — 2 сентября 55 г. и день моего «последнего выселения» — 8 февраля 57 г. — неоспоримые пятницы.

Пятница — 15 июля 55 г. — день поступления в университет. Пятница 21 декабря 56 г. — день исключения из университета. И пр., и пр., и пр. до бесконечности.

В руках предстоящих дат — будущее моих гипотез.

27 марта

«Да она же любила тебя, эта проститутка. На шею тебе вешалась. Может быть, просто думала, что ты какую-нибудь студенточку любишь, боялась тебя заразить какой-нибудь гадостью. Они ведь тоже иногда людьми бывают, эти бабы.

А вообще-то это страшное дело, когда самое первое «романтическое» чувство наталкивается на эти отвратительные вещи... Ведь вы же были просто два дружных ребенка... Одна ложилась под каждого встречного, а другой ей доказывал, что ложиться под каждого встречного — это грандиознее, как ты выражаешься, чем подвиг капитана Гастелло... Скверное это дело... Самое-то скверное, что ты к этим грязным вещам не чувствуешь никакого отвращения».

(Л.М. Пивная им. Красина)

29 марта

Ничего не понимаю!

Неужели же я настолько отупел, что перестал разбираться даже в музыкантовской психике, никак уж не претендующей на особую сложность!

Черт побери, я никак не хотел превращать свои «Записки» в бред безнадежно любящего, однако некоторые странности, обозначившиеся за последний месяц в

поведении Антонины Григорьевны, вынуждают меня обратиться на них внимание.

В первое мое мартовское посещение Стромынки я был до бесконечности счастлив услышать из уст Антонины Григорьевны ее скромное желание иметь возможность навещать меня. Я был действительно счастлив и в порыве охватившей меня нежности заявил ей, что вышвырну ее с порога своей комнаты при первом удобном случае.

Ровно через пять дней, пряча нос свой в воротник пальто, я спускался с моста через Язу и неожиданно для себя узрел закутанную в платок фигуру Антонины Григорьевны, пробивающую себе дорогу через массу низвергающихся снежинок. По мере приближения ко мне, Антонина Григорьевна придавала своему лицу все более мрачное и мрачное выражение, а поравнявшись, не произнесла ни звука и шагнула в сторону, в сугроб, давая мне дорогу.

Еще через одиннадцать дней, я, снова будучи на Стромынке, на этот раз в слишком веселом расположении духа, развлекался в обществе Якова Петришина, смакуя факты изнасилования и совместно с Петришиным безумно хихикая. Сидящая в трех шагах от нас Антонина Григорьевна удивительно терпеливо внимала нашим шуткам и только однажды, оторвавшись от книги и имея вид необыкновенно-бледный, подняла на меня глаза и произнесла шепотом что-то невнятное.

Не знаю, чем я заслужил осуждение. Но могу сказать совершенно искренне — ни одна вещь за все 18 лет моего существования не нарушала до такой степени работу моих органов дыхания, как вчерашнее сообщение Самосейки о том, что Музыкантова ждет меня за дверью.

Я закрыл дверь на крючок и включил на полную мощность финал «Болеро» Равеля.

31 марта

«Восстаньте вы, самые древние, средние и последние отцы.

Отошедшие в царство духов,

Приветливые, верные, знакомые с правилами,

Вы, святые предки, услышьте наши призывы.
Вам, предки, посвящаем ныне мы это моление,
Вам, отошедшим рано и отошедшим поздно,
Вам, обитающим в земных пространствах,
И вам, еще пребывающим среди племен.
Я нашел отцов, ближайших родственников,
Внуков и длинный ряд от Вишну;
Вы, на баргис вкушающие жертвенный напиток,
Вы здесь — самые обычные из всех посетителей.
Вы, отцы, сидящие на соломе, пошлите нам помощь,
Вкусите приготовленного нами жертвенного напитка,
Насладитесь им, будьте к нам милостивы,
Даруйте нам исцеленье и неиссякающие силы».

ДНЕВНИК

1 апреля — 10 июня 1957 г.

IV

Продолжение записок сумасшедшего

1 апреля

Иди сюда! Давай угля! Стой — не надо!
Говорят же тебе — не надо, еб твою мать! Дуй горно!
Куда дуешь? Зачем дуешь? Какое горно? Почему горно?
Кто сказал — горно?
Перестань дуть, болван! Иди сюда! Бей кувалдой!
Стой — не ходи!
Давай угля! Дуй горно!

2 апреля

Желаемое достигнуто! — Я душой — пролетарий! Физический труд заменяет мне пищу духовную! Во мне пульсируют...

— Гранька, еб твою мать! Прекрати ограбление! Кража государственной фанеры — бич высших идеалов!

Во мне пульсируют пролетарские эритроциты, и я разрываюсь от напора физического выздоровления. Начальник строительного управления призывает к порядку! — Расшатанная абрамовская бригада выходит из повиновения! Я окрылен...

— Юленька! Осторожней с бочками! Белило — не креп-жоржет! У вас дивный зад! Но это же не значит, что вы должны портить государственное имущество!

Я окрылен и нескончаемо насвистываю. Мой свист вливает бодрость, мое «Не искушай» удесятерит бригадные силы! Начальник отдела кадров...

— Таничка! Фу, какие вы неисправимые! Пожалейте своих детей! Людовику XVI-ому тоже отрубили голову!

Но ведь то был король! А вы — заурядный подданный ремонтно-строительного треста!

Начальник отдела кадров объявляет крестовый поход против «ерофеевской заразы». Помощник начальника отдела снабжения убивает меня недовольством пред лицом начинающейся стачки. Валинька предлагает сделать обыск в моей квартире. Аничка...

— Аничка! Юнону изнасиловал бог Вулкан, Минерву — властитель Аида! «Я — мать владыки Гора, и никто не поднимал моего платья!» Неужели же мне нельзя расцеловать ваши перси!?

3 апреля

Красный уголок. Дама в белом, дама в черном и дама в голубом перелистывают у окна журнал «Чехословакия». Доносятся негодующие возгласы: «Всегда это у них одни турбины! Ничего, кроме турбин!» Девушка-библиотекарша пытается доказать толпе обступивших ее парней, что Жюль Верн и Дюма — порождение одной нации. Из коридора доносятся звуки джазовой музыки; поминутно входят и выходят раскрасневшиеся пары танцующих. Ерофеев, сидя в углу, незаметный и чрезвычайно небрежно одетый, читает Генриха Манна.

Библиотекарь. Ну как вам, ребята, не стыдно? Ведь вы же загрязняете самое чистое, самое прекрасное из всех человеческих чувств! вспомните, как наши лучшие писатели отзывались об этом чувстве! Как...

(слова библиотекаря на минуту тонут в гуле мужских возражений: «Да разве мы что-нибудь такое сказали!», «Да мы против любви ничего не имеем!», «Любовь-то это хорошая штука, да условия-то нам не созданы, чтобы любить!» — и еще что-то неразборчивое.)

Библиотекарь. Вот видите! — все вы любовь уважаете, а почему-то городите какую-то чушь — как будто вам... как будто бы вы никогда не любили! Ведь это у вас просто хвастовство какое-то — мол, нам ничего не интересно! Любви никакой нет!..

Парень. Ну почему это вы так думаете? Ведь мы все-таки еще не старики! Дело молодое, конечно! — вечером так это... немножко погуляешь, если с девушкой хорошей познакомился... ну, сходишь в кино, посидишь... только вот плохо, что девушек-то у нас хороших нет! Все какие-то...

(вслед за этим раздается негодующее библиотечарское: «Как это так нет!» и возмущенные дисканта трех присутствующих дам.)

Дама в голубом. Девушки-то все как девушки! А мужики вот что-то некультурными стали, хамье какое-то, а не молодые люди!

(возгласы: «Что это еще за «мужики!»?)

Дама в черном. А кто же вы, если не мужичье? Даже на танцах пригласить как следует не можете! А уж если с вами гулять, так греха не оберешься!

Парни. Ха-ха-ха! Ты думаешь, если мы некультурные, так и любить мы не можем по-честному, что ли? Знаем мы этих культурных! Ходят себе в бостоновых костюмах, им и дела-то никакого нет до вашей любви... им бы только денег побольше нагрести!

Дама в голубом. Ну уж и неправда! Если человек культурнее вас, так он и любит честнее... Как раз в этом его культура и заключается *(возгласы неодобрения)*... А что?! Вы думаете, культурный человек — как вы, что ли, будет делать? Сегодня с одной в кино идете, завтра уже с другой гуляете! Что же это за любовь — на один день!

(Мужские возгласы: «Не выдумывай!», «У нас таких нет!», «Главное — верность!»)

Дама в голубом. Да и мало того, что бросите гулять с девушкой... Хороший человек сказал бы прямо, что гулять, мол, с тобой не хочу, полюбил другую... А у вас какая-то глупая привычка: гуляет с другой, а говорит, что, мол, любит по-прежнему, жизнь отдаст и так далее...

(Гордые улыбки парней, возглас: «А что же здесь особенного!? Такой уж человек создан!»)

Дама в голубом. *(запальчиво продолжая)* А я вот, например, терпеть не могу таких ребят! Если разлюбил — так прямо и скажи: больше не люблю... А для чего же

это душой кривить? Я недавно читала где-то, — кажется, у Ирки в дневнике: «Скверная прямота лучше, чем красивый обман»...

Библиотекарь. А это ведь замечательно сказано, и ребятам надо над этим задуматься! Самое главное для че...

Дама в черном. Да! Заставишь ты наших ребят задуматься! Пожалуй! *(мужские смешки, входит пара разгоряченных танцующих.)*

Парни. Вот вам и любовь. Наглядное пособие! Хе-хе-хе. Ха-ха-ха-ха.

Библиотекарь. Ребята! Если уж речь зашла о любви, то я хочу вам задать один вопрос. Вот я, например, считаю, что у каждого человека любовь состоит из трех стадий. Первая стадия, — когда парень еще не познакомился с девушкой, но он часто видит ее и она ему нравится... Вторая, — когда они уже познакомились, гуляют, вместе танцуют, ходят в кино, одним словом, дружат, любят друг друга... *(Представители обоего пола обмениваются многозначительными взглядами и расплываются в улыбке.)*

Библиотекарь. *(продолжает)* Ну, а третья — когда молодые люди уже вообще друг без друга не могут жить, — они женятся, живут вместе... ну, и, конечно, продолжают друг друга любить... Вот я у вас и хотела спросить — как вы думаете, почему все-таки большинство людей перестают друг друга любить как раз вот на этом самом третьем этапе, когда им обоим особенно нужна любовь? Ну, вот, как вы, ребята, думаете?

(Устные высказывания мнений сливаются в один общий хор, поминутно различаются ухом наиболее громкие и обрывочные: «Любовь имеет свой предел», «Что же это, и старуху любить?» «Конечно — дети пищат по всем углам...», «...а особенно, если с пузом...»)

Библиотекарь. Я лично считаю...

Парень. *(доселе стоявший поодаль и тупо рассматривавший всех присутствующих, неожиданно обрывает)...* Все это, товарищи, ерунда! Самое главное как раз и не в этом... Самое главное в том, что у нас нет никаких условий для того, чтобы люди могли спокойно друг друга...

любить! Ну вот хотя бы меня возьмите для примера... Я свою жену, может быть, и люблю... Ну, а как я ее могу вообще-то любить, если она живет черт знает где, на Калужской... Что же это такое — живи в общежитии и смотри, как тебе жена будет изменять... Так что ли? А для меня, например, любовь дороже всего... Пусть дерут хоть пятьсот рублей, а дают для семьи квартиру... Что же, это я смотреть должен, как другие...?

(Общий гул и недовольство тем, что половой вопрос заменился жилищным. Ерофеев приходит на помощь.)

Ерофеев. Послушайте, гражданин! Интересно, за каким чертом вы живете в Москве? Переселяйтесь на Сахалин. Получайте отдельную квартиру. Если вы даже потеряете московскую прописку, то ведь для вас «любовь дороже всего!» *(Смех, возгласы «Браво».)*

Оскорбленный *(пытаясь возразить)*. Эх, какой ты умный! На Сахалин! Ты сначала доживи до моих лет...

Библиотекарь *(прерывая оскорбленного)* ...Ребята! Ребята!.. *(общий гул, почти все присутствующие физиономии обращены ко мне, на мужских лицах — еще не испарившаяся улыбка, на женских — вопрос: «А! Это тот самый!» «Исключили из комсомола!» «Выгнали из университета!» «Грузчик у Абрамова!»)*

Дама в белом *(неожиданно обращаясь ко мне)*. Скажите, молодой человек, здесь девочки говорят, что вы учились в университете... Правда это? *(постепенно стихает)*.

Ерофеев. Да, учился, — полтора года!..

Дама в белом. За что же вас выгнали?

Ерофеев. Ттгаак. Это мое личное дело. Даже слишком личное.

Дама в белом. Как это — личное? Гы-гы-гы. *(всеобщие смешки)*... Влюбился что ли?

Ерофеев *(стараясь подавить в себе раздражение)*. Господа! Неужели вы все настолько пошлые люди, что у вас даже выражение «личное дело» ассоциируется с женскими трусами? *(взрыв раскатистого хохота, мужская половина глядит на меня почти с любовью, женская — почти гневно)*.

Дама в голубом. Интересно, все в университете такие «умные»? Или только вы...

Ерофеев. Нет, основная масса даже глупее вас! (*всеобщий хохот*).

Дама в белом. Ссскотина!

Дама в голубом (*убийственно спокойно*). Все-таки меня интересует, зачем вы, такой умный, пришли к глупым рабочим?

Ерофеев. А разве я считаю рабочих глупыми? Я сказал «вы» — просто из уважения лично к вам! (*снова хохот; библиотекарь пытается принять на себя роль соглашателя, Ерофеев ее прерывает*).

Ерофеев. А теперь, гражданка, позвольте мне задать вам контрвопрос: зачем вы пришли в мужское общежитие? (*смех, взоры всех присутствующих обращены к даме в голубом. Последняя продолжает сохранять гневное спокойствие*).

Дама в голубом. Танцевать.

Ерофеев. Гм... Как я уже мог заметить, гражданка, вы танцуете только с мужчинами... Значит, вам доставляет удовольствие не сам процесс танца. Вам просто интересно находиться в тисках мужских конечностей... (*смех*)... А ведь признайтесь, такая близость, хоть она и красива, вас же полностью не удовлетворяет?! (*Басистый мужской смех*).

Дама в голубом (*гневно*). Что вы этим хотите сказать?

Ерофеев. Неужели вам еще непонятно, гражданка? Ведь «скверная прямота лучше, чем красивый обман»! (*продолжительный хохот, дама в голубом совещается с дамой в черном, явственно слышим обрывок: «Позвать воспитателя... напился, скот...»; черное и голубое покидает красный уголок; входят несколько танцующих пар, привлеченные необычным хохотом*).

Дама в белом. Сколько ты выпил, молодой человек?

Ерофеев. Вчера утром — сто пятьдесят граммов. Если вы сомневаетесь — приблизьте ко мне свою физиономию — я на вас дохну (*смех*).

Дама в белом. Ох, ну и скотина же... }

Библиотекарь. Извините! Молодой человек! }

Ерофеев. Да?

Библиотекарь (*заглушая негодование дамы в белом*). Молодой человек! Ведь это все над вами смеются! Над

вашей дуростью! Вас, наверное, не научили культуре в университете?! Или вы просто грязный человек, что ненавидите людей с чистой душой — или просто у вас большая совесть...

Ерофеев. Послушайте, госпожа библиотечарша! *(смех)*. Несколько дней назад я действительно восторгался вашей душевной чистотой... В сопровождении Станислава Артюхова, как сейчас помню, вы спускались с пятого этажа и оба имели чрезвычайно изможденный вид... *(невообразимый хохот, затем улыбки любопытства)*. Вам слишком по душе третья стадия...

Библиотекарь *(болезненно выдавливая слова)*. Вам всегда, молодой человек, снятся такие интересные сны? *(смех)*.

Ерофеев. Не прикидывайтесь дурочкой, товарищ библиотечарь! У вас это выходит подозрительно естественно! *(новый взрыв хохота; библиотекарь пытается остроумно отразить удар, слышно только «университет», «остатки мозга»; дама в белом пытается занять передовую позицию, умеряя общественный смех)*.

Дама в белом *(соревнуясь со мной в остроумии и, вероятно, стараясь отбить у меня пальму первенства)*. Господин грузчик! Ведь из университета выгоняют только остолопов, у которых слишком тупые головы! А вы ведете себя здесь так, как будто вы всех умнее...

Ерофеев. Помилуйте! Откуда у вас такие сведения?! Если бы из университета изгоняли только остолопов, я бы не стал с вами спорить, а сразу бы задал вам вопрос: с какого факультета вы изгнаны? *(смех, аплодисменты ценителей юмора)*. И потом — господа! Неужели вам не скучно ограничивать запас своего остроумия рамками моего изгнания из университета? Не слишком ли это узко для таких умных людей?! *(поощрительный смех, всеобщее оживление)*.

Дама в белом. А вам не скучно щеголять тем, что вы не приучены к культуре?

Ерофеев. Позвольте! Вы, случайно, не со мной ездили сегодня утром на толевый завод? Нет? *(недоумение в зале, встревоженное ожидание)*.

Дама в белом (*презрительно*). Ездила. Ну и что же?

Ерофеев. Вы сидели в кузове с неизвестной дамой и вели интимную беседу, — при этом вы совершенно не стеснялись мужского присутствия. Между прочим, как сейчас помню, вся ваша беседа сводилась к тому, что же все-таки лучше — лежит или стоит. (*Гул негодования, мужской хохот.*)

Дама в белом (*окрашиваясь в пунцовое*)... Ну и оссел же ты! Мме...

Ерофеев. Позвольте! Я не понимаю, отчего вы краснеете! Ведь я же цитирую вам слова молодой девушки, которые были произнесены в присутствии молодых людей обоего пола и которые утром воспринимались как верх остроумия! (*Аплодисменты.*) Видите — я даже стыжусь воспроизвести здесь вслух ваши милые шутки — а ведь вы — женщина! (*гул одобрения; дама в белом листает журнал и силится найти достойный ответ.*)

Парень. Все женщины — такие! Их не переделаешь! (*возгласы: «Ерунда!» «Правильно!»*)

Дама в белом. Ты бы уж поумнее что-нибудь придумал...

Ерофеев. Гражданка! Я не выдумываю, а констатирую факт! А если даже я выдумываю, предположим, — так какого черта вы залились краской? Или просто потому, что румянец слишком идет к вашему белому крепдешиновому платью? (*неимоверный хохот.*)

Парень (*только что вошедший и серьезно воспринимавший конец дискуссии, старается заглушить смех*). Правильно, студент! Давно надо было бороться за чистоту нашей любви! А то современные...

Ерофеев. Да, конечно! Я всегда был поклонником чистоты! Если бы здесь, вот сейчас, какой-нибудь безрукий и безногий горбун вскарабкался на золотушную проститутку, я бы расцеловал их обоих!

4 апреля

1. «Тогда приходят к нему ученики Иоанновы и говорят: почему мы и фарисеи постимся много, а твои ученики не постятся?»

И сказал им Иисус:

...вино молодое вливают в новые мехи».

«Не думайте, что я пришел нарушить закон».

2. «Никто не может служить двум господам».

«Отдавайте кесарево — кесарю, а божие — богу».

3. «Блаженны нищие духом».

«Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби».

4. «Оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей... Что бог сочел, того человек не разлучает».

«Всякий, кто оставит... жену... ради имени моего... наследует жизнь вечную».

5. «Не мир пришел я принести, но меч».

«Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими».

6. «Ибо, кто возвышает себя, тот унижен будет».

«Вы от нижних, я — от вышних».

7. «И во всех народах прежде должно быть проповедано евангелие».

«На путь к язычникам не ходите».

8. «Если кто приходит ко мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены, и детей, и братьев, и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть моим учеником».

«Почитай отца своего и мать свою».

9. «Царство мое не от мира сего».

«Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю».

10. «Не противься злему».

«Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь».

11. «Что говорю вам в темноте, говорите при свете, и, что на ухо слышите, проповедуйте на кровлях».

«Остерегайтесь же людей: ибо они будут отдавать вас в судилище и в синагогах своих будут бить вас».

5 апреля

Во мне еще слишком явственно вращается март. Правда, нет уже никаких надежд на благополучный исход стромынского конфликта. Да и заботы о нем умерли

вместе с мартом. Что же касается перемен во внешнем, то их нет пока и, благодарение богу, никогда не будет. Все тихо.

6 апреля

«Знаете что, Ерофеев? Не знаю, чем вы меня заинтересовали конкретно, но вы человек слишком своеобразный. Да вы, наверное, и сами это чувствуете прекрасно. Единственное, что я вам посоветую — оставьте это. Надеюсь, вы понимаете, о каком «этом» я вам говорю... Будьте проще. Не думайте, что *все они* глупее вас и поэтому чем-то вам обязаны... Я не собираюсь делать вам комплименты, но все-таки могу заметить, что у вас проглядывают какие-то прекрасные задатки. Правда, они у вас опошлены и загрязнены чем-то чужим, не вашим, наносным. И все-таки для вас легко преодолимым... Не знаю, откуда у вас это наносное, — вероятно, просто кокетство... А оно вам не к лицу... Больше читайте... Для вас это самое главное. Кстати, я могла уже заметить, вы не относитесь к числу «поверхностно воспринимающих» литературу... Больше читайте... у вас слишком скромная эрудиция... а каждая прочитанная вами книга возвысит вас на голову... Это не каждому дается... И все-таки, Ерофеев, — можете на меня обижаться, — вам еще слишком далеко до рабочей молодежи».

Руднева. 6/IV-57 г.

7 апреля

Мне казалось, что я уйду далеко и за мной никто не гонится.

И я действительно уходил далеко — и никто не гнался за мной.

Мне казалось, что что-то необыкновенно черное неожиданно меня остановило и заставило длительное время озираться вокруг.

На самом же деле я нисколько не озирался, озираться было некогда — на меня с невероятной скоростью наезжал автомобиль новейшей марки...

На секунду я вынужден был уподобиться горным сернам. И в ту же «секунду» сообразил, что можно было вполне обойтись без уподоблений — черный дьявол без особого напряжения сделал отчаянный разворот, ласково обогнул меня и затормозил у здания германского посольства.

В первое мгновение я был слишком взволнован тем, что всеблагое провидение (в который уже раз!) избавило меня от трагического исхода.

В следующее мгновение я вынужден был устыдиться себя самого и своей минутной (впрочем, даже не минутной, а секундной) трусости.

Затем встал в позу Наполеона и задумчиво посмотрел на посольский подъезд. То, что я увидел, наполнило меня до отказа мистическим трепетом. И чуть было вновь не заставило «уподобиться»...

«Посол, — промелькнуло у меня в голове и задрожало где-то в ногах, — посол!.. Может быть, даже чрезвычайный!.. Может быть, даже... ну, конечно, — раз чрезвычайный, значит и полномочный! Значит, и то, и другое вместе... И все это вместе... обогнуло меня!!...!!!! Меня!.. Обогнуло...»

«А кто — я? Кто?! — спросил я себя и принял позу, среднюю между аристотелевской и сократовской, — Кто?! Не Пospelов? — нет! Не Даргомыжский? — нет! Тогда кто же — Беркли? Симонян? Заратустра? Жуков? — нет... Назым Хикмет? Нежданова? Прометей? Чернов? Рафаил? Микоян? Правый полусредний? Леонардо да Винчи? — опять же нет... Тогда кто же? Неужели — обыкновеннейший пуп?..»

«Гм... Пуп..., — чудесно! Пусть будет — пуп! Пусть — обыкновеннейший!.. Но ведь... уступил мне дорогу посол агрессивной державы!.. А? Хе-хе-хе-хе! Уступил!!! Жалкие люди, — мысленно произнес я, оглядев с ног до головы встречных пешеходов и сменив аристотелевскую позу на позу постового милиционера, — нет, все-таки, до чего жалки эти существа и до чего же мелочны их волнения! Один оплакивает утраченную младость, другого укусила вошь, третьему не оплатили простой,

четвертый разочаровался в запахе настурций, пятому разбили голову угольным перфоратором... Неужели бы и им уступил дорогу посольский экипаж?.. А?..»

«Нет, черт побери, им бы, конечно, не уступил дороге посольский экипаж. Если даже рассудить здраво, так не только Чрезвычайный посол, но и зауряднейший смертный никогда не уступит дорогу человеку, которому всего-навсего разбили голову угольным перфоратором. Значит, есть во мне что-то божеское... Ну, не божеское, а что-то такое... неизмеримо более высокое, нежели полномочные представительства и международные конфликты... И это «что-то» заставило даже Каина на мгновение стать гуманным!»

«Странное дело, — продолжал я, на этот раз обращаясь к встречным, — очень возможно, что и работники советского министерства, встретив посла на ковровой лестнице, почтительно отступали, расшаркивались и окрашивали лицо свое в улыбку раболепного смущения... а получали в награду снисходительное поплевывание и, ослепленные саксонской воинственной гордостью, заражались оборонческим страхом!»

«Очень возможно также, что страх этот породил в посольском мозгу «далеко идущие выводы». И — кто знает! — может дула боннских орудий, направленные к сердцу освобожденной Польши, ждали только сигнала; а поводом к нему могло послужить малейшее выражение примирительно-восточной дрожи!.. А дальше... — вы понимаете, что дальше?! — миллионы искалеченных жизней, озера материнских слез, девочки с разбитыми черепами, заокеанский кал в усадьбе Льва Толстого и... все что угодно!»

Я разрыдался.

Слезы лились на тротуар, брызгали на продовольственные витрины. Перламутрово-чистые слезы... слезы человека, заронившего искру гуманности в зачерствелое сердце... слезы, избавившие от слез миллиарды материнских глаз.

Они, эти слезы, словно бы делали полноценными те миллионы человеческих жизней, которые, возможно,

были бы искалечены. Они как будто бы склеивали разбитые черепа маленьких девочек и вымывали кал из усадьбы Льва Толстого. Они...

А эти люди не понимали меня. За минуту до того спасенные мною, они смеялись над моим умилением.

«Посмотрите... его чуть не раздавила машина... и он плачет... плачет, бедный... Ему было, наверное, так страшно...»

<В дневнике, под датой 11 апреля несколько пустых страниц.>

29 апреля

— Ерофеев! С вами разговаривает сержант милиции, а не девчонка!

— Ну и что же?

— Поэтому не стройте из себя дурачка!

— Помилуйте, товарищ сержант, где же это вы видели, чтобы кто-нибудь перед девчонкой строил из себя дурачка?

— Хе-хе-хе, Ерофеев, вы думаете, если я сержант милиции, так и не имею никакого дела с девчонками?

— Ну, так в таком случае перед вами не девчонка, поэтому стройте из себя не дурачка, а сержанта милиции.
(конец марта 1957 г.)

— Я смотрю, Ерофеев, ты младше меня всего на год, а ты сейчас находишься на таком этапе, на котором я был, наверное, года три или четыре назад. Ты увлекаешься стихами, а у меня это уже давно пройденный этап... Правда, я уж не так увлекался, как ты, — чтобы целыми днями только этим и заниматься...

— Знаете что, товарищ слесарь-водопроводчик, я тоже когда-то говорил глупости... но это у меня уже давно пройденный этап. Правда, я и раньше увлекался этим не так, как ты, — чтобы целыми днями только этим и заниматься...

(26 апреля 1957 г.)

— Это за что же меня, бедного, расстреливать?

— За то, что ты врах!

— Это почему же я врах, товарищ начальник?

— А это уж у тебя спрашивать не будут, Ерофеев. У нас слишком мало разговаривают с такими, как ты, которые нам мешают!

— Мешают?! Чему мешают, товарищ начальник!

— Чему?! Достижению нашей общей цели, Ерофеев, если это вам не известно!

— Ну, так как же мне быть, товарищ начальник... Вы просто цитируете Игнатия Лойолу, и мне становится не по себе... Вы знаете, кто такой был Игнатий Лойола?

— Не слышал.

— Это был, между прочим, один из прославленных сподвижников Владимира Ильича Ленина, талантливый марксист, о котором даже Плеханов отзывался довольно...

— Не слышал, не слышал. В «Кратком курсе» его не было. И фамилия какая-то...

— Да-а, он по происхождению испанец, по взглядам — интернационалист. Между прочим, дивную фразу произнес Игнатий Лойола на заре нашего века: «цель искупает средства»...

— Как раз для тебя эта фраза, Ерофеев... Для тебя и тебе подобных! Марксисты...

— Да, но почему — «тебе подобных», товарищ начальник? Во-первых, я слишком бесподобен... А во-вторых, вы знаете, кто такой был Игнатий Лойола?

— Нну... я же тебе говорю, что не слышал... И не важно, кто был...

— Игнатий Лойола был, между прочим, самым фанатичным из всех средневековых инквизиторов... это был «талантливый повар», даже Кальвин отзывался о нем...

— Так что, Ерофеев, я тебе советую все это прекратить, иначе...

— Да, и между прочим он был немножко похож на вас, товарищ начальник. И ходил в таких же очаровательных носках...

— Да-а?

— Угу. И, между прочим, его повесили. И, между прочим, когда он висел, то при этом очаровательно дергался...

— А вы думаете, я вас не понял, Ерофеев?

— Ну, это даже не важно, поняли вы или...

— Ты невоспитанная свинья, Ерофеев!

— И тем не менее он очаровательно дергался...

(29 апреля 1957 г.)

— Что это ты на меня исподлобья смотришь?

— А разве я исподлобья смотрю?

— Как на лютого врага...

— Нет, что вы, товарищ секретарь, у меня просто есть одна интересная привычка: на людей, которых я презираю, я смотрю прямо... <в глаза>; на людей, которых хоть немножко уважаю — сбоку...

— А ты сейчас на меня смотришь как-то и не так, и... не сбоку... а вполоборота...

— Ннну, я просто имею обыкновение смотреть так на людей, которые... недостойны презрения, но и уважения тоже недостойны... Я смотрю так на тех, которых умный человек считает умнее себя, а дурак — глупее себя...

— Каккой ты все-таки умный, Ерофеев!

— Нет, товарищ секретарь, я от рождения идиот.

(29 апреля 1957 г.)

30 апреля

Тридцать один — и восемнадцать!

1 мая

Давно уже я вошел в этот автобус.

Так давно, что даже не помню теперь, как встретили меня пассажиры... Наверное, никак не встретили: ведь входят и выходят так много, зачем же примечать каждого...

Они просто не хотели примечать; им мягко, тепло, — они даже не смотрят на выход, на «свой» выход. И не смотрят на тех, кто входит: для чего им смотреть на них, если им так уютно!..

Меня заинтересовало: если все-таки они скоро выйдут — для чего же сидеть? Они же выйдут на холод — так и заранее согреться незачем! Они ведь и вошли, чтобы потом — выйти..! Удивительные пассажиры!

Если бы я все это выражал вслух, меня бы не поняли... На меня бы оглянулись, зашикали: Какое вам дело! Вечно это ругаются пассажиры, которым не хватило мягких сидений! Успокойтесь!.. успокойтесь...

Я это уже знаю заранее: ...успокойтесь... какое вам дело...

Потому я внешне не восставал; просто — немножко смешно было: сидят — ну и бог с ними... а все-таки, для чего сидеть, если можно встать... или даже на пол лечь — это ведь гораздо умнее, лечь на пол и ковырять в носу... Сидеть — это и я умею, это каждый может — сидеть...

Я даже задумался: если бы вдруг освободилось сидение, рядом со мной... — что тогда?.. Я ведь страшно люблю задумываться.

...Нет, конечно! Я ни за что не сел бы! Ведь рано или поздно все мы выйдем! И тот, кто сядет вместо меня — тоже. Встанет и выйдет. К тому же...

Вот это уже самое главное: «к тому же» любая остановка может быть моей. Когда меня спрашивают:

— Гражданин, вы на следующей сходите?

Мне кажется, что меня дразнят. Стоит, мол, нарочно, чтобы мешать. Без билета... а ведь смотрит на всех так, как будто бы кто-то виноват, что ему приходится стоять... Не знает сам, куда едет... Удивительный пассажир!

Даже в голосе чувствуется злоба: Путается... Отошел бы в сторону, что ли...

И я просто не могу их понять. Задевать безобидного — это же... Да и какое им дело! Разве я виноват, что меня толкнули сюда! Они же сами видят, что мне не только что отойти в сторону, — мне даже повернуться невозможно...

Я, может, для того и еду, чтобы понять: для чего же едут другие... И вообще: для чего входить туда, откуда есть выход...

6 мая

Грузчик второго строительного управления Ремонтно-строительного треста получает инструктаж в германском посольстве!

Прокламации под мартыновской юбкой!

Бомбы над кинотеатром «Пламя»!

Грузчик второго строительного управления Ремонтно-строительного треста требует конституционной монархии!

Начало стачечного движения за увеличение рабочего дня!

Штаббриан под подушкой бывшего комсомольца!

Евангелие на обеденном столе!

Служащие трестовской бухгалтерии вынуждены признать «Уголовный кодекс Союза ССР» значительной вехой в развитии пасторального жанра!

Советский грузчик в объятиях Тайницкой башни!

Предсмертные судороги подполковника Дробышева!

Коммунисты идут на компромисс!

7 мая

У меня расшатанные нервы.

Когда я встречаю на улице подозрительный взгляд, я, против своей воли, отвечаю тем же.

Если при мне оскорбляют человека, которому я признателен, мне вдруг становится так хорошо... В такие минуты я не замечаю подозрительных взглядов и смиренно потупляю голову...

А стоит мне отойти от оскорбителя, я поворачиваюсь и смотрю на него презрительно.

Он отвечает мне тем же.

8 мая

— Я тебя не понимаю... Или ты просто дурак, или ты человек, упавший с луны. Другого объяснения нет. Или, может, ты просто пьяный...

— Кстати, я совершенно трезв... Нальем?..

— Давай...

— Тэтэ — не торопясь, начнем сначала... Во-первых, ты сказал: я тебя не понимаю, — ты, наверное, дурак... Но ведь не только умный не может понять дурака, а чаще как раз наоборот, дурак не может понять умного. Так что этот вопрос спорный, и мы его отодвинем...

— Давай говорить просто.

— Давай просто. Мне все равно.

— Кгхм... Ты любишь... Родину?

— Мдэс... Стоило ли, право, делать умное лицо и произносить «кгхм»...

— А все-таки...

— И «все-таки» не могу ответить... У меня, например, свое понятие «любить» и свое понятие «Родина»... Может быть, для меня выражение «любить» имеет то же значение, что для вас — «ненавидеть», — так что ни «да», ни «нет» вам не дадут ничего...

— Гм... Это я не понимаю... Мы же условились говорить просто...

— Так я и говорю просто. Проще — некуда...

— Предположим, для меня «любить Родину» это значит «желать ей блага»...

— Чудесно... Теперь представьте себе: я тоже говорю: желаю ей блага... Но для меня, может быть, благо — поголовное истребление всего населения нашей, извините, Родины... А для вас совсем другое... Для вас «желать» — значит «стремиться к достижению», а для меня — «отворачиваться» от того, что мне нравится...

— Ну, у тебя тогда нечеловеческие понятия обо всем...

— Ты хочешь сказать: «не мои»?

— Ну, раз «не человеческие», значит, в том числе и «не мои»... Да и зачем придавать каждому слову свое значение, — возьми ты самое простое слово: «бежать»... Ведь ты же не придашь ему никакого своего значения...

— Нет, конечно... Потому что «бежать» не имеет никакого отношения к..., так сказать, духовной стороне человека... так же, как «солнце», «баклажан», «ЦК», «денатурат» и так далее... Эти вещи можно понимать, но не чувствовать... К тому же смысл всех этих понятий — неизменный и точно зафиксирован в словаре.

— Но ведь в словаре-то давно уже зафиксирован смысл и всех этих ваших... духовных слов... Возьмет любой человек словарь — и ему совершенно ясно, какое правильное значение имеет слово, ну хотя бы «желать»...

— Гм... В таком случае, пусть этот ваш «любой человек» сначала справится в словаре, что такое «общепризнанное» и что такое «индивидуум»...

— Хе-хе-хе-хе... остроумно, конечно... Но все-таки... у всех уже укоренилось издавна одно общее понятие «желать»... Я, например, лично первый раз встречаю человека, который еще пытается втискивать какое-то другое значение в это слово...

— Ну, тогда вы сами попутно справьтесь в словаре, что такое «укоренившееся» и что такое «искоренять»...

— Черт побери, неужели тебе еще не надоел «словарь»... Вот я еще чем хотел поинтересоваться... Ты говоришь, что у тебя свое собственное понятие о слове, например, «любить», «ненавидеть» и так далее... А вот ты почему-то путаешь эти понятия, пусть даже они будут и твои собственные... Ты вот говоришь, что «может быть, для меня любить — то же, что ненавидеть» и так далее...

— Ну, во-первых, я совсем не так выражался... И потом — что же здесь особенного? Ты никогда точно не определишь слова, которое выражает какую-нибудь «отрасль» твоего душевного. Каждое определение потребует у тебя слов, которые тоже нуждаются в определении... И в конце концов, все окажется неопределенным и невыразимым... А то, что две неопределенные вещи путаются, — в этом нет ничего удивительного...

— Ну, так с таким же успехом могут путаться и все твои эти «обычные» слова, их тоже надо опре...

— А что ж, они и в самом деле путаются... Вот я, например, перечислил четыре совершенно обычных слова... У вас, наверное, путаются понятия «ЦК» и «солнце»... А у меня, например, «ЦК» и «баклажан»...

— Хе-хе-хе-хе...

— А что? — спутать их очень легко... И то, и другое «невкусно без хлеба»; и то, и другое немного дороже

ливерной колбасы; притом, обе эти вещи своей внешностью напоминают что-то такое...

— О-ах-ха-ха-ха!!

— Потом! — я, например, путаю «ЦК» с «денатуратом» — и то, и другое имеет синеватый оттенок, затем — оба они существуют, могут существовать и сохранять свою целость только в твердой и надежной упаковке. Вы, вероятно, знаете, что это за «упаковка»... Далее — обе эти вещи распространяют смрадное благоухание... и, в довершение всего, при поднесении зажженной спички легко вспыхивают и «горят мутным коптящим пламенем»... А? Как вы думаете?

— Все это, конечно, очень хорошо... Но я-то, вообще, никак не думаю...

— Чудно, чудно... я всегда безумно любил людей, которые «никак не думают»...

— Да?! А может быть, вы, как всегда, втискиваете в слово «люблю» свое значение «ненавидеть»?.. Ха-ха-ха...

— Нет, почему... Я вынужден пока «втискивать» в это слово общепризнанный смысл... Я, как и все грузчики, слишком благоразумен...

— Что-о-о?! Вы — грузчик!!!!?

9 мая

Господь Бог цитирует Федора Тютчева!

Смотрите на небо!

Смотрите на небо!

Это — печать Всевышней нервозности!

Проверьте исправность громоотводов и захлопните чердачные окна!

10 мая

«Любит это она, когда в нее молоденькие влюбляются... Паренек-то этот все на нее и смотрит... А как сядет к нему, так он уж и стесняется... Сидят оба, какую-то чепуху несут, смеются...

Сгубит она его... Молоденький еще, и не понимает в этом ничего... И не стыдно ей...»

Вера Алексеевна Р. 10/V-57 г.

11 мая

Иногда припоминаются сентябри...

Кажется — как это ни странно — что через полгода снова будет сентябрь...

И снова, как в сентябре, в памяти всплывет апрельская икона, и запахнет октябрьским одеялом...

А теперь прошлогоднее исчезает...

По временам что-то недавнее повисает в воздухе...

Загорается лампа... При свете красного абажура от моста через Язу ползет холодный туман... Озаряется сердитой улыбкой музыкантовская рожа... И окоченевший пьяный хватается за фонарный столб.

А потом барабанит дождь... И, привалившись к стене, побледневшая Лидия заплетает косы...

А паровоз гудит простуженным голосом, потом оседает, окоченевший, к подножию фонарного столба...

И шепчет, опустив голову в тарелку: «Дети мои... Дети мои...»

И гораздо отчетливее — во сне...

А наяву — на секунду, неясно, расплывчато...

Особенно, когда приятно пахнет осенью...

А потом — холодом...

Удивительное ощущение!..

Словно бы 56-ой год совершенно неожиданно упал мне на голову, разлетелся на куски апрелей и сентябрей...

И теперь звенит в голове, ...звенит...

12 мая

Блаженной памяти великолукская мученица предупредила меня — и оказалась ясновидцем.

Значит, так суждено.

13 мая

Намедни, препровождая время в обществе Мартыновой, неожиданно почувствовал в себе прилив острой животности.

Окидывая взором тыловую часть, находящуюся, впрочем, не слишком далеко от источника моих воз-

ров, робко попытался доказать владелице необъятных бедер, что я — оригинал и у меня всегда бывает несколько странное желание «попытаться» объять необъятное.

Зардевшаяся Мартынова набросилась на меня с поцелуями и одновременно убедила меня, что мое желание «невыполнимо только теоретически».

Впрочем, дабы реабилитировать мою целомудренность, могу сказать, что не я обнимал необъятное, а необъятное обнимало меня.

14 мая

...Все издохнут! Как собаки издохнут! И памяти о них никакой не останется! Потому-то и бесятся все! Думают, что если они будут убивать да резать, так о них помнить будут! Все одно!..

...Ха-ха-ха-ха! А в сумасшедших домах! Ты видел!? — в сумасшедших домах! Что там творится! А-а?! Раньше хоть там умные люди сидели! Изобретали, читали, писали — да от этого и сходили с ума! А теперь — что? Теперь каждая сволочь падает на улице и ногами трясет! На Канатку ему, собаке, хочется, чтобы ни о чем не думать!..

...А все это ходят в бостонах! Красятся! Пудрятся! Духов на себя льют! Так это... двигают бровями! Глазки строят! Читают романы! Если есть кто-нибудь заразный, так на него косятся, боятся заразиться да издохнуть!.. А?! Хха-ха-ха! Боятся издохнуть!..

...Ты понимаешь, я точно такой же... И алкоголиков — всех! — за людей не считаю! Это уже не люди! Мы все издохнем! — Так надо брать все, что тебе нравится, пока ты жив! Я вот, к примеру, пью так просто! Нравится просто пить! Вот и пью!..

...Скверным делом ты занимаешься, малый! Никакой такой особенной психологии нет ни у кого из этих вот! И изучать нечего! Все люди как люди! Каждому человеку хочется выпить! А у них немножко поменьше воли, не могли воспитать в себе с детства волю! Любой человек в любую минуту с удовольствием бы выпил! А

он просто сдерживает себя — таких вот и надо уважать! А не этих вот, которые стоят здесь целыми днями да харкают!..

...Я не понимаю, чего все жалуется на плохую жизнь! И еще говорят, что поэтому и пьют, что у них плохая жизнь! Я, например, думаю, что, наоборот, от хорошей жизни все и валяют дурака! Будь у них мало хлеба, так они бы не стали напиваться до дурости, а потом друг другу бить морды! И лучше будут жить — все равно пить будут, еще больше, чем сейчас. И морды...

...Ка-агда я пъя-а-ан,
А пъя-ан всегда-а-а я-а-а,
Больну-ую ду-у-у-у-ушу
Я во-о-одкой а-атважу-у...

...И я тебе скажу, почему война так действует на людей! Все-таки человек только в древности был зверем, и все время двигался по гуманной линии. Сейчас нет ни виселиц, ни плах, ни гильотин! И гораздо гуманней был человек в этом году, скажем, чем двадцать или даже десять лет назад! А на войне — наоборот! На войне, что ни год — то все бесчеловечнее делается это оружие... Поэтому между мирным и военным временем все больше делается пропасть! И она все больше и больше!.. Ее поэтому и боятся — те, которые пойдут...

...Мне-э-э ррро-оди-ну-у-у,
Мне-э-э ми-и-илу-ую-у,
Мне-э-а ми-и-илай да-айте взгля-ад...

...Хлопцы! Сынки! Осчастливьте старика! Я линию Маннергейма... брал с боем! Никогда не шутил с изменниками, а душу всю выкладывал, кровь...

...И поделом! Бабам не место в пивной! Раньше-то, посмотришь, и не видно нигде было, чтобы баба допьяна опивалась, а теперь чище мужиков! Рукавом утираются! И... голландского сыра не надо, а?! Хя-хя-хя!!

...За убийство — в тюрьму сажают, расстреливают! Недавно у нас одну посадили, за то что своего ребенка задушила, двухмесячного! По закону нельзя убивать ребенка! А аборт не запрещаются! Это что же получается — убивать ребенка в утробе матери — можно. А как вылез — уже нельзя, тюрьма! А что, если его задушить, пока он только еще голову просунул — это что? — карается по закону или нет?!

...Да здравствует великий наш наррод — строитель коммунистического отечества! И нашего великого завоевания от всех капиталистических попыток...

...Господа! Нюхайте кильку! Нюхайте кильку! Лучшее средство от горестей и заразных заболеваний!..

...Бывал и в Сталинграде, бывал и в Берлине. Наш брат Иван ленив, ленив... ну уж а если его разозлят, тогда спуску не жди! Что статуя в Берлине стоит, так это хорошо, просто так бы статую не поставили! А если рассудить — так незачем, вроде насмешки как будто... Да и нашего брата Ивана не за что винить, озверели, озлобились. Мы все в Берлин-то вступали с таким видом, как будто бы это саранча, которых всех надо уничтожить, всех немцев... Побили много, правда, баб прямо в подъездах ебли и сразу штыком в пузо... Да ничего не подделаешь, немцы тоже наших стариков убивали... Да ведь у них и цель-то была такая — всех истребить... А у нас ведь миссия освободительная... Немцев от немцев освобождали...

...С тех пор и трясутся руки. Ты, малый, не поймешь это, нервное состояние. А все равно никого не виню, ни государство, ни войну. Сам виноват, вот и исповедывался, как Мармеладов перед Раскольниковым. Хе-хе-хе! Какой я Мармеладов... Как ты — Раскольников... Хе-хе... Бывший студент... Может, пойдешь убивать старух а потом в обморок падать... Хе-хе-хе... Не выйдет... Теперь уже не выйдет. Теперь старухам почет, пенсия. А молодым — все дороги открыты, и в пивную тоже...

...Я же вввам говорю, что не продавал! Не пррродавал! Не смея хватать, паскуда! Вы у нас для порядка поставлены, а если человек честным трудом...

...Удивительные люди сидят у нас в правительстве! Как будто бы умные, а такие глупости иногда делают... Возьмите хотя эти обеды, банкеты! Все время раньше допускалась такая глупость: человек, который руководит, ест лучше и больше, чем те, которыми он руководит. Это так нелепо! Что даже и сейчас наши руководители больше всего любят эту привычку! Удивительно... Неужели они не чувствуют, до чего это глупо...

...Так что и жизни-то, по сути дела, нет никакой. Пьем — и все. А отчего пьем? На какие деньги пьем? — это, может, и дела никому нет... Может, это я кого-нибудь убил, да теперь вот его и пропиваю, может, я его и не убивал, а просто себя считаю убийцей... Я, может быть, сам девочку из огня вытаскивал, может, она горела и кричала, а я ее вытаскивал... А теперь и... пропиваю ее... Тут... душа человеческая много знает... от этого обычно и...

...Объедаются, сволочи! Крровушку народную пьют! Соревнуются... заокеанские империи кожу с наррода... А русский — душевно ссвободный человек! Хочу — пью... Хочу — плачу, хочу — в моррду... А у нас не так! У нас, у русских — не так! Захотелось — иди, бери домой, все чинно, по-образованному, ...главное, чтоб шуму не было, чтоб никто не кричал... чтобы все — тихо, это самое главное...

...Прравильно! Прравильно!! Мы имеем полное право!..

...Даже ссать с третьего этажа запрещают. А в каком это законе написано, что ссать с третьего этажа нельзя...

...Думают, мол, помнить будут... А все одно...

15 мая

«Вы, видящие бедствия над вашими головами и под вашими ногами и справа и слева! Вечно вы будете загадкой для самих себя, пока не сделаетесь смиренными и радостными, как ребенок. Благо дано всем моим детям, но часто в своей слепоте они не видят его. В своем самодовольном легкомыслии они отворачиваются от моих даров и с плачем жалуется на то, что у них нет того, что Я дал им. Многие из них отрицают не только дары мои, но и Меня, Меня, источника всех благ.

Оставьте ваши невежественные мысли о счастье, о мудрости, оставьте все ваши желания, — тогда познаете Меня и, познавши Меня в себе, глядя из великого мира внутри себя на малый мир вне вас, вы будете благословлять все, что есть, и будете знать, что все хорошо и в вас и вне вас».

Криш. (12 ч. ночи)

16 мая

«Не нужно, ведь тебе же сорок лет... Ты поправишься... Это же ты просто заболела...»

«Доченька, не надо... Помнишь, ты покупала елки... Подходила к каждому ларьку, просила самую маленькую и красивую... А потом бросала... Я же тогда всех уговаривала: не надо смеяться... не надо смеяться...»

«Ты ведь знаешь, что болела тогда... Я же ведь тебя уберегла... а ты говорила, что я виновата... Плакала, говорила, что тебе стыдно... Помнишь?..»

«Ты ведь меня узнаешь?.. Не нужно так смотреть... Это оттого, что ты заболела... Помнишь, Венька к нам приходил... Ты выпила маленькую-маленькую рюмочку, а потом говорила, что тебе грустно... И все — какое-то тяжелое и грустное...»

«А Анна Андреевна вечно будет жить... Упокой, Господи, душу ее страдальческую... Она и сейчас тебя любит... Придет к тебе... А ты ведь тогда и смотреть так не будешь... Смеяться будешь... рассказывать... что ничего и не было... А просто заболела немного... И стало грустно... Да?»

«Узор будешь вышивать... и все поймешь... выздоровеешь... Все будет опять хорошо... как раньше...»

17 мая

— Вот ты говоришь: высшие цели... А ты не думаешь, что существуют умные люди — умные! — а они не понимают, что это значит! Не понимают! Не потому, что не могут! — Не хотят! Зачем мне издыхать ради высшей цели, если она меня не воодушевляет!?

— Иногда мне самому становится страшно! Представь себе — я ем! Ем, потому что знаю — если я не

буду есть, я не смогу работать! Но если я не смогу работать, я вынужден буду не есть! Кажется, — просто! Сомкнутое кольцо — и никакой цели! Понять это просто, а представить себе, прочувствовать — станет жутко! Ты говоришь — высшие цели? А зачем они! Seriously, зачем?

— Встань в мое положение. С утра до пяти вечера ты выгружаешь из печи кирпич. Температура 40-50 градусов. Кирпич раскаленный. На улице, если ты даже урвешь полчаса на отдых, — жарко. Работаешь почти голый, глотаешь испарения горячего кирпича — и все время одно и то же: наклоняешься над кирпичом, берешь, грузишь на тележку, ее отвозят, моментально подвозят другую — у тебя уже кружится голова, грудь жжет, во всем теле ломота, ты еле держишься на ногах — и все равно: наклоняешься, берешь, грузишь, опять наклоняешься...

— Ты поднимаешь один кирпич — и знаешь, что за ним пойдет еще семьсот штук. Нагрузил семьсот — начинаешь снова. Ты идешь домой — и знаешь, что завтра с утра ты опять с головой залезешь в эту чертову печь и начнешь все сначала. Вечер дается тебе, чтобы ты мог подкрепить свои силы, поесть, отдохнуть — а завтра...

— В конце концов, тебе уже ясно, что именно-то в этой печи — вся цель твоей жизни. И тебе совершенно безразлично, вдохновляют ли тебя высшие цели или ты работаешь бесцельно. Тебе все равно, в каком государстве ты работаешь и какими идеями руководствуются твои властители. Тебе совершенно все равно.

— Когда-то я много читал, теперь ничем не интересуюсь. Просто я знаю, что ни одна книга и ни одна музыка не выразит моего чувства. Мне нужно произведение, которое выражало бы самые сложные чувства — и одновременно не выражало бы ничего. Да вообще-то мне и ничего не надо.

— А казалось бы, чего мне жаловаться! Я работаю в адских условиях — но зато: полторы тысячи!! Я могу всегда быть сытым и хорошо одеваться — да, но сердце, легкие... Еще лет пять — и я уже не жилец.

— Иногда забудешься в печи... Вспомнишь, что работаешь и для детей... Бессознательно задаешь себе вопросы: какие дети? зачем дети? — грузить кирпич?? Тогда зачем он, этот кирпич? Берешь один; как сумасшедший, бросаешь его об пол, разбиваешь; потом второй, третий, четвертый... Потом одумаешься — ну, разбил ты один кирпич, второй, но ведь впереди еще семьсот, а там еще... Останавливаешься, переводишь дух, начинаешь все сначала...

— Все это хорошо: люди издавна так работали, но ведь у нас все это, вместе взятое, без зазрения совести называется счастьем! Единственное, что у тебя остается, — водка, а ты пьешь ее осторожно, крадучись, исподтишка... Любая неосторожность — и тебя оштрафуют на 50 рублей!

— И все это — ради высших целей!

19 мая

Все в той же малиновой кофточке... страшно...

20 мая

— Ну куда я сейчас пойду?.. У меня... ннет... ничего нет! Что, ты думаешь — я так и пойду? Чтобы все смеялись надо мной — пусть... Да?! Ты что же — тты... человека понимаешь?

Тупо посмотрел на меня. Я отвернулся: попытался придать своему лицу безразличие.

— По-твоему... я должен на кирпичах спать... Так, что ли?.. Рубля жалеешь... Своему другу... рубля жалеешь... В рррот я всех ебу в таком случае... Мне нужно... понимаешь?.. напиться нужно...

Я пробовал убедить его, что он и без того пьян «слишком достаточно»: я не дам ему ни глотка из своей четвертинки; что же касается денег, то их у меня нет совершенно...

— Ты же еще мне... сыннок!.. Ты еще... под стол ходил пешком... а я уже дддддддддддд человек был... Ммалых ребят видел... И больших видел... тоже... А теперь — что? — умирать, что ли, мне хочется? Обязан я что ли — умирать?..

Растегнул телогрейку, обнажил мохнатое туловище.

— Видишь!.. Везде горит... огнем горит... А на что мне рубашка? Взял — и пропил... Пиджак тоже — как будто задаром... пропил... Как у русского народа... что выпито и проебёно... то в дело произведёно! Хе-хе-хе... Все за мозоли покупаем... а продаем — даром... В носках теперь идти... Ттак?

Нагнулся, придерживаясь за мою куртку, стал снимать грязные носки. Встретив мою улыбку, тоже улыбнулся.

— Малый! Мы... с тобой пили... а ты хороший малый! Тебя... девки целуют... Так всегда и надо делать!.. А мне... босиком теперь... дойду до кольца... буду все покупать... все, что лежит, все буду покупать... а телогрейку продам... Голый пойду... Прическу себе сделаю...

Снял носки: босой, опустил на землю.

— купишь, а?.. В ней же цена не за то... что дорогая... Мне она нужна... Никому не продам... Голый пойду... От самой Москвы в ней прошел... А жены у меня нет... Теперь уже все равно — рубашку продал, ботинки продал... А телогрейку — нниккому не дам! Это своя, русская... купишь, а?

Заерзал под ногами, схватился за мою руку.

— За один глоток, а? Носки отдам... Это они грязные, потому что темно... А были... хорошие, полоски везде... А?.. Не хочешь, значит?.. И телогрейки не хочешь... Душу-то нельзя продавать, душа у меня... как русский герой... а продавать нельзя... Телогрейку — можно...

Вероятно, вспомнив, что у меня в кармане четвертинка, неуклюже поднялся, стал на колени, обеими руками ухватился за карман.

— Сыннок... Я же не пожалею ничего... Отдам... Телогрейку отдам... Что еще у меня... нничего больше... Вечное тебе спасение будет... По-божески все будет... Ты же такой хороший... сынок... По-божески...

Пришлось вынуть четвертинку и заложить за спину.

— Ммилый, я же не хочу... Мне... можно не прятать... Один раз... я же понимаю... человеческие чувства... Ведь я... Я же не требую... Мне как другу... А никакой водки

мне не надо... Я и так... Водка везде есть... а чтобы душа горела... выпить надо... А телогрейку... тоже надо... ее оделоном немного... помочить... и будет как... в хороших людях. Я — что? Я — не хороший? Тогда плюй мне в рожу!.. Ну? Я — что? Не человек?!. Тогда бей... Бей, и все... Ебать всех в ррот в таком случае... Бей... жалеть не надо... Я все, что надо... А сто грамм — за советскую рродину, за службу...

Стало жутко. Всплыли на поверхность скверные желания... Помутился рассудок...

Ровно в час ночи я выбросил ему четвертинку.

21 мая

Помню, как в тумане... Было жарко и хорошо... И когда вспоминаю, снова становится жарко...

А она даже и не заметила.

22 мая

— Зачем бьешь?! Это беззаконие!

— Никто и не бьет! Слепой, что ли?

— Э-э-эх, надрызгалась, старая ведьма, ее и сапогом не разбудишь!.. До чего же все-таки доходят...

— Добро бы мужик какой-нибудь, а то ведь женщина! старая! И откуда только такие берутся?!

— А ведь сидела еще, денег просила... Какие только дураки ей давали!

— И не стыдно ей, суке старой...

— Детей-то, наверно, нет... А то б постыдилась... этак-то...

— Да что ты ее, сынок, поднимаешь-то — как?! За голову... да сапогом!.. Руками бы уж, что ли?

— Возьме-о-ошь такую руками! Поды-ымешь! Заблеванная вся...

— Как ведь скотина какая-нибудь... Да скотина-то чище... Люди-то хуже скотов стали!

— И не говори...

— Ляжет такая в сестиваль, так все дело и испортит... Позор да и только!

— Ну, уж в фестиваль — так долго чикаться не будут... Это-то еще ничего, — видишь, как он ее удобно, — сапожком за живот и перевертывает...

— И чего пьют, спрашивается?.. Чего пьют?

— Какой чорт там — «переживает»! Какого это ей хрена «переживать»? А если переживаешь, так переживай, как все культурные люди...

— Чем это она недовольна, интересно?! Надрызгалась — вот и все.

24 мая

Ну и пусть смеются... Я не вижу никакой разницы...

Это просто кажется, что они смеются; никто и не обращает внимания...

Когда-нибудь я буду поститься каждую пятницу... А теперь нельзя...

Теперь демобилизую терпение... Мне будут говорить, что я сумасшедший... И я зайду на полчаса...

Буду смотреть на фотографию мертвого и улыбаться... Что же здесь особенного, если умер годовалый ребенок... Это даже хорошо... Годовалые дети должны быть только на фотографиях... Если он воскреснет, придется смеяться... А мне смеяться не хочется...

Я лучше завтра нахохочусь...

А сегодня буду смотреть... И не буду говорить глупости о необъятном... Это незачем...

Это самое приятное — смотреть... Кто-то, — кажется Муравьев, — говорил, что я меланхолик... Никогда не поверю...

Если бы это было просто половое влечение, я не был бы раздосадован...

Если даже гостеприимно распахивается кофточка, я не говорю глупостей... и не сумасшествие...

Не понимаю, почему все это тебя трогает... Ведь он уже и не придет... Наверное, и сейчас стоит на улице Красина... Ободранный... Просит денег...

На днях видел его: ...Стоял в пивной и ударялся головой о прилавок...

Это даже немножко смешно... Пошляк стал инвалидом — и перестал быть пошляком... Не нужно было выгонять его...

Да мне-то все равно... Да и он — не сегодня-завтра издохнет... Я же знаю, что ты будешь плакать... И опять, как вчера, задушишь «лобзаниями»...

А пока будешь хранить «целомудрие»... Пройдешь... Заденешь лицо бедром...

Исцелую ноги... Буду дышать твоим запахом...

25 мая

Ерофеев! Вы плохо кончите! Вам, наверное, и во сне снится, что вам стреляют в затылок!

Ерофеев! Вы некультурный человек! Посмотрите на нашу молодежь! Разве кто-нибудь, кроме вас, в общезжитии ходит в дырявых тапках?

Ерофеев! А вы, оказывается, хорошо стряпаете стихи! Вы о чем пишете — о природе или о девушках?

Ерофеев! За что вы ненавидите женщин? Женщин надо любить! На то у них и пизда!

Венедикт! Почему тебе все — смешно?

Венедикт! Ты хоть свою родную мать не называй сволочью!

Ерофеев! Вы рассуждаете обо всем, как трехлетний ребенок! У всех людей в голове мозг, а у вас..!

У вас — «олимпийское» спокойствие, Венедикт!

26 мая

— Неа, не нужно...

— А если трудно будет?

— Все равно не нужно.

Полуминутное молчание.

— Тебе же ведь никак без них нельзя.

— Значит, можно.

— Дурак.

— Угу.

— Что «угу»?

— Угу, говорю, дурак.

Молчание.

- Венька... почему ты такой злой...
- А почему ты такая глупая...
- ...Да я и всегда была глупая...
- Да я и всегда был злой.
- Дурак... Веньк, а у тебя веснушки... И у меня тоже — веснушки...
- Угу... и у тебя — веснушки...
- Так ты же и не посмотрел даже...
- Интуиция, голубушка, ин...
- Ну, посмотри, Веньк... ну, чего ты злишься...
- Я не злюсь... Просто — я пришел к Муравьеву, по делу, а не смотреть на вас всех... Много здесь вас с веснушками — каждого и рассматривать, что ли...
- *(отсмеявшись)* А ты часто сюда ходишь?
- Неа, раз в месяц... Между прочим, сегодня — последний раз... Скверно что-то стало у вас на Стромынке.
- Да ты и раньше говорил, что тебе на Стромынке противно...
- Раньше было противно, теперь — скверно...
- Не понимаю, для чего ты живешь, если тебе все противно... Повесился бы уж, что ли...
- Послушайте, Антонина Григорьевна, ...во-первых, мне не все... противно, а во-вторых, прекратите глупости. Иначе я вас ошарашу такой глупостью сейчас, что вам будет слишком неприятно...
- Да-а-а?
- Угу.
- Минутное молчание.
- А ты оказывается все такой же скотина.
- Угу-у-у... И ты тоже... И у тебя действительно — тоже веснушки...
- Длительный мрачный взгляд.
- Пятиминутное молчание.
- Беззвучное окончание последнего интервью.

27 мая

Я люблю совершать благородные поступки, это моя слабость. Благодарение богу, мне еще не представлялось подходящего случая. Иначе мне пришлось бы хвататься перед ними, что я совершал их.

А я вот представил себе, что сегодня утром я был благороден... А представить гораздо труднее, чем совершить в действительности.

Может, я и в действительности совершал то, что мне представлялось, — ну, да ведь над благородством не смеются.

А над моими действиями-таки смеялись, хоть, может быть, мне это просто казалось.

А казалось бы — над чем смеяться?

Это даже своего рода долг — одернуть заблудшую женщину. Я лично ничего не имею против того, чтобы женщина являлась в общество с расстегнутой шириной, это, напротив, представляется мне явлением благоуханным...

Но если эта же женщина пытается убедить собравшихся в том, что обозначенное явлением благоуханным — плод общественно-разгулявшегося воображения, здесь уж поневоле приходится прибегать к крайним мерам.

В этот миг я походил на Демосфена, я выражал сквозь зубы интересы большинства. Я это чувствовал, — толпа с удовольствием скандировала лейтмотив моей речи: «По зубам ее, стерву... По зубам...»

Но бить ее не решались — разве же можно без опасения даже приблизиться к балтийскому матросу. Значит, я ошибался, принимая его за столетнюю женщину. Мне просто казалось... По утрам меня интересует только кажущееся... Мы раскланялись...

Он отрекомендовался мне «апологетом» человеческого бесстыдства, он не фантазирует по утрам... С недавнего времени он всеми признанный порт пяти морей и крупнейший железнодорожный узел... Он падает на землю и дергается... Ну конечно, он сумасшедший, это все понимают...

Если он в бреду даже речь мою называет неблагородной, то какие же могут быть сомнения... Он сам это хорошо понимает, он видит, что по утрам все смеются над ним... Бедный помешанный... Он оскорблял меня...

28 мая

«Сыннок... ты меня обижаешь... я тебе подношу, как брату кровному... Как сыну своему подношу... А ты даже от своего... кровного... не хочешь принять...

Тты думаешь, я тебя просто напоить хочу... Чтобы ты напился да извиняться стал... Скверные, значит, у тебя... мысли... если ты так думаешь... Не за что передо мной извиняться...

Я ссам, если хочешь, ...извиниться могу... что в воскресенье ругаться с тобой хотел... Если б не баба, мы бы с тобой поругались... по-хорошему... Она тебя любит, моя баба... Все хочет, чтобы ты ей стихи писал...

А от меня, проститутка, стихов не дождется... я уже дураком давно не был... Муж, значит муж... Расписаны — и все, никаких стихов... Прихожу в любое время... Если дает — ебу... Нет — ухожу к ебаной матери... Как будто у меня других блядей нет... Ты думаешь, я с одной ногой — так и блядей не найду... Блядей я всегда найду, еби только, успевай...

А тты — э-э-эх! — к бабе моей прилепился, стихи ей пишешь... Ппоэт... девятнадцатого века... Хе-хе-хе... Наверное, любишь, когда она перед тобой заголяется... Все это она хочет, чтобы ее молоденький лизал со всех сторон... Так жопой и завертит... от удовольствия...

Да ты не обижайся... Она хорошая баба... Она тебя не обидит... всегда, что надо, поесть сготовит... Ты как сын у нее, на всем готовом, только пои ее больше... Она, когда немножко выпьет, так сама бросается на шею, плачет... Так прямо и ложится под тебя...

Э-ох-хо-хо-хо! Люблю я тебя, паренек, так бы вот прямо взял и расцеловал... А? Хе-хе-хе-хе... Поэт! Настоящий поэт!.. Не знаменитый, ну — ничего... ничего...

Выпей еще грамм сто — ...вот уже и знаменитый... Пьяному море, как говорится, по самые пятки... Сейчас вот допью — пойду по блядам... Первым делом — к бабе пойду... Если дойдет дело до того, что выгонять будет... угроблю на месте...

В прошлое воскресенье тоже пришел навеселе... Хорошо, что еще успела дверь закрыть... а то было бы дело... Я уж сколько раз из-за нее на пятнадцать суток садилась... Все ей грозил, проститутке — ...погоди! отсижу, приду, — места мокрого не оставляю... Не все ли равно, за что сидеть...

А все жалею... Как посмотрю на нее, что она плачет... сразу жалею...»

А. М. 28/V — 57 г.

29 мая

Главное — хранить полнейшее спокойствие и заблудших отвести от самоубийства.

Сначала попробовать убедить: нет ничего безвыходного...

Если не поможет — напиться, успокоить материально...

А «желанный» пояс окропить святой водой...

30 мая

Ммилые вы мои!

Да ведь я точно такой же!

Помните? — когда похолодало двадцатого марта, ведь и я закрывался рукой от ветра, отворачивался, хотел, чтобы теплее было!

А потом прятался под одеяло, согревал руки, и, когда жаловались на холод, говорил, стиснув зубы: «Это хорошо... Мне нравится, когда так... бывает».

Говорил совершенно серьезно, — и жался к теплому радиатору! Ругался, когда кто-нибудь открывал дверь и озябшим голосом просил папиросу!

Теперь немного теплее. И все равно говорят озябшими голосами, вздрагивают у проходной, а на холодные радиаторы смотрят угрюмо, наверное, считают их виноватыми.

Мне тоже холодно. Я тоже вздрагиваю.

Им не нравится холод. А мне — <«то, что им холодно»>...

31 мая

Ну, как это можно лежать в гробу? Так вот просто и лежать?

Хоть бы покрыли чем... А то ведь я выдать себя могу. Нечаянно дрогнет рука или... еще что-нибудь. Хорошо это лежать мертвому, ему и не стыдно, что он лежит. Да и рука у него не дрогнет... или еще что-нибудь.

А меня вроде как будто на смех положили. Положили и ждут, когда я разоблачу себя... Пошевелюсь или вздохну...

И глаза открыть нельзя... Откроешь — а они все стоят и на тебя смотрят...

Мертвому, например, все позволяется... Мертвый может и с открытыми глазами лежать. Все равно не увидит никого... Ему кажется, наверное, что и на него никто не смотрит... Потому и не стыдно ему... И закрыть глаза — может... Даже полагается, чтобы мертвый в гробу все время глаза закрывал...

«Граждане! Если я посмотрю на вас — вы смеяться не будете?... А?..»

Странно, почему все молчат... Думают, наверное, что я и в самом деле мертвый, а просто из себя строю этакое... разговорчивое... Как будто это очень мне интересно — откидывать перед ними коленца да потешать их...

«Граждане! А я все-таки открою! И глядеть на вас буду!.. Вам это даже интересно будет. Мертвый, а глядит... Хи-хи... В платочки будете фыркать. А потом пойдите и будете всем рассказывать: «Мертвый, ...а глядит...»

Ну, а теперь они и подавно будут говорить, что я умер: открыл глаза, а ничего не вижу. Совсем не так, как в темноте. Если в темноте приглядеться, так сначала увидишь просто контуры... А потом и самые лица разглядишь... Узнаешь тех, кого видел раньше... Моргнешь им или лягнешь ногой... А ведь здесь не только контуров — самой темноты... Самой темноты не видно.

Бывает, что человек проснулся, открыл глаза — а не видит... Но ведь это во сне так бывает... А ведь я и не думаю спать. Я же знаю, что на меня смотрят...

«Граждане! А что, если я на другой бок повернусь?.. И вообще — буду поворачиваться, песни революционные петь, кричать буду?.. Вы ведь тогда отвернетесь?.. Да?»

Смеются... Это они, наверное, над «революционными песнями» смеются... Зря я это сказал... Мне даже самому неловко. Нужно им было что-нибудь поумнее сказать, чтобы подумали: «Умный, а ведь в гробу лежит. Стало быть, умер».

А ведь это очень трудно. Лежать в гробу, чувствовать, что ты ослеп, — и умное говорить. Это очень трудно.

«Упокой, господи, душу новопреставленного раба твоего!.. Граждане! Вы не думайте, что я верую в бородатого бога! Бог всюду сущий и единый!..»

Вот, мол, какой я умный.

«А все, что я говорил до сих пор, — вы тому не верьте. Все по незнанию, по недомыслию... Потому что непривычно мне здесь... В воздухе как будто кухонный запах. И смотрят все. Смотрят, а не говорят ничего. Страшно...»

Да мне и действительно страшно.

«Граждане! Если среди вас есть хоть один слепой — он поймет меня. Я ужасно люблю слепых! Я еще в детстве хотел, чтобы все были слепые, чтобы у всех были сомкнутые веки... А если у кого-нибудь глазное яблоко раздвинет веки, так это считать злокачественной опухолью, помочь ему...»

Фу, какую я глупость сказал!..

Я даже чувствую, что начинаю краснеть. Странная у меня привычка! Когда я начинаю краснеть, то краснею все больше и больше. И уже никакой хладнокровностию себя остановить не умею...

Хоть бы покрыли чем... А то ведь могут подумать: «Притворщик; мертвые не краснеют». Ну, хоть бы саваном, что ли...

«Граждане! Вы бы уж покрыли меня, а то ведь я покраснел... так вы увидеть можете».

А под саваном и чихать позволяется.

«Так уж лучше не видеть меня... Со святыми упокою-ой...»

7 июня

«Мать Божия!»
«Девственница Мария!»
«Богородица пресвятая!»
«Заступница-матушка!»
Триумвиров не нужно!
Ниспошли то, что ниспосылала!
Убавь еще немного!

8 июня

Если вас оттесняют на исхоженный тротуар, держитесь правой стороны.

Если вы просветляетесь в мыслях — засорите свой разум.

Если вы чувствуете непреодолимую симпатию к находящейся в пределах земного вещи, уничтожьте ее.

Если это деньги — сожгите их.

Если это человек — толкните его под трамвай.

Если это дама — привяжите ее к стене и вбейте ей клин.

Убедите себя, что отвращение — самое естественное отношение к предмету и что на поверхности вашей планеты не должно быть ничего, к чему бы вы чувствовали влечение.

Убедите себя, что гораздо благороднее — мыслить представлениями об уже не существующем.

Если же стечение обстоятельств отрекомендуется вам Роковым для вас самих и вынудит вас покинуть земное, — уходите спокойно, с ясностью во взоре и в мыслях.

Уходя, гасите свет.

9 июня

Наверное, завтра меня свезут в сумасшедший дом... Все равно она ласковая... И у нее красивая грудь... Пшеницына тоже была такая... Обломову нравились локти... Он всегда смотрел на нее... Это помогает...

10 июня

«Э-э-эх, Венька, Венька! Хотя мне и горько признать-ся, а я в тебя потерял всякую веру.

В марте я просто-таки тобой восторгался, ожидал, что из тебя получится чуть ли не великий человек... В апреле как-то равнодушно к тебе относился, но все-таки надежды не терял...

А теперь... вообще махнул на тебя рукой... Гиблый ты человек, конченный...

Я думал, ты бросишь пить, а оказалось наоборот... Ты еще больше пьешь... Да и обстановка здесь дикая, на тебя влияет... Ты же здесь просто задыхаешься, Венька!

И зачем только ты от нас ушел... Вспомни-ка, как было все хорошо... весело... Тебе, наверное, сейчас кажется, что ты выбился куда-то в сторону и остановился на месте, а все остальные живут... им по-прежнему хорошо...

А ты все катишься вниз. Не знаю, когда же будет предел.

Э-э-эх, Венька, Венька! Сколько раз я тебе говорил, еще и в прошлом году: — опомнись, Венька, опомнись! — ты все смеялся.

А теперь уже поздно».

Валерий С. 10/VI-57 г.

ДНЕВНИК

11 июня — 16 ноября 1957 г.

V (окончание) Записки психопата

11 июня

Меня похоронили на Ваганьковском кладбище.

И теперь я тщетно пытаюсь припомнить мелодию похоронного марша, которая проводила меня в землю.

Иногда мне кажется, будто марша и не было, и сопровождавшие гроб двигались неохотно, поминутно оборачивались, словно ожидали, что откуда-то сзади с минуты на минуту раздадутся рыдающие оркестровые звуки...

И не дождавшись, отступали, расходились...

Я был слишком мертв, чтобы выразить к этому отношение. Отчего-то думалось, что равнодушие к удаляющемуся гробу было следствием тягостной, непрекращающейся тишины.

До сих пор всем им движение времени представлялось как движение вечных, сменяющих друг друга мелодий.

А теперь...

Тишина словно оглушила сопровождавших. И самому мне казалось, будто гроб остановился вместе с временем.

Остановился и тяжестью всеобщей пустоты «захватил» мне дыхание...

Стало душно...

А сверху на крышку гроба что-то падало... сыпалось через щель между досками... не нарушая тишины...

Я словно чувствовал шуршание песка и ритмические удары по кровле моего последнего приюта. И — может быть, это была просто фантазия оглушенного человека, — но скупые и однообразные звуки преобразались для меня в дивную мелодию.

Может, те, что стояли наверху, не слышали ее, хотя сами и извлекали ее из тишины... но для человека, у которого каждое психологическое состояние сопровождалось и выражалось внутренней музыкой, любое нарушение душевной тишины может казаться музыкальным аккордом... тем более, что тишина для него вечна...

И у него даже отнята способность вспоминать, хотя воспоминания должны были бы стать единственным его делом...

Несправедливость эта меня не тревожила.

Я напрягал свои чувства, вслушивался, словно бы я и не потерял способности вслушиваться во что-нибудь, кроме своей глухоты...

Я знал, что это не стук и не шелест песка... а самая удивительная из всех мелодий — тишина...

Но я уже ничего не слышал.

12 июня

1. Ерофеева Анна, Ерофеев Василий, Ерофеева Нина, Гущина Тамара, Ерофеев Юрий, Ерофеев Борис, Тимофеев Петр, Ванюгина Катерина, Сикорский Виктор, Варзин Александр, Смыченко Владимир, Харчук Анатолий, Симонов Афанасий, Федотов Николай, Кулибаба Иван, Варзова Александра, Елисеева Анна, Елисеева Мария, Бучина Анна, Свиридов Виктор, Сухорукوف Геннадий, Шиляев Геннадий, Горчаков Петр, Горчаков Владимир, Селиверстова Анна, Горбов Виктор, Щербакова Дарья, Водовозов Игорь, Павлов Николай, Балуков Владимир, Ерофеев Венедикт.

2. Быкова Валентина, Белоусова Людмила, Ворошнина Лидия, Глинка Виктор, Дремин Юрий, Егорова Евгения, Захарова Валентина, Иванова Изольда, Киселева Лора, Краснова Нина, Коновалова Валентина,

Литовченко Галина, Литовченко Светлана, Миронова Валентина, Морозова Валентина, Носкова Антонина, Орлова Лидия, Панасова Валентина, Рассадин Владимир, Новикова Юлия, Кавезин Юрий, Станкевич Станислав, Смирнова Нина, Свищева Валентина, Турунина Валентина, Федоров Юрий, Фомин Геннадий, Ерофеев Венедикт.

3. Юрий Романеев, Юрий Новиков, Виктор Дерягин, Сергей Мягченков, Валерий Савельев, Джульетта Остаева, Антонина Музыкантова, Владимир Курников, Владимир Скороденко, Лев Кобяков, Леонид Самосейко, Леонид Михайлов, Виталий Рябцов, Ольга Никонина, Майя Полидва, Светлана Курина, Наталья Теучеж, Владимир Катаев, Владимир Муравьев, Юрий Кузьмин, Геннадий Семар, Борис Успенский, Виктор Тихомиров, Анатолий Ченцов, Валентина Закк, Галина Коршунова, Николай Рубцов, Ирина Гуржибекова, Виктор Сибиряков, Вадим Малютин, Александр Кучиак, Александр Терентьев, Николай Тарлашев, Евгений Костюхин, Леонид Муравьев, Анна Журавлева, Елена Жуковская, Ирма Видуэцкая, Алла Дунина, Алла Зименкова, Любовь Пономарева, Тигран Карапетян, Михаил Петросян, Венедикт Ерофеев.

4. Алексей Былинков, Станислав Артюхов, Геннадий Сейфутдинов, Михаил Бегичев, Илья Шестоपालов, Николай Андреев, Василий Андреев, Сергей Грязнов, Валентина Ракусова, Аграфена Захарова, Анна Бабенко, Яков Абрамов, Владимир Абдуррахманов, Вениамин Козин, Виктор Глотов, Анатолий Киселев, Петр Капустьянов, Владимир Якунин, Серафим Якунин, Яков Ладутенко, Николай Ивлев, Алексей Дробышев, Альберт Гроза, Андрей Волкович, Мария Мелкова, Владимир Ряховский, Светлана Абдуррахманова, Юрий Плошкин, Александр Зеленов, Александр Савельев, Александр Мартынов, Александра Мартынова, Мария Мартынова, Борис Морозов, Альберт Алешин, Николай Нога, Сергей Бочков, Владимир Бирин, Венедикт Ерофеев.

13 июня

Так с тех пор и запомнилось:

Стоят в коридоре, ...видно, что вышли просто подышать, ...розовая краска на лицах, ...нервный половой смех...

Помню, ни внешне, ни внутренне не выразил ничего... А отойдя немного — улыбнулся...

С тех пор стараюсь убедить себя, что так для меня гораздо лучше... Гораздо лучше... А если и вспоминаю, то потираю руки смущенно: «Бог им судия... Так и должно было стать...»

14 июня

Ну, какая может быть скорбь!

Даже в смерти матери я не вижу никакого основания отводить от умершей свою неприязнь. Если даже я и «скорблю», предположим, так не должен же я путем выражения той же самой «скорби» хвастаться своей полной душевной!

Заметьте — я совершенно нормальный! Но величайшее удовольствие для меня — жалость по поводу того, что былое «не будет». И если скорбь доставляет мне удовольствие, почему же я должен видеть плохое в смерти своих близких?

«Скорбеть» по умершему для меня значит просто жалеть о том, что жизнь человека, смертью доставившего мне «скорбную радость», оборвалась этой же самой смертью. Стало быть я жалею только о том, что мне приходится жалеть. Я сам вызываю жалость — и если бы я не черпал в ней наслаждение, она была бы мне не нужна, и, след<ователь>но, ее не было бы.

«Скорбящий» по поводу смерти кого бы то ни было, я гораздо более жалею себя, чем умершего. Я разговаривал с покойником, слышал, видел его; мои восприятия, им заполненные, — часть моего существования. Потому в смерти его я вижу утрату собственную.

Смерть человека постороннего точно так же может вызвать сожаление — но будет искренним оно только

в том случае, если жалеющий «встанет в положение» умирающего или осиротелых чадушек его. Стало быть, единственным объектом моей жалости могу быть только я сам.

Смерть человека, тем более — близкого мне, — лишний предлог для того, чтобы доставить себе радость слезной жалостью к самому себе.

Еще раз заметьте — я совершенно нормальный! Но для чего я на людях буду выражать свою жалость, если это будет восприниматься просто как хвастовство тем, что я позволяю себе слишком много удовольствий!

16 июня

«Капризная Туче» слишком ко мне благосклонна, в том смысле хотя бы, что никогда не оставляет меня.

Игривость ее заходит иногда слишком далеко.

Мне посчастливилось, например, уйти из университета вовремя только потому, что книжные ларьки в г. Кировске в 3 часа пополудни закрываются на обеденный перерыв. Совершенно без преувеличения.

Больше того — если бы они, эти ларьки, закрывались бы по пятницам на замок, мне никогда бы не пришлось даже покидать Хибинские горы.

30 апреля прошлого года не считается днем моей безвременной кончины только потому, что красный уголок черемушкинского общежития был этим вечером в запустении. Был же он в запустении в силу того обстоятельства, что буфет пополнился в тот день двумя ящиками первоклассных сарделек. Обстоятельство, внешне прозаическое, избавило меня от траго-романтической смерти.

Но с тех пор, в минуты крайнего пессимизма, острие моего негодования направляется на расторопность всех без исключения буфетчиц, виновных в продолжении моего тягостного существования.

Это еще не все. Если бы утром 3-го мая прошлого года в программу радиоконцерта была бы внесена одна маленькая поправка, мне пришлось бы краснеть вплоть до февраля нынешнего года.

Если бы в феврале был более лукав бухгалтер нашего треста, мне понадобилось бы в тот же день лечь, не раздеваясь.

Мало того — отец мой скончался именно в июне только потому, что Шаболовка не залита асфальтом. Как это ни фантастично — но это действительно так.

И если бы стромыньские туалеты были расположены не в местах общественного просмотра газет, — у меня никогда не хватило бы духу начинать свои «Записки» и, следовательно, жаловаться на капризы могущественной богини случая!

Что уж там наполеоновский насморк!

17 июня

Удивительный человек. Бездарь. Гений. Оригинал. Слишком мрачный человек. Самый веселый из всех людей. Поэт. Чудак. Скрытный человек. Лодырь. Слишком длинноязыкий. Обломов. Страшно трудолюбивый. Самый непонятный человек. Хулиган. Тихоня. Политический преступник. Книжный червь. Анархист. Идиот. Философ. Пьяница. Младенец. Дубина. Студент прохладной жизни. Человек, который не смеется. Вертопрах. Весельчак. Сволочь. Душа-человек. Прекратите гнилую демагогию. Вот кого надо перевоспитывать. Ужасно интересный тип. Вы будете замещать воспитателя. Я хочу быть твоим товарищем. Черт знает, что у тебя на уме. Давайте, будем друзьями. Я буду твоим комсомольским шефом. Темный человек. Будем знакомы. С тобой интересно разговаривать, у меня теперь все мысли переворачиваются вверх дном. И прочее. И прочее. И прочее.

18 июня

<В дневнике несколько пустых страниц>

25 июня

Валерий Савельев — со всеми существующими жанрами танцевальной музыки.

Лидия Ворошнина — с «Половецким хором» Бородина.

Владимир Муравьев — с «Поэмой экстаза» Скрябина.
Владимир Бридкин — с куплетами и серенадой Мефистофеля.

Ниния Ерофеева — с «Цыганской песней» Верстовского.

Антонина Музыкантова — с Равелем и 1-ой частью 1-ой симфонии Калинникова.

Тамария Ерофеева — с романсом Листа «Как дух Лавуры...» и пр.

Борис Ерофеев — популярные советские песни.

Александра Мартынова — «Интермеццо» Чайковского.

Все остальные — с песенками Лоубаловой.

Июль

Я начинаю злиться.

— Господа, разве ж вы не видите, что он больной?

— Вы, молодой человек, не вмешивайтесь.

— Ах, господа, я вмешиваюсь не потому, что мне доставляет удовольствие с вами разговаривать.

— Ну, так и...

— И все-таки мне бы очень хотелось, чтобы вы оставили его в покое и удалились.

Они пожимают плечами: странный человек... он сам напрашивается...

— А все-таки интересно, где же это вы научились такому обращению?

— Не знаю... По крайней мере, меня интересует другое — чем этот бедный Юрик заслужил такую немилость?

— Все очень просто, молодой человек, — он целый год не платит за комнату, а мы не имеем права держать в общежитии таких, которые по целому году не платят!

— Все это очень хорошо, господа, но вы поймите, что этому человеку платить совершенно нечем.

— Нас это не касается, мы предупреждали его полгода, но он все-таки никак не хочет...

...— Как то есть — «предупреждали»? Сколько бы вы его ни предупреждали, от этого работоспособность к

нему не вернулась. Поймите, что он болен, и бюллетень ему не оплачивают, потому что до болезни он проработал меньше года. Он уже целый год питается только черным хлебом, а вы не забывайте, что этот мальчик — туберкулезный больной, которому строго наказано соблюдать диету.

Они смеются... они не желают меня понимать... Взгляды их выражают снисхождение к моей глупости.

— Родные у него есть, они ему помогают, значит, и уплатить могут...

— У него всего-навсего один брат...

— Но ведь он ему помогает...

— Он высылает ему по сотне в месяц, он сам получает 600 рублей и на них содержит семью...

— Молодой человек, вы, наверно, думаете, что мы сюда пришли разводить с вами философию... В ваших вон этих книжках, может, написано, что это и плохо... а надо видеть не только книжки, но и понимать... А то вы здесь, наверно, и капитализм скоро будете защищать...

— Милые люди, я не собираюсь защищать капитализм, речь идет всего-навсего о защите Юрика, а он так же далек от капитализма, как вы, извиняюсь, от гениальности...

Они снова не понимают меня и смотрят на меня вопросительно-весело... Они ужасно любят шутов, им нравится, когда их развлекают... А то ведь жизнь — вещь скучная... работа в бухгалтерии... жена, дети... сливочное масло... зевота... А тут — есть над чем посмеяться, блеснуть былой образованностью...

— Вы, молодой человек, никогда не интересовались, как я вижу, постановлением Московского Совета...

— Совершенно верно, я не интересуюсь ни постановлениями Московского Совета, ни женскими календарями, ни...

— Вот тогда бы вы поняли, наверно, что ваша философия совсем здесь не у места. Савостьянов, одевайтесь и собирайте свои вещи...

— Юрик, лежи спокойно...

Вспоминается Абрамов, ...Сейфутдинов наклоняется к ногам его и подбирает свои рукавицы... на лице его — жалкая улыбочка, словно бы ему и улыбаться стыдно... Абрамов пододвигает ему рукавицы ногой... Ему очень хорошо... Он испытывает физическое наслаждение, близкое к половому... еще бы только ударить ножкой по сейфутдиновской физиономии...

Юрик встает, силится сдержать слезы... Он совершенно неграмотный... он улыбается...

— Ну-с, господа, теперь я уверен, что вот этот графин «встанет на защиту человеческой гуманности».

— Как вы сказали..?

— Я ничего не сказал, у меня просто есть желание наглядно, так сказать, продемонстрировать достижения нашей стекольной промышленности.

В дверях негодует толпа... Старушки вздыхают: «Куда ж он пойдет...», «Больной же...», тупая молодежь смотрит на меня весело... они, как и конторские служащие, любят разнообразие... А то ведь, опять же, — скучно...

— Вам вредно пить, молодой человек, и рассуждать вам рано еще... а то ведь мы с вами и без милиции справимся...

— Даже?

— Представьте себе. Вы думаете, что, если мы работники умственного труда, так у нас нет и кулаков...

— Да, но ведь кулаки есть не только у работников, с позволения сказать, умственного труда...

— Значит, вы хотите с нами драться... так, что ли...

— Не знаю... мне почему-то кажется, что хочет драться тот, кто первый напоминает о существовании своих кулаков...

Теперь они хорошо меня понимают... И даже тугая на соображение толпа мне симпатизирует... Это хорошо...

— А вы остроумный... — вам бы только в армию идти на перевоспитание... У меня в полку и не такие хулиганы были, а выходили шелковые...

— Да... но тем не менее Юрик останется здесь...

— Юрик, может быть, здесь и останется на ночь, а мы с вами пройдемся...

— Ах, господа, если бы вы знали, как мне надоели уже эти субъекты в мундирах цвета грозового неба...

— Вам, может, и советская власть надоела? Пройдемте, пройдемте... Времени у меня очень много...

— А у меня ровно столько же — терпения. Всегда пожалуйста.

6 августа

«Я взглянул окрест себя...»

«...и, потирая руки, засмеялся, довольный».

7 августа

<В дневнике несколько пустых страниц>

9 августа

Лексические эксперименты Мартыновой заслуживают самого пристального внимания. Тем более, что от способа выражения нежных чувств зависело разрешение актуальнейшего вопроса: «кому из трех быть фаворитом?»

Приводим «образцы» всех трех.

1. «Здравствуй, милая Сашенька! Я пишу Вам письмо с большого расстояния, и оно еще раз вам напомнит мои слова о том, что любовь убивает неразделенность, а не расстояние. Вы, наверное, понимаете, Сашенька, что я имею в своем виду.

Теперь, когда Вы так «далеко от Москвы», я еще больше, поверьте мне, думаю о вас, как вы были на моих именинах в своем цветном платке, и косы были у вас тогда, как у девушки, и тогда снова бьется мое сердце и обливается кровью за Вас.

Ведь без вас я как будто без сердца и без души. Я еще не стар, милая Сашенька, и моя любовь, которую, быть может, вы отвергнете, ждет вашего ласкового слова. Вашего чувства ко мне я не могу предугадывать, а вам мое, без сомнения, хорошо понятно. И когда я в тяжелой разлуке, не слышу вашего милого голоса, я тревожусь за судьбу своей любви, быть может, последней. По всей вероятности, и вы тоже тревожитесь за нее, но

предугадывать я не могу, и в заключение шлю вам прощальный привет в надежде получить от вас желанный ответ. До свидания. Твой раб Александр Коростин».

2. «Любимая Саша! Итак, прощай, все кончено меж нами, любить тебя я больше не могу, любовь свою я заглушу слезами, за счастье прошлое страданием отомщу. Я быть твоей игрушкой не желаю, прошу тебя, ты слышишь, только тебя об этом как друга умоляю, не вспоминай меня ни насмешкой, ни добром. Я ведь не заслужил твоих насмешек, не знаю, чем я мог тебя я огорчить, я признаюсь, что раньше я любил Вас, ну, а теперь приходится забыть. Итак, прости, нам нужно расстаться, причины не ищи, так, видно, нам судьба, но время прошлого останется друзьями, мы расстались, но это не беда. Быть может, я страдать и плакать буду, я, может быть, ошибся глубоко, пройдут года, и я тебя забуду, забудь и ты меня и лучше не пиши. Итак, прощай. Предмет твоих насмешек, а может быть, любви — Коля С.»

3. «Уважаемая А. М.! Спешу принести вам тысячу поздравлений в связи с тем, что в последнем вашем письме кол-во грамматических ошибок уменьшилось втрое.

Осмелюсь далее заявить, что мое пламенное послание займет не больше, как страницу, ибо соревноваться с вами в объеме (я имею в виду объем письма) признаю себя бессильным. Позволю себе попутно сообщить, что ваш отъезд вверх всю мужскую половину 4-ого Лесного переулка в состояние нежной меланхолии, меланхолического томления, томительной нежности, томительной меланхолии, меланхолической нежности etc., etc. Остроумный ваш супруг наедине со мной не раз вариировал эту тему в таких красках, что даже вы, А. М., внимая «им», покраснели бы (опять же — имеется в виду ваша всегдашняя бледность). И вообще, смею вас заверить, супруг ваш гораздо более достоин той груды ласкательных эпитетов, которыми вы в последнем своем письме совершенно некстати меня наградили.

В довершение позволю себе наглость пасть перед вами ниц и пр. и пр.

Имею честь пребыть: Венед. Ер.»

22 августа

Лежа в постели, выкурить 2 папиросы и поразмыслить одновременно, достойна ли протекшая ночь занесения в отроческие мои «Записки». Если все-таки достойна — выкурить третью папиросу.

Затем подняться с постели и послать заходящему солнцу воздушный поцелуй; дожждаться ответного выражения чувств и, если такового не последует, выкурить четвертую папиросу.

С наступлением сумерек позволить себе легкий завтрак: 500 г жигулевского пива, 250 г черного хлеба и 2 папиросы (по пятницам: 250 г водки, литр пива и, добавочно к хлебу, рыбный деликатес). В продолжение завтрака следить за потемнением неба, размышлять о формах правления, дышать равномерно.

Последующие три часа затратить на усвоение иностранного языка, в перерывах — стричь ногти, по одному ногтю в каждый перерыв.

По окончании занятий повернуться лицом к северо-западу и несколько раз улыбнуться. Выпить 500 г пива, лечь в постель; лежать полчаса с закрытыми глазами (по пятницам один глаз дозволяется приоткрыть). Думать при этом о судьбах какой-нибудь нации, например, испанской, и находить в современной жизни ее — симптомы упадка.

Встав с постели — пройтись по засыпающей столице; каждой встречной блондинке говорить «спасибо» и стараться при этом удержать слезы; на поворотах икать и думать о ничтожном: о запахе рыбных консервов, о тщеславии Карла IX, о вирусном гриппе, о невмешательстве и т. д. Одним словом, казаться на людях человеком корректным и при грудных младенцах не сморкаться.

Придя домой, позволить себе до полуночи умственный отдых и скромный обед: 500 г пива и 450 г жареных макарон (по пятницам — 150 г водки, 500 г пива и, добавочно к макаронам, рыбный деликатес). Закончив обед, пожалеть кого-нибудь и внимательно на что-нибудь посмотреть.

Четыре послеобеденных часа заполнить литературным творчеством и систематизированием человеческих знаний. По возможности воздерживаться от собственных мнений, которые мешают нормальному протеканию пищеварительного процесса.

Ночные занятия сопровождать умыванием и закончить элегическим возгласом, вроде: «Какие вы все голубенькие!» или просто: «Маминька!»

Наступление рассвета встречать обязательно разутым, чисто вымытым и лежащим на полу. Так, чтобы первые утренние лучи падали под углом 45 градусов к плоскости моего затылка. Поднявшись затем, отряхнуться и послать восходящему солнцу воздушный поцелуй (по пятницам — добавочно к поцелую, рыбный деликатес).

Не дожидаясь выражения ответных чувств, углубиться в дебри своего мировоззрения, подвергнуть тщательному анализу свои отношения ко всем нравственным категориям: от стыдливости до насморка включительно. Затем обуться и выйти к ужину.

Ужин должен быть строго диетическим, и выходить к нему необходимо в нагрудной салфеточке и с ваткой в ушах. Ужин — своеобразная кульминация суточного режима, поэтому в продолжение его следует держаться правил приличия: смотреть на все с проницательностью и живот не чесывать.

Закончив ужин, вынуть ваточку из ушей и тщательно проутюжить салфеточку (по пятницам ваточку из ушей следует вынимать при потушенном свете).

Приготовления ко сну начинать непосредственно после ужина.

Встав навтыжку перед постелью, пропеть тоненьким голосом моцартовскую колыбельную, — и уже после этого раздеваться. Ложиться следует так, чтобы затылок, ноги, живот и нервная система были вверху, а все остальное — внизу (по пятницам ноги должны быть внизу).

Засыпая, воздерживаться от размышлений и от будущих сновидений ожидать достоинства.

24 августа

Это уже слишком!

Я не настолько глуп, чтобы откровенностию себя унижать!

Не сочтите за пошлость, но я «склоняюсь» совсем не для того, чтобы выказать свое раболепие, а просто — «дабы с большей детальностью осмотреть ваш очаровательный низ».

Июньские головокружительные «шуточки» мне сейчас совсем не нужны.

Если хотите знать, ночные обитательницы Груз<инского> Вала настроены элегически ничуть не меньше...

Так что, не смейте их оскорблять!

25 августа

«Почтим, — говорю, — мою память вставанием...» А сам плачу; стою, руки опустив, и плачу... «На кого же я меня покинул», — говорю; а потом поправляю себя с улыбкой: «Не меня, а себя... покинул...» И так хорошо улыбаюсь, слезы по лицу размазываю... и шепчу, уже просветленный...

«Царствие мне небесное!..»

Сентябрь

Речь К. Кузнецова на открытии театрального сезона в «обществе любителей нравственного прогресса».

«Господа! (*аплодисменты*) Каждый из нас по-разному понимает те задачи, которыми мы должны руководствоваться в нашей деятельности. Нужно помнить, что наша основная задача — свести все эти задачи к одному — к борьбе. Но какая это борьба, господа?»

Все мы непрерывно боремся: утром — с зевотой, днем — с бюрократизмом и вспышками преждевременной страсти, вечером и ночью соответственно с отчаянием и половым бессилием. (*аплодисменты, возгласы: «Наверно, у Венедикта содрал!»*)

В Америке происходит борьба за существование, в России — борьба за сосуществование. (*аплодисменты.*)

Но главная борьба в наше время — это борьба за нравственное возрождение человечества! Почему в наше время каждый второй мужчина — алкоголик? Почему в больнице Кащенко не хватает коек для сумасшедших? Почему призывники 35 года полегли тысячами в Венгрии? За что в наших ребят-призывников бросают камни в освобожденных странах? Разве мы, молодежь, виновата? (*аплодисменты.*) В таком случае — долой тишину и все это гробовое спокойствие! Мы — защитники нравственного прогресса! Наша главная задача на первом этапе — бить стекла! (*бурные аплодисменты.*) Срывать всякие вывески, вроде «Соблюдайте чистоту» и так далее! Наша вторая задача — устраивать шум и бардак — везде, где требуется тишина! Мы должны гордиться тем, что мы пушечное мясо! Нам никто не посмеет затыкать рот! (*аплодисменты.*) Нас пока четверо! Почетный член нашего общества — Венедикт! (*аплодисменты.*) Это, значит, уже пять! Будет еще больше! Мы — не хулиганы! Мы — революционеры! (*бурные аплодисменты, возгласы: «Сте-о-окла-а!»*).

1 октября

По мере приближения к острову я все более и более удивлялся. Я опасался быть оглушенным хлопаньем миллионов крылий и разноголосым хором миллиардов птичьих голосов, — а меня встречала убийственная тишина, которая и радовала меня, и будила во мне горькие разочарования.

Ну, посудите сами: вступать на берега «Птичьего острова» и не слышать соловьиного пения! — это невыносимо для просвещенного человека. Тем более, что в продолжение всей церемонии «встречи» и на пути следования от аэродрома к отведенной вам резиденции вы поневоле вынуждены скрывать в себе свое разочарование и интернационально улыбаться.

Впрочем, любезная обходительность встретившего меня пингвина избавила меня от неискренности. А обращенные ко мне взгляды попугаев, до нежности снисходительные и до трогательности нежные, заставили меня улыбаться с совершенной естественностью.

Я был настолько растроган, что даже приветственная речь пингвина, затянувшаяся, по меньшей мере, на час, не показалась мне чрезмерно длинной. К тому же она несколько обогатила мои знания в области истории «Птичьего острова».

К крайнему моему удивлению, я узнал, что Горный Орел отнюдь не был родоначальником царствующей фамилии — он был всего-навсего последователем Удада. Однако деятельность Удада не заключала в себе ничего из ряда вон выходящего; да и скончался он в непогожую пору — одни лишь зяблики да снigiри мрачно шествовали за гробом к заснеженному кладбищу.

И только тогда-то, в дни «безутешного траура», освобожденные пернатые впервые почувствовали на своих головах освежающее прикосновение орлиных когтей.

Нет, он тогда еще не был страшен, этот Горный Орел. Чувствовалось, что в его величественной птичьей голове еще только «гнездились» смелые замыслы, в его клетке еще не слышно было угрожающих нот, — но орлиные очи его уже в ту пору не предвещали царству пернатых ничего доброго.

И действительно — не прошло и года, как начался культурный переворот, который прежде всего коснулся области философской мысли «Птичьего острова».

Уже издавна повелось в мире пернатых, что всякий, имеющий крылья, волен излагать основы своего мировоззрения в соответствии с объемом зоба и интеллектуальности.

Вороны беспрепятственно карр-кали.

Декадентствующие кукушки элегически ку-ковали.

А склонные к эклектизму петушки ку-карр-екали.

И в этом не было ничего удивительного. Даже выражение крайнего пессимизма считалось явлением вполне легальным. Так, еще в годы царствования двуглавых орлов одна из водоплавающих птиц перефразировала известное человеческое выражение, и с тех пор поговорка «Птица создана для счастья, как человек для полета» стала ходячей. В те годы даже мы, не говоря уже о водоплавающих птицах, не могли предвидеть «бурного раз-

вития реактивной техники», — и потому тогдашние птицы воспринимали поговорку как выражение убийственного скепсиса.

Тем не менее все было дозволено.

Но, как известно, чувства орлов, а тем более — горных — чрезвычайно изощрены: там, где обыкновенный пернатый слышит просто кудахтанье, горный орел может довольно явственно различить «автономию» и «суверенитет».

Потому и неудивительно, что «вскормленный дикостью владыка» первым делом основательно взялся за оппозиционно настроенных кур.

Операция продолжалась два дня, в продолжение которых все центральные газеты буквально были испещрены мудрой сентенцией: «Курица не птица, баба не человек». Оппозиция была сломлена.

Вместе с ней уходило в прошлое поколение великих дедов. Погиб пронцательный Феникс. На соседнем острове, носящем чрезвычайно глупое название «Капри», скончался последний Буревестник. На смену им приходили полчища культурно возрождающихся воробьев.

А Горного Орла между тем мучили угрызения совести. И день, и ночь в его больном воображении звенело предсмертное куриное: «Ко-ко-ко». Временами ему казалось, что все бескрайнее птичье царство надрывается в этом самом рыдающем «Ко-ко-ко».

И Горный Орел издал конституцию.

Вся суть которой сводилась к следующему:

а) все дождевые черви и насекомые, обитающие в пределах «Птичьего острова», объявляются собственностью общественной и потому неприкосновенной;

б) официально господствующим и официально единственным классом провозглашаются воробьи;

в) допускается полная свобода мнений в пределах «чик-чирик». Кудахтанье, кукареканье, соловьиное пение и пр. и пр. отвергаются как абсолютно бесклассовые. В вышеобозначенных пределах вполне укладывается миропонимание класса единственного и потому наиболее передового;

г) государственным строем объявляется республика, соединенная с революционной диктатурой; последняя, как явление временно необходимое, носит исключительно семейный характер.

Свежепахнувшие номера конституции были распроданы в три дня. И один уже этот факт свидетельствовал о наступлении «золотого века».

Но враги не дремали.

Скрежетали зубами от агрессивной злости невоспитанные «заморские страусы». Страшным призраком навигующейся катастрофы доносилось с запада ястребиное шипение. С высоты птичьего полета можно было отчетливо разглядеть за мерцающей далью странное передвижение птичьих стай, агрессивных по самому своему темпераменту.

И гроза не замедлила разразиться.

«Птичий остров» облачался в мундиры. На скорую руку реорганизовывалась индустрия.

— Ворроны накаркали!! — судорожно сжимал кулаки Горный Орел. Однако перед частями мобилизованных воробьев попытался преобразиться в «канарейку радужных надежд»:

— Снова злые корршуны заносят над миром освобожденных пернатых ястребиные черрные когти! Будьте же орлами, бесстрашные соколы! Ни пуха вам, ни пера!

Военный оркестр грянул «Лети, лети, мой легкокрылый». Воинственно находились воробьи и стрижи. То и дело раздавались возгласы:

— Дадим им дрозда!

Прощающиеся жены попробовали затянуть популярную в то время песенку «Крови жаждет сизокрылый голубок». Но от волнения произносили только:

— Kppp!

Поговаривали даже, что «сраженный воробей» своей парадоксальностью несколько напоминает «жареный лед» и «птичье молоко». Оптимизм обуял всех. И от избытка его многие дышали учащенно.

С неколебимой верой в правоту своего дела и с годовым запасом провианта улетали на запад возбужденные

стаи. В пахнушем кровью воздухе звучало супружески-прощальное, наивно-трогательное:

— Касатик ты мой! Весточку хоть пришли... голубиной почтой...

— Ласточка ты моя! Горлинка!

— Соколик мой ненаглядный!

— Проща-ай, хохла-а-аточка!

А оттуда, с запада, неслись уже странные, доселе не слышимые звуки. Что-то, как филин, ухало и, как со-рока, трещало. А по крышам опустевших гнезд забегали вездесущие «красные петухи»...

Шел уже 47-ой месяц непрерывной, тягостной войны, когда, наконец, на прилегающих к столице дорогах показались первые стайки уцелевших освободителей. «В пух и прах, в пух и прах!» — словно бы выбивали из земли воробьиные лапки. И царство пернатых, вторично освобожденное, захлестнула волна бесшабашно-лихой воробьиной песни:

Салавей, салавей,

Пта-а-ашечка,

Канаре-е-ечка-а!

Снова, как встарь, сомкнулись «орлиные крылья» вокруг «лебединых шей» — и жизненные силы дамских прелестей, вполне разбуженные еще залпом Авроры, теперь окончательно восстали ото сна.

Не прошло и трех лет, как пернатое население острова стало жертвой нового стихийного бедствия: Горный Орел «погрузился в размышления».

Страшны были не размышления; страшны были те интернациональные словечки, в которые он их облекал и о которых он не имел «совершенно определенного понятия». Так, он еще с детства путал приставки «ре» и «де» в приложении к «милитаризации».

Будучи уже в полном цвете лет, «коронованный любитель интернациональных эпитетов» предложил произвести поголовную перепись населения «Птичьего острова». Когда ему был, наконец, представлен довольно

объемистый «Список нашего народонаселения», — он, видимо, возмущенный отсутствием эпитета к слову «список», извлек из головы первый пришедший на ум; к несчастью, им оказался «проскрипционный».

Запахло жженым пером, задержались скворцы в наглухо забитых скворешниках. Специфически воробьиное «чик-чирик» уступило место интернациональному «пиф-паф».

И все-таки без особой радости восприняли воробьиные стаи весть о кончине Горного Орла. Глухо гудели церковные колокола. Окрасились трауром театральные афиши. По столичным экранам совершала последнее турне «Гибель Орла». Трупный запах и журавлиные рыдания повисли в осиротелой атмосфере.

«Мы сами, родимый, закрыли орлиные очи твои...» — стонали пернатые; причем, грачи-терапевты с подозрительной нежностью выводили слово «сами» и рабски преданно взирали на стоявшего у гроба пингвина.

А пингвин, видимо слишком «окрыленный» мечтою, уже «парил в облаках».

Начинался век «подлинно золотой».

Мудрое правление пингвина вкупе со слоем ионосферы вполне обеспечивали безмятежное воробьиное существование. «Важная птица!» — с удовольствием отмечали воробушки и с еще большим рвением клевали навоз экономического развития.

После длительного периода сплошного политического оледенения наступили оттепели, следствием чего явилась гололедица — полное отсутствие политических трений. А гололедица, как известно, лучшая почва для «поступательного движения вперед».

Молодые и неопытные воробушки зачастую поскальзывались и падали. Их подбирали пахнущие бензином и гуманностью черные вороны. И отвозили к Сов-ам.

«Неопытность» молодых воробушков заставляла, однако же, призадуматься и пингвина, и попугаев, и пристроившуюся к ним трясогузку. Не раз перед воробьиной толпой приходилось им превращаться в сладкоголовых сирен и уверять слушателей в том, что добродетель несовместима с бифштексом.

Доверчивые воробушки в таких случаях чирикали вполне восторженно, однако здесь же высказывали «вольные мысли» по адресу трясогузки и составных частей ея.

И вообще, следует отметить, в последнее время воробушки вели себя в высшей степени неприлично. К филантропии пингвина относились весьма скептически. И в самом выражении «бестолковый пингвин» усматривали тавтологию.

Единственное, что вызывало сочувствие у жителей «Птичьего острова», так это внешняя политика пингвина. Вероятно потому, что она была очень проста и заключалась в ежедневном выпускании голубей. Если даже иногда и приходилось вместо голубей пускать «утку» или даже «ястребки», воробушки не меняли своего отношения к внешней политике, ибо считали и то, и другое причудливой разновидностью голубей.

Все это я почерпнул, как уже отмечалось, из приветственной речи пингвина. «Растроганный до жалобных рыданий» я произнес, в свою очередь, несколько слов перед микрофоном. Я убеждал их всех, что подводное царство, коего я являюсь полномочным представителем, всегда питало к «Птичьему острову» любовь почти материнскую и даже почти сыновнюю; что к «Птичьему острову», без сомнения, обращены теперь взоры всего прогрессивного животного мира и т. д. и т. д. В заключение я выразил надежду, что в гостинице «Чайка», которая любезно мне предоставлена, я буду чувствовать себя, как «рыба в воде». Что же касается «временных недостатков», то по прибытии в свою подводную резиденцию я буду молчать, как рыба.

Вслед за этим открытая машина помчала меня к новой моей резиденции; причем, всю дорогу сопровождали меня поощрительные возгласы «Хорош гусь!», снисходительное щебетанье и восторженное кукареканье. В воздухе словно звенел алябьевский соловей, запах птичьего кала говорил о подъеме материального благосостояния. И тем не менее мне казалось, что все эти звуки и запахи сливаются в одно — в мелодию «лебединой песни».

10 октября

Сначала проносятся, взбираются, словно ползут на коленках от горизонта к зениту...

Одна... вторая...

Словно боятся взглянуть... упадут, разобьются...

И возвращаются снова, загораживают белым... все загораживают...

А потом оборачиваются... не обе сразу, а первая... Глядит расширенно...

Глядит прямо, недолго...

И, отвернувшись, заставляет уходить, ...уходить...

11 октября

Пятница — синее, удивительно — синее, иногда стучается до фиолетового, иногда отливает голубизной, но во всех случаях — непременно синее.

Суббота — под цвет яичного желтка, гладкая, желтая и блестящая; к вечеру розовеет.

Воскресенье — кроваво-красное, зимой — румяное. Если смотреть на него со стороны синей пятницы — кажется багровым, а в самом себе ассоциируется со знаменами и кирпичной стеной.

Понедельник — до такой степени красное, что представляется черным.

Вторник — светло-коричневое.

Среда — невнимательному глазу кажется белым, на самом же деле — мутно-белесоватое, за которым трудно разглядеть определенный цвет.

Четверг — зеленое, без всяких примесей.

12 октября

Честное слово, я не виноват...

Разве ж я знал, что вы уезжаете... И потом — неужели все, о чем я говорю, нужно принимать всерьез... Мало ли что я скажу, — так ведь надо уметь отличить...

Одним словом, я совсем не виноват... я никак не мог ожидать, что опоздаю... Вернее, я опоздал нарочно, но ведь я совсем не хотел опаздывать...

Да и зачем мне опаздывать, даже если бы я этого и хотел... Это же не оттого, что я сошел с ума... я совсем и не сошел с ума... у меня, наоборот, самая нежная к вам привязанность, ко всем трем...

Может, я потому и не явился на «последнюю семейную встречу», что очень нежно к вам привязан... Вы, наверное, думали, что я снова «Жаворонок» вам буду играть или хвастаться... пить водку крохотными глоточками... Вы даже специально купили мне... А потом у поезда ждали... И уже когда поезд тронулся, все ждали: ведь он сейчас прибежит... как же он может не прибежать...

А я, может, в это время проститься с вами хотел... Лежал и «хотел»... Посмеивался... Я теперь всегда смеюсь, чтобы от страха не стучали зубы... Чтоб было незаметно, что они стучат... Я, может, в это время и «Жаворонок» хотел вам играть...

Мне ведь совершенно все равно, куда идти и что играть...

А я на самом деле только к двери подходил... и говорил «Как вы смеете...» Младшего называть сумасшедшим, а потом еще «хотеть» чего-то... Вы хоть и не называли меня сумасшедшим, а я все-таки видел, что вы меня называли... Я даже к двери подходил и говорил «Как вы смеете»...

Это не оттого, что мне хотелось отомстить... Вы же ничего не говорили — как же я могу отомстить!.. Вы просто думали, что я хвастаться буду... «Жаворонок» умеет играть... как же он не прибежит... он обязательно прибежит...

Вы совсем этого не думали... Ведь нельзя же в последний раз... Самый последний раз... Нужно быть сумасшедшим...

Я даже не помню... я как будто бежал за вагонами... немножко бежал... У меня, если хотите знать, слезы были... Вот видите — даже слезы...

13 октября

<В дневнике несколько пустых страниц. Между страницами вложен листок с записью:>

Октябрь

Эта и последующие опущенные записи должны посвящаться трагическому продолжению и тягостному концу июньско-октябрьско-мартиновской драмы. Оставлено до январского беспристрастия.

16 октября

Как ни расписывал Кирилл Кузнецов мой режиссерский и актерский талант, постановка «Нормы» при газовом ночном освещении кончилась блестящим провалом. Хор друидов, состоявший из членов 307-й комнаты, оказался не на высоте. И, не дождавшись кульминации спектакля, взялся за вольнодумство.

Особенно неистовствовал Якунин.

«Так что же, я, по-вашему, молчать должен? Нет уж, извините, господа, когда по радио да в газетах про рабочих всякие небылицы пишут, а здесь рабочего человека за скотину считают! Я бы этому Муркову сегодня в морду плюнул, если бы хоть немного выпил! Какое он имеет право издеваться над грязно-рабочим! Что же это я, выходит, работаю, как скотина, чтобы себя прокормить, а у меня половину отбирают на заем! «Отдадим свои излишки в долг государству!» А?»

Мишенька шел еще дальше:

«Мы не живем! Мы существуем! Мы, как бараны, трудимся для хлеба и для водки, а пошлют нас, как стадо баранов, воевать в Сирию или в Венгрию, так мы и пойдем, будем резать и кричать «ура», пока нас не зарежут!»

Михаил Миронов, всегда исполнительный, восстал теперь против армейского насилия над чувством человеческого достоинства.

Шопотом выражал неудовольствие Сергей Грязнов: как это можно — работать в бетонном цехе целый месяц — и в результате не только не получить ни копей-

ки, но даже остаться должником государства! (факт, действительно имевший место).

Кирилл Кузнецов с братиею восстанавливали в памяти лица расстрелянных родственников и оглашали кухонные стены великолепным «Долой!»

Виктор Глотов скрипел зубами. Он уже устал от проектов «всеобщего благородного хулиганства».

А Ладутенко договаривался до абсурда:

«Да вы знаете, что будет, если война начнется? Да русский Иван с голоду будет подыхать! В ту войну еще как-то держались на американской тушенке, а то бы и тогда половина передохла! Вот попомните мои слова — полная измена будет! Вы думаете, что у нас это высшее командование мирно настроено! Да у них руки-то чешутся, может, больше, чем у американцев! Пусть будет война! А то вот для чего мы живем? Ничего у нас впереди нет и ждать нечего... Пить, разве, только!..»

«Болото... болото...»

«Гаспада! Свет не включать!»

Пришествие коменданта несколько облагоднамеривает романтиков и реалистов.

— Как это так — разойдись?!

— Пришибеевщина!..

— О-о-о! Комендант! Нам как раз нужен «хор друидок»!

Это — несгибаемые декаденты. Они весело изливают мрачное недовольство. Если бы ставилась пьеса Волковича, они с таким же успехом предложили бы коменданту занять вакантную должность ангела-хранителя.

— Ерофеев, уйдите из кухни! И все остальные — расходитесь по этажам!

— Поми-и-илуйте! Вы же затыкаете рты!

— Свобода мне-ений! Свобода сборищ!

— На фона-а-арь...

Пролетариат негодует. Как будто кто-то виноват, что они голодны и «выражают мнения». Меньше пить! — здравая логика. И держать язык за зубами.

— Вы знаете, что за это бывает, за ваши длинные языки?

Конечно же, они знают — и, тем не менее, завтра они снова будут здесь. Ох, уж эти пролетарии! Раньше хоть смотрели волками, но ведь не нарушали порядка в Новопресненском общежитии. А теперь добрая четверть схватилась вдруг за «достижения человеческого разума», вооружилась бумагой и фиолетовыми чернилами... Этак скоро они потребуют и людского существования...

17 октября

<В дневнике несколько пустых страниц>

21 октября

Несколько истин, которые были мною постигнуты на девятнадцатом году моего существования:

«Всякое тело сохраняет состояние покоя, пока и поскольку оно не понуждается внешними силами изменить это состояние» (в дни прошлогодней октябрьской «горизонтальности»).

«Из двух хорд, неодинаково удаленных от центра, та, которая ближе к центру, больше и стягивает большую дугу» (в минуты мысленного сопоставления В. М. и Л. К.).

«Две параллельные прямые не пересекутся, сколько бы мы их ни продолжали» (в размышлениях над сходством моих судеб и судеб А. Г. М.).

«Все тела в данном месте «падают» с одинаковым ускорением. Это ускорение называется ускорением свободного «падения» (в размышлениях над сходством моих судеб и судеб Л. А. В.).

«На тело, погруженное в жидкость, действует выталкивающая сила, равная весу жидкости, вытесненной этим телом» (в час изгнания из университетского общежития).

«Выпуклая фигура, концы которой сходятся к одной точке, является «замкнутой» (по поводу А. Г. М. и А. Б. М.).

«Если в треугольнике два угла — острые, но оба они в сумме — меньше прямого, то наибольший угол данного треугольника — тупой» (по поводу савельевского острословия).

«Чтобы опрокинуть вертикально стоящее тело, достаточно довести его до положения неустойчивого равновесия» (по поводу мартыновской целомудренности).

«Звуки, «образование» которых не требует участия голоса, называются «согласными» (о пролетарской лояльности).

«Квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов» (единственное, что можно сказать по поводу будущего моего существования).

22 октября

Да уймите же ее! Уймите!

Разве вы не видите, что она сумасшедшая? Я ведь сразу узнаю сумасшедших! У меня, если хотите знать, особый нюх к этим самым...

Позвольте, позвольте... Неужели вы ее боитесь! Вы думаете, ей будет легче, оттого что вы вскрикиваете? Нужна ласка... ласка нужна!.. По головке ее погладить, ...ну и...

Вот видите, я нисколько не боюсь! И даже звериного зора ее не боюсь!.. Нужно быть философом, чтобы звериному отвечать ангельски... ласково... оттого, может быть, и нет у нас ангелов, что звери не знают л...

Ма-а-ама-а!

3 ч. ночи

23 октября

Накануне дня своего рождения приветствую проблески жизни в святом для меня чреве. Преклоняюсь перед «очаровательной стыдливостью» будущей матери Антонины Мартыновой.

24 октября

Я — все.

Я — маленький мальчик, замурованный в пирамиде. Ползающий по полу в поисках маленькой щели.

Я — оренбургский генерал-губернатор, стреляющий из мортиры по звездам.

Я — мочка левого уха Людовика Восемнадцатого.

Я — сумма двух смертоносных орудий в социалистическом гербе. Меня обрамляют колосья.

Слово «зачем» — это тоже я.

Я — это переход через Рубикон, это лучшие витрины в Краснопресненском универмаге, это воинственность, соединенная с легкой простудой.

Я — это белые пятна на географических картах.

Надо мной смеялись афинские аристократы. Меня настраивали на программу Московского радио. Меня подавали с соусом к столу мадам Дезульер.

В меня десять минут целился Феликс Дзержинский, — и все-таки промахнулся.

Мною удобряли земельные участки в районе города Исфагань и называли это комплексной механизацией, радостью освобожденного труда и еще чем-то, чего я не мог уже слышать.

Знаменитый водевилист Боборыкин обмакивал меня перо, а современные пролетарии натирают меня наждачной бумагой.

Я — крохотный нейтрон в атоме сталинской пепельницы.

Я изымаю вселенную из-под ногтей своих.

25 октября

«Ничего такого особенного не было. Какой там духовой оркестр! Если бы не Маруськи Перевозчиковой муж, мы бы, наверно, и лошади не достали. А он и гроб сделал сам, с ее сестрицы денег на могилу потребовал.

Я даже мать приглашал хоронить — так она потом весь день на меня кричала. И тебя потом обзывала, редела всю ночь. А ее — и «паскудой» и по-всякому...

Я бы, говорит, ей в морду плюнула в мертвую... Как будто это она и виновата, что ты запьянствовал и бросил учиться...

И вообще, мало народу было. Кроме меня, наверно, человек десять. И лошадь — какая-то кляча, все время спотыкалась; полтретьего только доплелись, а там фонарей почти нет, темнота... да еще буран к вечеру поднялся...

Могилу заново пришлось разгрести...

А она — ничего, все такая же, только уж слишком белая какая-то. И снег — просто падает на лицо и не тает. Такая смиренная, даже на себя не похожа. Я смотрел, смотрел, так даже влюбился. Ну, чего ты смеешься, честное слово, влюбился... И все время тебя вспоминали».

Борис Ер.

27 октября

Странные люди, эти Мартыновы! Даже там, где нужно всего-навсего вмешательство милиции, они взывают к небу! Я говорил им, а они не понимали, что это нелепо.

Потому-то я решил удалиться.

Но удалился не сразу. Ровно полмесяца еще устрашал их с порога «ужасами правосудия». А они смеялись и про себя называли меня трусом.

Как им угодно! Я же говорил, что это чрезвычайно странные люди...

Они никак не могли представить себя в положении подсудимых и калек... А ребенок?.. Что же будет с ребенком?.. Ведь не обязан же он отвечать за буйство своего родителя!

Александра Мартынова действительно так выражалась. «Поклонники» утешали ее: вашему супругу за колючей проволокой гораздо приятнее... к тому же сбылись ваши давешние мечтания... начало нравственной свободы... а стало быть, пружинный матрас и жизненные утехи... фу, как очаровательно, Сашенька...

Сашенька казалась неутешной. Она одна виновата... Она и не предполагала... Супруг вернется через три года и зарежет ее... Это уже ясно, как день... А в этих благодетелях совершенно нет сострадания... Тянутся к матрасу... точно клопы... Ух, как она их ненавидит!

Она даже ножкой притопнет — вот как она их ненавидит!

Все это слишком уж было чувствительно. И я решил «удалиться».

Несколько странно смотрел на косы и «вдовьи» плечи: ничего не поделаешь... раз виноваты, так уж, конеч-

но, виноваты... да нет, не холодно, а то там у вас — «поклонники», духота... во-о-от, видите, как хорошо, — даже заулыбались оба... а он-таки вас прирежет... и вообще эта самая жизнь — вещь недурная... ну, что вы, непременно ее, мы даже имя вместе изобрели... это даже в некоторой степени знаменательно... будущее вашей фамилии...

Да ну вас, не люблю это я что-то трогательное... Помните, как-то в июнь — под дождем смеялись и очаровательный сосок... В общей сложности — пятьдесят лет... а подставляли грудь, словно... И вообще — слишком уж веселая вещь, этот «июнь»... А что касается супруга — так этого вам никто не простит... И поделом... Читайте «Евангелие»... дочь, непременно дочь!.. Прощайте...

28 октября

<В дневнике несколько пустых страниц>

31 октября

Незаметно смиряюсь.

Раньше меня обнадеживала довольно странная вещь: мне почему-то казалось, что в пятьдесят седьмом году не может быть никакой осени... Вчерашний день убедил-таки меня, что так оно и есть...

Я как будто задремал...

Проводил аплодисментами все происшедшее, а вызывать на бис не собираюсь...

1 ноября

«Сегодня случилось одно незабываемое событие. Тот самый Ерофеев, который всегда приходил в нашу комнату, пришел немножко пьяный и взялся рассуждать. Все, которые у меня сидели, человек десять, стали смеяться над его идейками и спорить. Я, конечно, не принимал никакого участия, а только слушал... А потом, когда все разошлись, я долго не мог заснуть. Переворачивался с боку на бок и все думал и думал: «Ну, для чего я живу, для чего это я переворачиваюсь?» Повторял до двух часов ночи все, что я услышал, и про себя

смеялся... В конце концов, не смог улежать и вот теперь на кухне пишу дневник. Теперь я уже знаю свою цель: я не буду, как другие, слепо подражать Ерофееву, но буду читать, читать и читать. Это для меня теперь самое главное. И все, что я смогу сделать в этом деле, о котором говорил Ерофеев, я все сделаю. Но для этого — читать».
(«Дневник» В. Я., «15-е окт.»)

«...я немного сошелся с Ерофеевым; я и раньше много о нем слышал от Кузнецова, но он превзошел все мои ожидания. Все его разглагольствования я хоть разбить и не могу, но я чувствую, что все это не по мне. А когда он играл вторую сонату, то слушал с удовольствием. А ведь раньше я ничего не понимал...»
(«Дневник» Мих. Мир., «3-е окт.»)

«Если он серьезно говорит, что у меня есть талант, то этим я обязан только ему. Если бы игра судьбы не занесла этого непонятого человека в нашу среду, вряд ли я бы стал писать...»

«...и мне не понравилось только то, что, когда начался серьезный спор между «вольнодумцами» и «благонамеренными», Венедикт, от которого мы все ожидали решительного слова, все свел к какой-то шутке...»

«...боюсь, что, когда Венедикт уедет, будет все то же самое; и я буду тем же самым...»
(«Дневник» В. Гл., 8, 8, 24 сент.)

«...Зина назвала Венедикта Дон Кихотом, Обломовым и Иудой. Я за это обозвал ее дурой и больше в тот вечер с ней не разговаривал...»

«...О! Теперь я знаю, что мне делать, где я нужен! Вот где истинное мое призвание! Тысяча благодарностей будущему собаке-МГБ-шнику! А разве я жил до этого?..»
(«Дневник» К. К., 11-е, 20-е окт.)

2 ноября

Антонина Музыкантова подошла крадучись.
В 10 часов вечера сидели, смиренные.

В 11 — погрузились в часовое молчание.
В 12 часов ночи озарило.
И к утру протрезвел.

3 ноября

Как раз это очень важно!

В другой раз я, может быть, не обратил бы на это никакого внимания. Мало ли что может присниться во сне!

Да и действительно — мало ли...

Снилось мне, например, на прошлой неделе, что я с солнышком разговаривал. Его хоть и не было нигде, а я все равно разговаривал. Честное слово.

А в другой раз приснилось мне, будто бы сразу вдруг никого не стало. Совершенно никого не стало. И каждый ко мне подходил и спрашивал: «Почему это меня нет?» А я как будто бы глухонемым притворяюсь и каждого переспрашиваю: «А?» И так это смешно мне было. Я даже во сне смеялся.

Мало ли что мне снилось... Так это ведь все на прошлой неделе было. А в этот раз совсем не то... вовсе не то...

Было что-то важное... А что важное — я и теперь понять не могу... Вернее, вспомнить никак не могу. Со мной это часто бывает: во сне гениальные догадки делаю, а как проснусь — забываю... помню только, что было что-то гениальное, а что — никак не могу вспомнить...

Так вот и теперь — пустое ощущение важности... и ничего сколько-нибудь определенного. И от этого самого — бесчувственно хорошо: может, это и действительно настолько важно... может, я и в самом деле лишаю мир еще одной необходимой истины... тем самым лишаю, что насильственно держу в голове эту самую... неопределенность.

Да ведь я и сам хочу узнать, что это...

А вот возьму — и не буду знать!.. И хотеть не буду! А ведь я могу... могу... одно маленькое, крохотное напряжение мысли... памяти... — и все!.. Но ведь это незачем... это ведь страшно необходимо, и мне самому это необходимо... а зачем это мне?.. это же вовсе не нужно...

Я вот даже плакать буду над тем, что это не нужно, ...над собой буду плакать, ...над тем, что я ничего не могу, хотя стоит мне только захотеть... но ведь я и не хочу, чтобы мне хотелось... Я вот и над этим плакать буду!..

Может, это как раз и есть то «важное»... Может, это неприятное удовольствие, которое меня охватило, и есть то самое, что мне хотелось узнать... и что снилось мне...

Но зачем мне это знать?.. зачем?..

7 ноября

Гражданка, отойдите вправо! Я не вижу, кто кого бьет! Она его или он ее? Ах, он ее! За что же это он ее? Это, наверно, от скуки! Ну, конечно, это от скуки!

То есть, как это: никто никого не бьет? Разве ж вы не видите? Ах, лобзаются! Ну да, ведь они лобзаются! За что это он ее? Ведь и в самом деле — он ее! Это, наверно, так просто, скучно им! Да и действительно скучно!

Ну, почему вы так думаете? Разве же можно — наедине? Наедине никак нельзя! Его не видно, но ведь он здесь! А она — вон, видите, и слева, и справа, — везде она! И вон там, в отдалении — тоже она! А он здесь совершенно не нужен! Он только на минутку показался и сразу...

Ну гражданочка, отойдите же, ради бога! Я ничего не вижу!..

11 ноября

Вот, как будто бы, и все...

12 ноября

<В дневнике несколько пустых страниц>

13 ноября

Я хорошо понимаю, что приближающаяся станет очередной жертвой кирилловского опьянения... И хоть я уже ясно различаю выступающую из троллейбусного мрака, я отворачиваюсь и с нетерпением ожидаю...

— Грыжданка! Рразришите прредставиться... Извините, что я не в своем обнаковенном виде...

Почти не оборачиваясь, я беру Кирилла за локоть и говорю недовольно:

— Кирилл, ну неужели тебе не надоело?

Спутник мой не обращает внимания, и, пока «жертва», огибая его, направляется к стромынской изгороди, неистовствует...

— Эта хладнокровная гражданка... любит ходить зигзагами!.. Она, вероятно, полагает...

— Кирюш, брось... Это Музыкантова...

— А мне сrrррать на то, что она Музыкантова! Эй! Ты! Ну, чего не оборачиваешься, ппизда!.. Она, Веничка, позорит свою фамилию! Граждане, которые идут на Стромынку! Прощайте! Прощайте!

Уезжаем, так сказать, из пределов столицы! Прощайте! Нне увидимся никогда — и слава богу! Еббать вас в рррот! Сейчас для вас будет исполнена 2-ая соната Ббитховена! Ария Каваррадости! Великий музыкант Вень...

Веничка, что с тобой?..

14 ноября

1. «Начальнику 2-го строительного управления Ремстройтреста от прораба Савельева А.И. заявление. Прошу обратить Ваше внимание на то, что рабочий Ерофеев В.В. на протяжении последних 3-х месяцев совершенно не является на работу без уважительных причин на это. Прошу принять соответственные меры. Савельев. 10/XI — 57 г.»

2. «Начальнику 88-ого отделения милиции от коменданта общежития Ремстройтреста Советского р-на г. Москвы заявление. Довожу до Вашего сведения, что проживающий по Новопресненскому пер. 7/9, к. 203, Ерофеев Венедикт Васильевич, прописан в д. месте жительства с условием работы в Ремстройтресте. Однако, на протяжении последних 4-х месяцев т. Ерофеев, нигде не работая, получает деньги подозрительными путями и к тому же нарушает все правила общежития. Подробности при рассмотрении. Комендант общежития Ст. Г. 11/XI — 57 г.»

К сему при «рассмотрении» прилагается перечень «вольных мыслей».

3. «Начальнику 88-ого отделения милиции от начальника 2-ой части Советского Райвоенкомата».

4. «Начальнику 2-ого строительного управления Ремстройтреста от начальника 24-ого отделения милиции г. Москвы».

5. «Начальнику 88-ого отделения милиции. Дело т. Ерофеева от 29/IX — 57 г. 66 отд. мил.»

6. «Начальнику 2-ого строительного управления Ремстройтреста Зеленову А.И. Объяснение. От рабочего Ерофеева В.В. Спешу Вас уведомить, что дело от 29/IX — 57 г. 24-ого отделения милиции вкупе с донесением коменданта, а также 66-ого отделения милиции вопроса о месте моего пребывания на территории общежития абсолютно не затрагивает. Передача вышеупомянутых дел на рассмотрение Народного Суда Советского р-на обязывает Вас несколько воздержаться от утверждения приказа за № 730. Имею честь пребыть: Венедикт Ерофеев. 11/XI — 57 г.»

7. «Коменданту общежития Ремстройтреста от начальника отдела кадров 2-ого СУ Абдуррахманова В.В. 11/XI — 57 г.»

8. «Приказ по Ремонтно-строительному тресту Советского р-на г. Москвы № 731.

В соответствии с... уволить т. Ерофеева с работы в СУ-2-РСТ с запрещением дальнейшего пребывания на территории г. Москвы. Ст. 47 Г. Зеленов. Суворов. 11/XI — 57 г.»

9. «Ерофееву В.В. Предлагаю Вам в трехдневный срок освободить помещение. Комендант. 14/XI — 57 г.»

10. «Т. Ерофееву В.В. 88-ое отд. милиции запрещает Вам выезд из места жительства до рассмотрения Ваших дел от 28/VIII, 29/IX, 11/X, 8/III — 57 г. и 31/X — 56 г. Советским районным судом г. Москвы, состоящегося 19/XI — 57 г. Ковтун. 14/XI — 57 г.»

15 ноября

Знаменательно: вчера выпал первый снег, а сегодня растаял.

Чуть-чуть знаменательно.

16 ноября

Все-таки интересно, почему над моим домом никто еще не повесил гирлянду из желтых роз?

Они думают, что у меня нет дома — но ведь это не оправдание.

У меня действительно нет его, у меня вообще ничего нет, но дом-то все-таки есть; я даже развесил на окнах его фиолетовые занавески...

Если все остальные цвета, даже красный, кажутся мне до смешного глупыми, почему бы мне не предпочесть фиолетового?..

Видите — я даже могу предпочитать! Разве ж можно после этого сомневаться в том, что моя обитель требует украшения!

Совсем не обязательно — желтые розы... Можно просто... мимо пройти — и заглянуть в мои окна... И вы ничего не увидите — тот, кто заглядывает в чужие окна, видит на фоне темной занавески отражение своей собственной физиономии... А разве это не украшение моей «обители»?

Это даже единственное украшение. Все остальное я давно уже продал — иначе мне пришлось бы умереть с голоду... Оставил только это, последнее... Фиолетовые занавески...

Ведь если их сбросить, каждый увидит: Пусто... Нет ничего... А ведь было, наверное... Что-то было...

Конец

ЗАПИСКИ РЕДАКТОРА ПСИХОПАТА

Стопп, ...чорт побери!

Интересно, какого дьявола...

Какого дьявола, интересно, взялся я за такое ответственное дело?

В высшей степени ответственное!..

Полный вариант первого серьезного произведения Венедикта Ерофеева!

Кретинизм же это, в конце концов, чорт побери...

Тем более, я ни разу не видел Венедикта Ерофеева, как принято выражаться, «живьем». Когда он умер, мне было восемь лет. Можно было бы по-набоковски нафантазировать, что, дескать, «в тот необычайно солнечный майский день, когда я вернулся из школы, мать встретила меня на пороге в слезах. «Венедикт Ерофеев умер», — сказала она и прижала меня к себе, как бы стремясь уберечь от некоей незримой, но явственно нависшей над нами беды»...

Ничего этого не было. Впервые я прочел поэму «Москва — Петушки» и узнал имя ее создателя лет в тринадцать. Заниматься же творчеством Ерофеева начал только в университете. В те времена познакомился и с наследниками писателя; сим знакомством горжусь...

Когда обнаружился полный текст «Записок психопата» и стало ясно, до какой степени он необычен, было принято решение дополнить его некоторыми «опознавательными знаками», то есть как минимум реальным комментарием. Также был составлен и именной указатель. Все это в целом должно было, по моему мнению, облегчить «работу» с совсем не легким текстом. Однако требовалась еще и статья, наглядно разъясняющая разни-

цу между героем «Записок психопата» и собственно Венедиктом Ерофеевым. Поскольку эти различия, безусловно, существуют и для правильного восприятия текста крайне важны, я решил ограничиться краткими биографическими данными и небольшой подборкой цитат из воспоминаний современников и интервью с самим писателем. (Все цитаты, кроме специально оговоренных, взяты из книги: Вен. В. Ерофеев «Мой очень жизненный путь», издательство «Вагриус», 2003 г.)

Итак, как явствует из достоверных сообщений — то есть из записных книжек самого писателя и воспоминаний его однокурсников и родных:

В июне 1955 года Ерофеев триумфально окончил 10-й «К» класс Кировской средней школы № 1. По его собственным словам, среди выпускников числился единственным золотым медалистом. Тогда же, сразу по окончании школы, закурил первую папиросу. Был феноменально прилежным и тихим юношей с густой темной шевелюрой и светлыми глазами.

По рекомендации своей преподавательницы литературы Ерофеев пишет письмо сразу в три ВУЗа страны — Московский, Ленинградский и Горьковский. Первым откликается МГУ, и уже в начале июля 1955 года Венедикт с матерью — Анной Андреевной Гущиной — едут в Москву.

Благодаря золотой медали, вместо вступительных экзаменов Ерофеева ожидает лишь краткое собеседование...

15 июля 1955 года он находит свою фамилию в списке принятых на филфак...

18 июля проходит обязательный медосмотр в поликлинике № 107 при МГУ, где получает справку, позволяющую ему по состоянию здоровья заниматься филологией...

И, окрыленный успехом, вместе с матерью возвращается в Кировск, где проводит остаток лета.

Из Венедикта Ерофеева: «Мне еще не было семнадцати... Экзаменов тогда не требовалось, только собеседование. Прошел получасовое собеседование с профессором Шанским, и он сказал добро. Я тут же подал

телеграмму в Кировск, на Кольский полуостров: «Поступил. Ерофеев. Всё». («Московские новости». 1989. № 50, 10 дек. С. 13.)

На исходе августа Ерофеев с небольшим коричневым чемоданчиком вторгается в пределы столицы. С этого момента у него появляется более-менее постоянный адрес — Новые Черемушки, корпус 102, общежитие МГУ — и не менее постоянный круг знакомств. В комнате на втором этаже вместе с Ерофеевым живут еще пять человек.

Вокруг красного кирпичного здания — овраги и дубравы. В двадцати минутах ходьбы — трамвайное кольцо, откуда Ерофеев ежеутренне отправляется на занятия — в старый гуманитарный корпус МГУ на Моховой. Обрато в общежитие он часто ходит пешком — это занимает примерно два с половиной часа. Читает запоем, особенно поэтов Серебряного века, с которыми его знакомят однокашники и с которыми он знакомится самостоятельно, просиживая вечера в библиотеке МГУ.

Из Венедикта Ерофеева: «— В молодости я влюблялся во всех поочередно. Сначала втюрился в Константина Бальмонта, потом, спустя два месяца, — в Игоря Северянина, спустя три месяца — в Андрея Белого, ну и так далее. Я был влюбчивый...

— *А где же вы познакомились с чередой ваших возлюбленных?*

— Это, разумеется, когда поступил на первый курс в МГУ. Хотя и ничего еще не было издано, но среди студентов... непременно найдется семь-восемь людей, которые кое-чего кое в чем смыслят. Так вот мне повезло, я на них напал» (Ерофеев, с. 521).

Из Владимира Муравьева: «Я помню, как он <Веничка> в 16—17 лет очень язвительно насмехался над Цветаевой, видимо, ему претила ее эмоциональная перенапряженность. Тогда его больше устраивало бряцание в бальмонтовском духе. Потом он уже стал ее большим поклонником... В этом смысле Ерофеев похож на

Честертон, который говорил, что в поисках религии он ходил в притоны декадентов, вместо того, чтобы пойти в ближайший храм, — он шел окольным путем. Так же и Веничка прошел очень сильный декадентский искуc в 50-х годах. Любимыми у него были Бальмонт и Северянин, к которому он сохранил привязанность до конца дней своих» (Ерофеев, с. 579).

Первую зимнюю сессию, как совершенно правдиво указано в «Записках психопата», Ерофеев сдает без всяких затруднений, на одни пятерки...

И убывает на каникулы в родное Заполярье, где его встречают как «единственного медалиста» и «единственного лениногорца». «Впервые после разлуки» — так обозначен этот период в записных книжках.

Второй семестр, по выражению героя «Записок», «выкидывает нам Ерофеева с признаками явной деградации». О чем идет речь — пока неясно. Вопрос о достоверности первых ерофеевских запоев (март 1956) тоже пока что остается открытым.

Как бы то ни было, но вторая, летняя, сессия оказывается во многом проваленной и недосданной. Тем не менее Ерофеев вновь отбывает домой, на Кольский полуостров. До публикации полного варианта «Записок» большинство исследователей творчества писателя сходились во мнении, что именно то самое лето 1956 года и стало роковым, переломным моментом в судьбе будущего автора «Москвы — Петушков». Вот и в «Записках психопата» сказано: умер отец. Брата осудили на 7 лет (в действительности, Юрий Ерофеев, севший за руль в нетрезвом состоянии, был приговорен к гораздо меньшему сроку). «И вероятно, случилось еще что-то в высшей степени неприятное». Неприятное — это, разумеется, нелепый роман с одноклассницей Лидией Ворошиной, описанный во всех деталях, однако с известной долей стыдливости и иронии. Однако этот факт ничего не прояснял. Ну, был роман. Но почему именно это лето так повлияло на дальнейший ход событий? Или еще проще: почему Венедикт Ерофеев вернулся в Москву столь изменившимся?

И только ознакомившись с полным вариантом текста, понимаешь, что летнее, страшненькое, в общем-то, приключение ранимого, начитанного юноши накладывается на сложные взаимоотношения с его однокурсницей Антониной Музыкантовой. И что знакомство с нею состоялось предположительно в апреле 1956 года, то есть за три месяца до того самого лета.

В жизни Венедикта Ерофеева было много женщин. Это — отдельная, крайне деликатная тема, которую, как мне представляется, разрабатывать еще не пришло время, если оно вообще когда-нибудь придет. Однако некоторые пояснения здесь необходимы, так как сложные и трагические взаимоотношения героя «Записок» и его однокурсницы составляют основу всего произведения и, надо полагать, в какой-то мере спровоцировали его появление.

В настоящее время о судьбе Антонины Григорьевны Музыкантовой ничего не известно. В глубине души я этому рад. По крайней мере, с выходом полного варианта «Записок психопата» мы не увидим газетных заголовков вроде: «Первая любовь Венички Ерофеева: «Я выгоняла его на экзамены» или того пуще — «Первая любовь и первые 300 грамм Венички Ерофеева». Несмотря на высокую степень искажения фактов и большое количество мистификаций, в «Записках психопата» подробно изложены все перипетии «ерофеевско-музыкантовских» отношений, заботливо изъятые из первых публикаций.

Из Владимира Муравьева: «Людам, которые подходили к нему на очень близкое расстояние, было нелегко... Возлюбленным его университетским не позавидуешь никак. Тут включались разрушительные силы. Близко подошедшие становились объектами почти издевательских экспериментов. А вокруг него всегда был хороший вод. Многие он провоцировал. Жизнь его была непрерывным действием, которое он режиссировал, — отчасти сочинял, отчасти был непредсказуем, и все становились соучастниками этого действия» (Ерофеев, с. 583).

Осенью 1956 года второкурсников филфака МГУ перевели из Черемушкинского общежития в знаменитый студенческий городок на Стромынке, возле Матросского моста.

Именно оказавшись здесь, Ерофеев прекращает посещать семинары и лекции и принимается за «Записки психопата». Комната, где он живет, не в пример больше черемушкинской. Но лица вокруг все те же: Владимир Муравьев, Юрий Романеев, Леонид Самосейко, Владимир Скороденко, Леонид Михайлов, Антонина Музыкантова, Ольга Никонова, Джульета Остаева и другие.

Из Венедикта Ерофеева: «— *То есть удивительно приличная у вас подобралась публика?*

— Да. Немножко на царкосельскую <похоже>, на кюхельбекерскую такую, в несколько заниженном варианте. Я там представлял что-то вроде барона Дельвига» (Ерофеев, с. 494—495).

Впрочем, несмотря на «царкосельскость» и «кюхельбекерность» обстановки, Ерофеев никого в своих «Записках» не пощадил, язвительно подчеркнув все недостатки однокашников или изобразив их в совершенно гротескном, карикатурном виде.

— Ну, что ж, Веня именно так и должен был поступить, — отозвался об этом Юрий Романеев, которому я вкратце сообщил о выходе полного варианта «Записок» и о том, что есть там пассажи и о нем, причем весьма иронического свойства.

Из Владимира Муравьева: «Когда Ерофеев приехал с Кольского полуострова, в нем еще не было ничего, кроме через край бьющей талантливости и открытости к словесности... Данные его были великолепны: великолепная память, великолепная, незамутненная восприимчивость. И он совершенно не был обгажен социалистической идеологией... Мы с ним жили вместе в общежитии университета на Стромынке — больше полутора лет наши койки стояли рядом. Как раз там написана добрая половина «Записок психопата» — его первой

прозы... Они <«Записки психопата»> сейчас у меня. Это пять тетрадок, они представляют собой лирический дневник 17-18-летнего юноши. Я спрашивал Веничку: «А ты хотел бы, чтобы это было опубликовано?» — «Ты с ума сошел, что ли?» Не думайте, что это произведение вроде Гоголя или Толстого. Это записки, проба пера за двенадцать лет до того, как он нашел свою прозу. Кое-что очень смешно, кое-что — наоборот.

Там много проку: есть, например, вроде бы этюды, несколько пародий, но ограниченного хождения. На меня, например, есть пародия — не на писания, а на поведение, восприятие. Но целиком публиковать это невозможно. Веничка оттуда, кстати сказать, много вырезал, он, гад, брал у меня тетрадки, потом возвращал, понимая, что у него они пропадут. Он вырезал много откровенного, даже душевных помоев (куда же еще их выплескивать, если не в дневник, писалось ведь не для того, чтобы читали). В общем, с одной стороны, это дневник, с другой — отработка слога. Такая экспериментальная проза юного гения.

С этими пятью томами была очень смешная история: их у меня конфисковали при очередном обыске и забрали в КГБ, а потом вернули обратно как материал, не представляющий интереса для органов» (Ерофеев, с. 574, 576).

К сожалению, никто уже не может рассказать, как писались «Записки психопата». Более-менее определенный ответ дает только сама рукопись. Очевидно, беловому варианту предшествовали черновые записи, рассыпанные по блокнотам и записным книжкам: слишком уж чисто и строго выглядит окончательный вариант. В некоторых местах из тетрадей вырваны листы, однако текст не утрачен: значит, автор специально переписывал его с вырванной страницы или же переписал весь эпизод заново. В любом случае, рукопись «Записок» наглядно доказывает, что мы имеем дело не с реальным дневником (вопреки подзаголовку; в данном случае это, скорее, определение жанра), а с настоящим

художественным текстом. Понимает это и сам автор. Не понимают этого, к сожалению, многие читатели и, к несчастью, даже филологи, которые, прочитав о том, что герой в октябре 1956 года хоронит брата, делают соответствующие выводы о тяжелой юности писателя (в действительности Юрий Ерофеев скончался в 1981 году от рака горла). Массу нареканий вызвала фигура Ерофеева-отца, изображенного в «Записках» в весьма неприглядном виде. Чтобы развеять возможные сомнения, привожу цитату из своей недавней беседы (апрель 2004) с сестрой писателя, Ниной Фроловой (Ерофеевой):

«Папа мог выпить, но делал это только по праздникам и никогда не напивался до беспамятства. Во хмелю он никогда не бушевал, сразу ложился спать и уж никогда пальцем нас не коснулся. Он вообще всех нас очень любил».

В первых публикациях «Записок» были изъяты практически все эпизоды, касающиеся отношений героя не только с отцом, но и с матерью. Кое-что, впрочем, осталось. Так, например, если верить тексту, мать героя умирает в феврале 1957 года. В то время как Анна Андреевна Гущина, мать Венедикта Ерофеева, скончалась в 1972 году. В полном варианте текста фигура матери — столь же темная и пугающая, как и фигура отца, — возникает неоднократно. Вообще тема «Образ матери в творчестве Венедикта Ерофеева» несомненно имеет право на существование, однако сколько бы ни твердили исследователи о подсознательной ненависти Ерофеева к «той, которая сдала его в детдом», а сама уехала в Москву на заработки, реальных подтверждений этому нет. Художественный же текст, в котором родственники героя не имеют практически ничего общего с родственниками автора, — не в счет.

В октябре—ноябре 1956 года Венедикт Ерофеев уже понял, что ему грозит отчисление. Однако никаких мер не принимал. Наоборот — углубился в чтение «Бхагавадгиты» и Достоевского, не забывая при этом работать и над «Записками психопата».

Данные о дате отчисления из МГУ несколько расходятся. Приказ, подписанный проректором Галкиным, датирован 14 января 1957 г. Согласно этому документу, Ерофеев отчислен со 2 января того же года. В «Записках психопата» датой исключения называется 21 декабря 1956 года. Очевидно, в середине декабря Ерофееву объявлено об отчислении, так сказать, неофициально, тем более, что впереди — две недели зимних каникул. Приказ же об отчислении касается уже непосредственно четвертого семестра.

Из Владимира Муравьева: «Его вышибли за постоянный отказ сдавать что-нибудь, посещать что-нибудь и так далее... С ним бились бог знает как, хотели его оставить, он первую сессию сдал с полным блеском, и вообще было понятно, что он прирожденный филолог... Но ситуация была совершенно безвыходной, потому что он уже совсем перестал сдавать экзамены, вообще ходить...» (Ерофеев, с. 575).

В феврале 1957 года Ерофееву предлагается добровольно покинуть Стромьинское общежитие, что он и делает, захватив с собой все тот же коричневый чемоданчик.

До сих пор неясно, каким образом Ерофеев оказывается в общежитии рабочих Ремонтно-строительного треста на Красной Пресне. Возможно, в Ремстройтрест его устроил кто-то из однокурсников или их родителей.

Из Владимира Муравьева: «Одно время Веничка работал грузчиком, общежитие его было возле Красной Пресни. Когда я туда пришел, все простые рабочие на задних лапках перед ним танцевали, а главное — все они принялись писать стихи, читать, разговаривать о том, что им несвойственно. (Веничка эти стихи обрабатывал, а потом сделал совершенно потрясающую «Антологию стихов рабочего общежития». Кое-что, конечно, сам написал.) Я спрашивал у Венички, как удалось так на них повлиять, но в этом не было ничего наме-

ренного. Он просто заражал совершенно неподдельным, настоящим и внутренним интересом к литературе» (Ерофеев, с. 578).

Уже в весенних записях 1957 года появляются те самые «работяги», которые пишут стихи и танцуют перед Ерофеевым на задних лапках: Виктор Глотов, Кирилл Кузнецов, Михаил Миронов и другие. Как и прежде, в «Записках психопата» реальность уступает место вымыслу, мистификации, поэтому чрезвычайно трудно установить степень достоверности тех или иных событий, зафиксированных Ерофеевым в дневнике «краснопресненского» периода. Очевидно, что Антонина Музыкантова продолжала пытаться наладить отношения с теперь уже «пролетарием», как он сам себя аттестовал, однако попытки эти были, как свидетельствует «дневник», неудачны. К тому же на горизонте появилась некая Александра Мартынова, вполне замужняя дама из того же Ремстройтреста, которая занимала ум, честь и совесть героя «Записок» вплоть до конца октября. Впрочем, история отношений с ней, в отличие от университетского романа, изложена довольно невнятно. В одну из тетрадей вложен лист бумаги с приговором автора самому себе: описание «октябрьско-мартыновской ситуации» оставлено «до январского беспристрастия»... Это единственное свидетельство о намерении Ерофеева продолжать «Записки психопата» и в 1958 году. Однако этого не случилось.

Неизвестно, чем Ерофеев досадил руководству Ремстройтреста. Скорее всего, заявления, приведенные героем «Записок» в последних записях, — подлинные. В таком случае причины увольнения Ерофеева сходны с причинами отчисления его из института — манкирование служебными обязанностями, непосещение рабочего места, странные, «разлагающие» рабочий коллектив речи и т.д. и т.п. Во всяком случае, уже в ноябре 1957 года Ерофееву предложено в добровольном порядке выехать с занимаемой им площади в Краснопресненском общезитии.

Тогда же он прекращает «Записки психопата». Возможно, ему показалось, что идея себя изжила, а быть может, он впервые задумался о дальнейших перспективах и решил переключить свое внимание на поступление в очередное учебное заведение или восстановиться на заочном отделении в МГУ. Во всяком случае, рукопись «Записок» была отдана на сохранение Владимиру Муравьеву, а тот, в свою очередь, сберег ее до «лучших времен».

Впоследствии Ерофеев никогда не забывал о своем первом сочинении и говорил о нем буквально в каждом интервью — уже в конце 80-х. Вот несколько цитат — все «из Венедикта Ерофеева».

Из краткой автобиографии: «Первым заслуживающим внимания сочинением считаются «Записки психопата» (1956—1958 гг.), начатые в 17-летнем возрасте, самое объемное и самое нелепое из написанного» (Ерофеев, с. 8).

«— Венедикт Васильевич, а что у вас из написанного еще не напечатано сегодня?»

— Ну не знаю, потому что «Записки психопата» вряд ли решатся печатать. Они вряд ли на это пойдут, потому что там столько, — я говорю не о непристойностях, — но неожиданных лексических оборотах, мягко говоря. К непристойностям уже привыкли... но вот с лексическим проворством они никогда не примирятся» (Ерофеев, с. 520).

«— А сочинять ты начал в детдоме или уже в школе?»

— Начал еще до поступления в школу.

— И что же ты в таком нежном возрасте сочинял?»

— «Записки сумасшедшего».

— Кто же был сумасшедшим?»

— Ну, я, конечно...

— То есть ты себя так ощущал или создал такую маску?»

— Разумеется, маску... Первое осмысленное писание началось с 56-го года, тогда, когда я кончал 1-й курс

МГУ. Вот тогда началось то, что я бы сейчас немножко уделал, немножко бы...

— *А оно сохранилось?*

— Сохранилось. Но я попросил человека, у которого это все лежит <Владимира Муравьева> — это пять толстых тетрадей, — чтобы он до моей кончины не издавал.

— *Хорошо ли это, Ерофеев?*

— Хорошо. Потому что там так много того, что не годится, так много непечатного, если так, по-русски говорить...

— *А кто-нибудь, кроме того друга, это читал?*

— Нет, не читали. Однокашники, правда, читали...

— *Значит, писать начал в МГУ?*

— Писать начал в университете. И отличные вещи... Там не было никакой скверны, никакой политики... была какая-то иная струя, которая будоражила всех...» (Ерофеев, с. 491).

«— *Вы ведь и в студенческие годы писали прозу?*

— Конечно. «Записки психопата». Мне студенты об этой вещи говорили, что это невозможно, что так писать нельзя. «Ерофеев, ты хочешь прославиться на весь институт?» Я отвечал: «У меня намерения намного крупнее» (Ерофеев, с. 510).

Всерьез о первом «осмысленном» сочинении Ерофеева заговорили только в конце 90-х годов, когда права на издание ерофеевского наследия приобрело издательство «Вагриус». Владимир Муравьев, который продолжал бережно хранить рукопись «Записок психопата», взялся подготовить текст к печати как профессиональный филолог и ерофеевед — во всех смыслах этого странного слова.

В 2000 году произведение впервые увидело свет. В чрезвычайно, как выразился бы сам Ерофеев, «кастрированном виде». От оригинального рукописного текста осталось чуть больше трети. Однако в ту пору никто, кроме Владимира Муравьева, готовившего текст к печати, и главного редактора «Вагриуса» Алексея Костянина, об этом не знал. Но любителям изящной словесности

достаточно было и того, что на прилавках, наконец, появилось *первое и впервые опубликованное* крупное произведение того самого Венедикта Ерофеева, автора поэмы «Москва—Петушки» и пьесы «Вальпургиева ночь». Ко всеобщему удивлению выяснилось, что Ерофеев написал еще кое-что. И это «кое-что» оказалось совсем не хуже всего остального, тем более, что автору в пору написания было всего 18 лет!

С тех пор «Записки психопата» не раз переиздавались, вышли отдельным изданием в мягкой обложке (с честным предупреждением: «Текст представляет собой сокращенную редакцию юношеского сочинения»), а затем благополучно вошли в двухтомное собрание сочинений писателя.

Однако осенью 2001 года я встретился с близкой подругой Венедикта Ерофеева Н.А.Шмельковой, написавшей прекрасную книгу о его последних годах и днях жизни. В ходе беседы Наталья Александровна продемонстрировала мне копии нескольких страниц, которые несомненно относились к рукописи «Записок психопата», но в текст, опубликованный «Вагриусом», не вошли. Более того, на копиях отчетливо были видны следы правки, а именно: многие куски были решительно перечеркнуты — причем явно не авторской, а редакторской рукой...

Разумеется, встал вопрос о новой публикации — уже полного варианта. На то, чтобы вернуть рукопись «Записок психопата», наследникам Венедикта Ерофеева потребовалось более двух лет. Однако усилия увенчались успехом. Пять тетрадей в черных переплетах заняли свое законное место в семейном архиве писателя. Текст, публикуемый издательством «Захаров», вычитывался по оригинальной рукописи: таким образом, нам удалось не только восстановить все пропуски, но и исправить ошибки, допущенные в предыдущих изданиях.

Напоследок возникает резонный вопрос: как отнесся бы к этому сам автор? История, конечно, не терпит сослагательного наклонения. Но только в том случае, если речь не идет о Ерофееве.

И вот я с полной ответственностью заявляю: мнение Венедикта Васильевича Ерофеева касательно полного варианта «Записок» и их издания мне известно. Оно у меня имеется. Правда, невербальное, ну да уж кому она нужна, эта вербальность, если речь о вечном...

Так вот, ранней весной 2004 года, когда я уже по уши влез в «Записки психопата» и со дня на день ожидал звонка от наследников (решался вопрос о возвращении оригинальной рукописи), однокашник Ерофеева Лев Андреевич Кобяков великодушно вызвался сопроводить меня к зданию бывшего общежития МГУ в Черемушках. Этот день, в отличие от 11 мая 1990 года, я действительно запомнил прекрасно. Было солнечно и необычайно морозно. Мы шли по улице Кржижановского (в 1955 году — 5-я Черемушкинская улица), вдоль трамвайных путей, и я с большим вниманием слушал своего собеседника, повествовавшего о конце сталинской эпохи. Наконец, остановились перед невысоким зданием из крупного красного кирпича, и я испытал некий, если можно так выразиться, священный трепет. Здесь жил Венедикт Ерофеев. Отсюда он выходил каждое утро. Спешил на трамвай. Быть может, уже вынашивал будущие «Записки психопата»... Те самые пять тетрадей, которые я вот-вот раскрою, впервые увижу полный текст... Издадим... Переводы пойдут...

— Зайдем во двор, — предложил Лев Андреевич.

Дальнейшее — необъяснимо. Мы сворачиваем с шумной улицы во двор. В этот же миг на меня мгновенно обрушивается что-то дьявольски холодное — обрушивается, оцарапав щеку и на долю секунды погрузив меня в полный мрак.

В течение пяти последующих минут, пока мы шли по двору, я выковыривал из левого уха снег и россыпь мелких ледяных крошек, кем-то игриво сброшенных с крыши бывшего общежития.

Спутник мой ничего не заметил.

А ведь что-то было, наверное...

Что-то было...

Москва, август 2004 г.

КОММЕНТАРИЙ

Часть первая

Записки сумасшедшего — подзаголовок первой части восходит к одноименной повести Н.В.Гоголя (1834). Все пять частей имеют собственные несовпадающие названия. Ко второй части дан подзаголовок: «Продолжение записок психопата», к третьей — «Еще раз продолжение. И окончания не будет», к четвертой — «Продолжение записок сумасшедшего» и к пятой — «Записки психопата. (Окончание)».

14 октября

Модернизм — общее обозначение всех авангардистских направлений в культуре XX века, программно противопоставивших себя традиционализму в качестве единственно истинного «искусства современности» или «искусства будущего». «Записки психопата» безусловно можно назвать данью модернизму, учитывая постоянное обращение автора к литературе Серебряного Века, а также активное использование приемов, характерных для авангардных течений начала XX в.: футуризм, эго-футуризм, заумь и др.

Но в расцвете не забудьте, что и смерть, как жизнь, прекрасна и что царственно величие... холодеющих могил — цитата из стихотворения К.Д.Бальмонта «Тише, тише» (1903): «Расцветайте, отцветайте, многоцветно, полновластно, / Раскрывайте все богатство ваших скрытых юных сил, / Но в расцвете не забудьте, что и смерть, как жизнь, прекрасна, / И что царственно величие холодеющих могил» (см. также запись от 29 октября).

Темно, как в заднем проходе Антонины Григорьевны — для уточнения имен персонажей здесь и далее см. именной указатель.

Молчел — шутивное сокращение от «молодой человек», характерное для «сложносоставного» разговорного языка 40-50-х гг.

17 октября

Выжитый из университета — Венедикт Ерофеев был исключен из МГУ в декабре 1956 г., то есть через два месяца после того, как была сделана эта запись. Возможно, и герой «Записок», и автор возмущившего его определения — А.Г.Музыкантова — уже знают о грядущем отчислении и воспринимают этот факт как очевидный. В противном случае, данная запись ставит под сомнение истинность вообще всех дат в «Записках».

18 октября

Перцовая горькая настойка — алкогольный напиток крепостью примерно 35—38% с горьким и жгучим вкусом. Основу напитка составляет настой из красного стручкового и плодов черного перца.

19 октября

Шестьсот?— т.е. 600 грамм спиртного. Здесь и далее герой «Записок» часто пользуется подобного рода сокращениями: «двести» вместо «200 грамм», «последние четыре» вместо «последние четыре дня» и т.д.

А то, может, Яуза — Яуза — река в северо-восточной и центральной части г. Москва, левый приток реки Москва. Общежитие МГУ на Стромьинке, в котором с сентября 1956 года до февраля 1957 года проживал Ерофеев, находится неподалеку от Яузы, у Матросского моста. См. также запись от 29 октября 1956 года.

24 октября

Дата — 24 октября 1938 года родился Венедикт Ерофеев.

18/VIII — запись представляет собой воспоминания Ерофеева об интеллектуальных играх, которые якобы устраивались летом 1956 года в Кировске, в кругу тамошних друзей.

Хладнокровно-ревнивая... — стихотворение Ерофеева, представляющее собой очевидную пародию на русскую декадентскую поэзию.

«*А ночка темная была*» — вторая строка известного «застольного» романа «Шумел камыш...»: «Шумел камыш, деревья гнулись, / И ночка темная была, / Одна возлюбленная пара / Всю ночь гуляла до утра». Автор текста и композитор неизвестны.

Последний солнца луч погас за камышами... — очередная пародия Ерофеева на декадентскую поэзию начала XX века. Единственным «отклонением» от символистской нормы являются деревенские мотивы, характерные уже для имажинистов-«деревенщиков».

«*На смерть пса*», «*На смерть Сосо*» — цитируются два якобы ерофеевских стихотворения. Возможно, они действительно существовали в полном варианте, однако обнаружить их до сих пор не удалось. *Сосо* — вероятно, имеется в виду Сталин, который скончался 5 марта 1953 года, то есть тремя годами раньше описываемых событий. См. также запись от 7—8 ноября 1956 года.

28 октября

Будапешт!! — Будапешт — столица Венгрии. В ночь с 23 на 24 октября 1956 года (т.е. как раз в день рождения Ерофеева) в Будапеште, во время заседания венгерской партии трудящихся, на пост председателя Совета Министров был назначен Имре Надь, организовавший в октябре—ноябре 1956 года восстание против коммунистического режима (т.н. «Венгерская революция»). С помощью войск Советской Армии восстание было подавлено 4 ноября 1956 года (см. также запись от 17 ноября 1957 года).

29 октября

Тише, тише совлекайте с древних идиолов одежды — первая строка из стихотворения К.Д.Бальмонта «Тише, тише» (1903): «Тише, тише совлекайте с древних идиолов одежды — / Вы так долго им молились, не забудьте прежний свет!»

Гм, Яуза... Похабное имя, я бы сказал... Почему тебе нравится это вызывающе-иностранный звук? — Согласно древним летописям, в середине XII века река называлась Аузой, что позволило многим лингвистам сделать вывод о балтийском происхождении названия. Однако герой «Записок» вряд ли наслышан об этом. Скорее всего, говоря о «вызывающе-иностранный» звучании, он просто пародирует советские газетные клише.

Содержимое всех романов Хаксли и Олдингтона — Олдос Леонард Хаксли (1894—1963) — знаменитый английский писатель, прославившийся своим романом-антиутопией «О, дивный новый мир». Кроме этого произведения, является также автором романов «Желтый Кром», «Шутовской хоровод», «Контрапункт» и т.д. Ричард Олдингтон (1892—1962) — знаменитый английский писатель, автор романов «Смерть героя», «Все люди — враги», «Дочь полковника», «Сущий рай» и т.д. Также Олдингтон занимался исследованием творчества модернистов, что не может не вызывать интереса у героя «Записок».

Он тебе не муж?.. — незримый собеседник героя иронически перефразирует строфу из стихотворения М.Цветаевой «Пожалей» (1920): «— Он тебе не муж?/ — Нет./ — Веришь в воскресенье душ?/ — Нет../— Так айда... — нагрудник вяжет.../ Дай-кошь я с ним рядом ляжу... /За-ко-ла-чи-вай!»

Monsieur Rassudock — т.е. «господин Рассудок». Интересно, что в этом шутовском обращении сочетается сразу три языка: слово «monsieur» («господин») — французское, слово «рассудок» — русское, однако написано оно на английский манер.

7—8 ноября

Прославлявших полковника Насера — Гамаль Абд ан-Насир (1918—1970) — участник арабо-израильской войны 1948—1949 гг., с июня 1956 года — президент Египта и главнокомандующий вооруженными силами. В том же году возглавил сопротивление против англо-франко-израильской агрессии.

12 ноября

И потом — этот свет! — вновь мы сталкиваемся со стихотворными экспериментами героя «Записок»: на этот раз перед нами комбинация из свободного стиха (верлибра) и пятистиший в стиле японских танка.

17 ноября

Вы, вероятно, марксист? — Е.А.Яблоков усматривает в этой реплике возможную отсылку к повести М.А.Булгакова «Роковые яйца» (1924):

«— Как, вы не знаете, чем отличаются голые гады от пресмыкающихся? — спрашивал Персиков. — Это просто смешно, молодой человек... Вы, вероятно, марксист?»

— Марксист, — угасая, отвечал зарезанный.

— Так вот, пожалуйста, осенью, — вежливо говорил Персиков и бодро кричал Панкрату: — Давай следующего!»

Повесть «Роковые яйца» начала ходить в самиздате как раз в конце 50-х годов и, возможно, могла быть прочитана Ерофеевым.

Дружеское пожуривание... Имре Надя — Имре Надь (1896—1958), председатель Совета Министров Венгрии в 1953—1955 и в октябре—ноябре 1956. После «Венгерской революции» 1956 года осужден за «организацию заговора и предательство родины» и казнен. В 1989 г. посмертно реабилитирован.

Я весел, как марш Иванова-Радкевича — Н.П.Иванов-Радкевич (1904—1962), советский композитор, заслуженный деятель искусств РСФСР, автор всемирно известного «Туша», а также многочисленных маршей — в том числе и марша «Варяг», который, возможно, имеет в виду герой.

Не я испортил Апакова, а Апаков испортил меня... — вероятно, имеется в виду вагоновожатый П.Л.Апаков (ум. в 1919), работник Замоскворецкого трамвайного парка, участник революции 1905 года и активный участник «трамвайной забастовки» в 1915 году после рас-

стрела рабочих на Лене. В 1923 году в честь Апакова назвали новое трамвайное депо возле Калужской площади. С 1955 по 1956 год Ерофеев регулярно пользовался трамваями этого депо, которые ходили от черемушкинского общежития МГУ до центра.

22 ноября

В середине марта Ерофеев тихо запил. В конце марта не менее тихо закурил — возможно, Ерофеев указывает реальные даты своих первых «запоев» и «закуриваний», хотя в воспоминаниях старшей сестры писателя, Тамары Васильевны Гущиной, упомянута «первая папироса Вены» — сразу по окончании школы, то есть еще летом 1955 года.

В апреле арестовали брата... в начале июня брат был осужден на 7 лет — по воспоминаниям младшей сестры писателя, Нины Васильевны Фроловой, их старший брат, Юрий Васильевич Ерофеев, действительно был задержан за ДТП в нетрезвом состоянии, но на столь долгий срок не осуждался.

В апреле смертельно заболел отец... в середине июня умер отец — весной 1956 года врачи констатировали у Василия Васильевича Ерофеева рак легких. В июне 1956 года он скончался. Похоронен в Кировске.

К концу октября, похоронив брата... — Юрий Васильевич Ерофеев, вопреки легенде о тюремном заключении и расстреле, созданной героем «Записок психопата» (см. записи от 30 декабря 1956 года и 26 января 1957 года), скончался в 1981 году от той же болезни, которая через три года поразила и Венедикта — от рака горла.

28 ноября

Почему они дрожали? — здесь, как и в нижеследующей записи от 29 ноября, герой имеет в виду собственные ноги (или колени).

3 декабря

Mesdames — «дамы» (франц.)

Ведь незстетностью своей струи — здесь и далее герой «Записок» пародирует эгофутуристическую лексику

ку и фразеологию Игоря Северянина, хотя иронический контекст заставляет вспомнить и о творчестве Саши Черного, одного из любимых ерофеевских авторов.

Безнравственно истцеанствовать — т.е. «выступать в суде в роли истца». Неологизм создан по аналогии с глаголом «нищсеанствовать».

Интенсинирование — возможно, от французского «intenter» — «возбуждать против кого-либо судебное дело», «подавать иск».

Стулирование — неологизм Ерофеева от слова «стул» (в значении — «испражнения»), в данном случае означающий «загрязнение фекалиями».

Озноенность braun'om — смысл выражения тот же, что и у слова «стулирование» (см. выше). Braun — «коричневый» (нем.).

8 декабря

Как будто бы Энгельс запретил им! — Фридрих Энгельс (1820—1895) — знаменитый немецкий философ, один из основоположников марксизма, друг и соратник Карла Маркса, автор многочисленных трудов по истории и философии.

Язык подменили лысиной Руссо — Руссо Жан-Жак (1712—1778) — французский философ-просветитель, писатель и композитор. Автор многих художественных и философских произведений, в частности трактата «Общественный договор» (1762), в котором изложены принципы существования нового общества, максимально приближенного к природе.

9 декабря

Сколько раз уже я посылал проклятия по адресу всевышнего и «Исключений из закона наследственности» — вероятно, имеется в виду общий закон наследственности, впервые сформулированный Грегором Менделем (1822—1884).

Я бешено ударялся головой о Кремлевскую стену — и не мог выбить ни одной капли здравого разума! — ср. с пассажем из поэмы «Москва — Петушки», написанной спустя тринадцать лет, в 1970 г.:

«— Ты от нас? От нас хотел убежать? — прошипел один и схватил меня за волосы и, сколько в нем было силы, хватил меня головой о кремлевскую стену. Мне показалось, что я раскололся от боли, кровь стекала по лицу и за шиворот...»

Хотя все произнесенное мне импонировало, унисонило — то есть «звучало в один голос с моими ощущениями или мыслями» (от франц. «unison», буквально «единый звук»).

10 декабря

На хуй «острова»!!! — возможно, что под «островами» герой «Записок» подразумевает редкие дни хороших и спокойных отношений с А.Г.Музыкантовой.

17 декабря

И я не радовался в октябре ее «аресту за преднамеренное устройство взрыва»... статья в «Кировском рабочем» — Взятая в кавычки фраза, возможно, является цитатой из статьи в упомянутой ниже газете. «Кировский рабочий» — региональная общественно-политическая газета, издается в Кировске с 1930 года. В середине 50-х годов выходила 5 раз в неделю.

Я слишком туманно воспринимал трели Бейджу Бавры — «Байджу Бавра» (1952, режиссер — Виджай Бхатт, в главных ролях — Бхарат Бхушан и Мина Кумари) — один из первых индийских фильмов, показанных в СССР и положивших начало «буму» индийского кино.

...джавахарлаловых подданных — имеется в виду Джавахарлал Неру (1889—1964), премьер-министр и министр иностранных дел Индии. В 1950-е годы Неру активно выступал за развитие советско-индийских отношений и в 1955 году посетил СССР.

«Единственный медалист» и «единственный лениногорец» — Венедикт Ерофеев единственный из всех учеников 10-х классов закончил школу с золотой медалью. «Лениногорцем» же его можно назвать условно, так как в 1955—1957 гг. филологический факультет МГУ находился не в новом ансамбле зданий на Ленинских горах, а на углу Моховой и Б.Никитской улиц.

Два... культпохода в «Большевик» — «Большевик» — первый звуковой кинотеатр Кировска. Был открыт в 1932 г. и сохранился до сих пор.

С напускной неохотой помог ей допить «Столичную» — имеется в виду самый популярный сорт дешевой водки.

Три первокурсника МУ — аббревиатура учебного заведения. Возможно, имеется в виду Мурманский Университет.

Нахальство ГХТ-товцев — очевидно, аббревиатура местного учебного заведения. Значение не установлено.

Ввиду увольнения с РМЗ — РМЗ — аббревиатура от «Ремонтно-механический завод».

На перилах Горьковской библиотеки — имеется в виду Центральная библиотека им. Горького в Кировске. В настоящее время там расположен музей Вен. Ерофеева.

Жонглируя моим Ролланом — Ромен Роллан (1866—1944) — французский писатель и общественный деятель, автор исследований по истории музыки, цикла драм о Великой французской революции, 10-томного романа-эпопеи «Жан-Кристоф», повести «Кола Брюньон» и др.

...продолжала неумоимо язвить по адресу... Надсона — С.Я.Надсон (1862—1887) — русский поэт, иногда относимый к ранним символистам.

Своим неуместным затягиванием «Школьного вальса» — «Школьный вальс» (1952) — неофициальный гимн всех советских выпускников середины XX века. Автор текста — М.Матусовский, композитор — И.Дунаевский.

Ее поведение 21-го числа на «Пламени гнева» — «Пламя гнева» (1956) — художественный фильм украинского режиссера Т.Левчука.

19 декабря

И полемизируя с Гете — Иоганн Вольфганг Гете (1749—1832) — знаменитый немецкий писатель, основоположник немецкой литературы Нового времени, мыслитель и естествоиспытатель.

22 декабря

Я не пытался сенсинировать — то есть «давать волю чувствам». Неологизм Ерофеева, возможно, от франц. sens — «чувство».

И все-таки я отказался брудировать — неологизм Ерофеева от нем. bruder — «брат». То есть — «исполнять роль младшего брата», которую А.Г.Музыкантова пытается навязать герою «Записок».

24 декабря

С отчисления пошло изумительно! — в декабре 1956 года Венедикт Ерофеев был отчислен из МГУ за непосещение занятий и неуспеваемость.

Самосейко НЕУДивлялся — здесь и далее герой «Записок» в шутку или с тайным умыслом выделяет большими буквами части слов, представляющие собой отдельные понятия, имена или загадочные аббревиатуры.

26 декабря

При воспоминании о Мичурине — И.В.Мичурин (1855—1935) — русский биолог, основоположник в СССР научной селекции сельскохозяйственных культур, создатель теории подбора исходных форм для скрещивания.

27 декабря

Последние четыре проползут бесследно! — то есть последние четыре дня 1956 года.

28 декабря

«...Он! Он объяснился!...» Р.Гуржибекова, «Дневник»... — перед нами очередная ехидная стилизация под несуществующий дамский дневник, а также несколько стилизаций под несуществующие произведения однокурсников Ерофеева.

Бомарше на носу, Корнель и все такое прочее... — Пьер Огюстен Карон де Бомарше (1732—1799) — знаменитый французский драматург, автор многих произведений, в том числе комедийной трилогии: «Севильский цирюльник» (1775), «Женитьба Фигаро» (1784) и «Винновная мать» (1792). Пьер Корнель (1606—1684) — знаменитый французский драматург-классицист эпохи Просвещения, автор многих произведений, в том числе трагикомедии «Сид» (1637), трагедий «Медея» (1635), «Гораций» (1640) и др.

Экгоф в роли Доримона — Конрад Экхоф (1720—1778) — немецкий актер и театральный деятель, первый интерпретатор просветительской драмы и единомышленник философа Г.Э.Лессинга. *Доримон* — вероятно, речь идет о графе Доримоне, герое комедии Пьера Мариво (1688—1763) «Ложные признания».

Tot linguae quot membra viro — «Языков столь же, сколь и конечностей мужских» (лат.) — цитата из анонимной латинской эпиграммы «О пантомиме».

Студентка МГЭИ — то есть Московского Государственного Экономического (или Энергетического) Института.

Расин — Жан Расин (1639—1699) — знаменитый французский драматург, создатель классицистской трагедии, автор многочисленных произведений, в том числе пьес «Андромаха» (1667), «Береника» (1670), «Федра» (1677) и др.

Продолжал шамкать «Роксолану» — Роксолана (Анастасия Лисовская) — знаменитая фаворитка турецкого султана Сулеймана Великолепного (1494—1556). Отдельного произведения под названием «Роксолана» нами не обнаружено. У Корнеля существует трагедия «Родогуна» (1644), у Даниеля Дефо — роман «Роксана» (1724). Кроме того, Роксолана является одним из персонажей трагедии Уильяма д'Авенанта «Осада Родоса» (1656—1661).

Смутит самого Кекконена — Урхо Калева Кекконен (1900—1981) — с 1956 г. был президентом Финляндии. Активно выступал за развитие дружественных отношений с СССР.

Лесаж... Дидро, Вольтер — Ален Рене Лесаж (1668—1747) — знаменитый французский писатель. Автор сатирических романов «Хромой бес» (1707), «История Жиль Блаза из Сантьяны» (1715—1735), комедий и др. *Дени Дидро* (1713—1784) — французский писатель, философ-просветитель, автор многочисленных художественных произведений и трактатов, в том числе научного труда «Философские принципы материи и движения» (1770). *Вольтер* — французский писатель, философ-просветитель и историк, автор многочисленных

исторических трудов, а также философских повестей, среди которых наиболее известны: «Кандид, или Оптимизм» (1759) и «Простодушный» (1767).

Елизавета Гассекс, Амалия Вейсе и, если угодно, — госпожа Дорсенвиль! — нами не обнаружено литературных персонажей с подобными именами. Возможно, они являются вымышленными и приведены в пример вечно все путающим собеседником героя — ср. следующую цитату.

Дика как лань, дитя Кавказа... — перифраз строк из «Евгения Онегина»: «Дика, печальна, молчалива,/Как лань лесная боязлива». Определение «дитя Кавказа», скорее, относится к лермонтовской Тамаре, героине поэмы «Демон».

30 декабря

Вл. Бр. — см. именной указатель.

«На-а-а земле-е-э-э ве-эсь род...» — куплеты Мефистофеля из оперы Гуно «Фауст» (рус. перевод Л. Сибирякова): «На земле весь род людской/Чтит один кумир священный, / Что царит над сей Вселенной, / Тот кумир — телец златой».

Lupus in... — герой не успевает полностью процитировать латинскую поговорку «Lupus in fabula» — «легок на помине» (буквально «волк в басне») (*лат.*).

Papap! — «папа» (*франц.*).

Вы так удачно отеллировали — то есть «изображали Отелло».

А! Это вы!.. Бросьте это, А.Г.! — судя по контексту и знакомым инициалам, герою «Записок» в пьяном бреду является его пассия, А.Г. Музыкантова.

Единственное — старушка-мать... И не издохла? — ср. запись от 20 января 1957 г.

Шанкр — (от франц. chancre — язва) — язва или эрозия, возникающая в месте внедрения возбудителя при некоторых инфекционных болезнях. Различают твердый шанкр (первичная сифилитическая язва) и мягкий шанкр — венерическая болезнь, характеризующаяся образованием язвы в месте заражения, поражением лимфатических узлов и сосудов.

Капруан — вероятно, ошибочное или умышленно искаженное написание слова «капрон». Капрон — синтетическое волокно, используемое для производства тканей и трикотажа. Отличается высокой износостойкостью, эластичностью, несминаемостью. В СССР начал входить в употребление в начале 50-х годов.

Фильдекос — (от франц. *fil d'Ecosse* — «шотландская нить») туго скрученная хлопчатобумажная нить из лучших сортов хлопчатника, имеющая шелковистый блеск; трикотажное полотно из этой нити используется для изготовления чулок, перчаток.

Креп-жоржет — шелковая, зернистая на ощупь ткань из сильно перекрученных нитей. Имеет неровную, мелко структурированную поверхность.

1 января

Совершенно ни одной? — запись представляет собой новогодние скитания героя по Москве в поисках водки. Диалоги с продавцами чередуются с цепочками мыслей, с трудом поддающимися анализу.

И это — «Гастр»! — то есть «Гастроном»

— *Двенадцать шестьдесят* — то есть 12 рублей 60 копеек. В 50-е годы — стоимость полулитра водки.

2 января

Фи, как это все опереттично! — то есть пошло, банально, как в дешевой «оперетке».

Серым Ф. — неустановленные лица.

Обвинить меня в sex арреа-ль-ности — с неясной целью герой «Записок» слегка зашифровывает слово «сексапильность». Вероятна игра с написанием слова: «арреа-ль-ность» можно прочесть и по-русски — как «арреальность», т.е. ирреальность.

Часть вторая

4 января

Нанести искросыпительный удар — по указанию Е.А.Яблокова, выражение «искросыпительный удар» восходит к поэме Н.А.Некрасова «Кому на Руси жить хорошо?»

(1866—1876): «Закон — мое желание! / Кулак — моя полиция! / Удар зубодробительный, / Удар искросыпительный, / Удар скуловорот!»

Напевами из Грига — Эдвард Григ (1843—1907), норвежский композитор, пианист, дирижер, автор многочисленных произведений, в том числе серии сюит «Пер Гюнт» (1888, 1896) по драме Г.Ибсена.

5 января

Нелабильный исход — лабильный — «неустойчивый, колеблющийся». В данном случае эпитет следует понимать как «окончательный», «бесповоротный».

7 января

О Гуциных не говорю — Гущина — девичья фамилия матери Ерофеева и фамилия его старшей сестры.

Двадцать лет в лагере — это внушительно — Василий Васильевич Ерофеев был арестован в 1946 году и освобожден в 1953 году, то есть провел в лагерях 7 лет.

8 января

Слово найдено — рудимент! — рудимент (от лат. rudimentum — зачаток) — орган, утративший в процессе эволюции свое основное значение (например, хвостовые позвонки и аппендикс у человека).

9 января

Очередную страницу «Карамазовых» — «Братья Карамазовы» (1880) — роман Ф.М.Достоевского в 4-х частях.

10 января

«С той поры как мы уви-и...»

дились с тобой в сердце радость и парам-пам-пам — ношу — неточная цитата из песни «На лодке» (из фильма «Первая перчатка»; слова В.Лебедева-Кумача, музыка В.Соловьева-Седого): «С той поры, как мы увиделись с тобой, / В сердце радость и надежду я ношу, / По-другому и живу я, и дышу, / С той поры, как мы увиделись с тобой».

Как у нас в садочке!

Как у нас в садочке!

Ро-озы ра-а-асце-эли-и! — цитата из популярной песни 50-х годов «Красная розочка». Автор текста — Р.Жак, композитор — Б.Седлачек. Песня исполнялась чешской певицей Геленой Лоубаловой (см. запись от 25 июня 1957 года).

13 января

У Кагановича — задняя нога!.. — Л.М. Каганович (1893—1991) — в 20-е годы — секретарь ЦК РКП(б), генеральный секретарь ЦК КП(б) Украины, в 30-е годы — нарком путей сообщения и нарком тяжелой промышленности.

У Энвера Ходжи — Энвер Ходжа (1908—1985), с 1948 — генеральный, а с 1954 года — 1-й секретарь ЦК Албанской партии труда (АПТ).

Вавилонская башня — «На всей земле был один язык и одно наречие... И сказали <люди>: построим себе город и башню, высотую до небес, и сделаем себе имя, прежде нежели рассеемся по лицу всей земли. И сошел Господь посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие. И сказал Господь: вот, один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать; сойдем же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого. И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город и башню. Посему дано ему <городу> имя: Вавилон, ибо там смешал Господь язык всей земли...» (Быт. 11:1-9.)

Бандунг — город в Индонезии, на о. Ява, административный центр провинции Западная Ява.

У Шепилова есть кадък — Д.Т.Шепилов (1905—1995), в 1952—1956 главный редактор «Правды», в 1955—57 секретарь ЦК КПСС, в 1956—57 министр иностранных дел СССР.

А отставка Идена! — Энтони Иден (1897—1977), премьер-министр Великобритании в 1955—1957. В 1935—38, 1940—45, 1951—55 — министр иностранных дел.

А Низами! — Гянджеви Абу Мухаммед Ильяс ибн Юсуф Низами (ок. 1141— ок. 1209), знаменитый азербайджанский поэт и мыслитель.

Дух Женевы — словосочетание «дух Женевы» ассоциируется с мирными, но безуспешными переговорами. Как свидетельствует И.Эренбург в своих воспоминаниях «Люди, годы, жизнь», «18 июля 1955 года, в первый день Женевского совещания четырех великих держав, Эйзенхауэр предложил вдохнуть новый дух в нашу дипломатию». Совещание, на котором присутствовали Хрущев, Даллес, Эйзенхауэр, Молотов, Булганин, Иден и другие, продолжалось пять дней, но ни по одному вопросу (а среди них были вопросы разоружения, вопросы европейской безопасности и пр.) не было достигнуто соглашения. Все дальнейшие переговоры были поручены министрам иностранных дел. Выражение «дух Женевы» с тех пор означает некий дух новизны, дух взаимопонимания и сотрудничества, дух неформального общения. Однако, судя по тому, что и министры ни о чем не договорились, то, по словам Эренбурга, «Дух Женевы» стал быстро испаряться». Впоследствии Венедикт Ерофеев снова использует это словосочетание в поэме «Москва — Петушки», назвав им один из коктейлей и добавив, что в напитке этом «нет ни капли благородства, но есть букет».

Разыгрывать роль мраморной Галатеи — имеется в виду легенда о скульпторе и царе Кипра Пигмалионе, который влюбился в изваянную им статую девушки Галатеи. По просьбе Пигмалиона богиня любви Афродита оживила Галатею, и скульптор женился на ней.

Если бы я очнулся в образе Петергофской статуи или Валаамовой ослицы. Петергоф (в 1956 г. — Петродворец) — город, расположенный в 30 км от Санкт-Петербурга на Финском заливе. В Петергофе находится знаменитый комплекс архитектурно-парковых ансамблей императорской России, включая статуи работы таких скульпторов, как И.П.Мартос, Ф.Ф.Щедрин, Ж.Д.Рашетт и др.

Валаамова ослица — по библейской легенде, ослица пророка Валаама однажды заговорила человеческим язы-

ком, протестуя против побоев (Числа, 22, 27—28). Выражение употребляется иронически в применении к молчаливым и покорным людям, неожиданно заговорившим, запротестовавшим.

14 января

Какой я, собственно, декадент? — декадентство (франц. *decadence*; от средневекового лат. *decadentia* — упадок) — обозначение течения в литературе и искусстве кон. XIX века, характеризующегося оппозицией к общепринятой «мещанской» морали, культом красоты как самодовлеющей ценности и, часто, эстетизацией греха и порока.

Тем более — футурист! — футуризм (от лат. *futurum* — будущее), авангардистское направление в европейском искусстве 1910—20-х гг., преимущественно в Италии и России. Для футуристической прозы весьма характерно переплетение документального материала и фантастики, а для поэзии — активное языковое экспериментирование.

15 января

Мама не умрет — «тамап» (франц.) — «мама».

17 января

Из Апатитского «Буфета» — Апатиты — город в Мурманской области, вблизи озера Имандра. Возник в 1935 как поселок в связи с разработкой Хибинских месторождений. «Буфет» — вероятно, название привокзального ресторана.

В одном из захолустий Кандалакши — Кандалакша — город в Мурманской области. В начале 40-х годов на железнодорожной станции в Кандалакше работал отец писателя В.В.Ерофеев.

«Вдоль по улице метелица метет» — одноименный романс на стихи Д.Глебова и музыку А.Варламова.

Перед портретом Косыгина — А.Н.Косыгин (1904—1980) — член ЦК КПСС, до 1960 г. — министр, а с 1964 по 1980 г. — председатель Совета Министров СССР.

19 января

Всегда только Т. — то есть «тьма».

Увлечение эргизмом — эргизм (от лат. ergo — «следовательно») — неологизм Ерофеева, им самим переводимый как «итожить», т.е. «делать выводы», «подводить итоги».

20 января

А вот у нас в Великих Луках — Великие Луки — город в Псковской области.

А мама все болеет... — ср. запись от 30 декабря 1956 года.

Zu Fuss gehen... erwacht... entwickeln... — «идти пешком», «пробуждается» и «тренировать», «развивать» (нем.).

Энт-гегент-рэтен... руихь — entgegentreten — «выступать против чего-либо, противиться» (нем.), ruhig — «тише!» (нем.)

26 января

Символизирует конвенцию 1888 года — имеется в виду конвенция, объявляющая Суэцкий канал национализированным имуществом Египетской республики. Подписана 29 октября 1888 года.

А Доманович восстает против традиции!.. — возможно, речь идет о Р.Домановиче (1873—1908) — сербском писателе, авторе сатирических рассказов и повестей.

Der Sohn — «сын» (нем.).

Мы сами, родимый, закрыли и так далее... — «Мы сами, родимый, закрыли орлиные очи твои» — строка из революционного траурного марша «Замучен тяжелой неволей» (автор текста — Г.А.Мачтет). Текст был написан в 1876 году на смерть студента П.Ф.Чернышева, обвиненного в антимонархистской пропаганде среди крестьян: «Наш враг над тобой не глумился, / Кругом тебя были свои.../ Мы сами, родимый, закрыли/ Орлиные очи твои». Характерно, что эту же строку использовал и Владимир Маяковский в поэме «Владимир Ильич Ленин» (1924): «Знаменные снова склоняются крылья, / Чтоб завтра опять подняться в бой — / «Мы сами, родимый, закрыли, / Орлиные очи твои!»

И «Мемуары» де-Коленкура — маркиз Арман Огюстен Луи де Коленкур (1773—1827) — в 1807—1811 посол Наполеона в Санкт-Петербурге. Автор мемуаров «Поход Наполеона в Россию».

Часть третья

30 января

Г.Семар «Далекie огни» — здесь и ниже — стихотворные стилизации самого Ерофеева, приписываемые его однокурсникам.

2 февраля

Schwester — сестра (нем.).

Sentiment — чувство (франц.).

4 февраля

Заочник — неустановленное лицо.

Читай Кольцова! Бернса! — А.В.Кольцов (1809—1842) — поэт околупушкинского круга, друг Вяземского и Жуковского, автор философской и любовной лирики, а также многочисленных «дум» и элегий. Роберт Бернс (1759—1796) — шотландский поэт, автор сатирических поэм и лирических стихотворений, прославляющих труд, свободу, самоотверженную любовь и дружбу.

9 февраля

ТНВЕ — смысл аббревиатуры не расшифрован.

12 февраля

Уткнусь в сочетание из четырех букв — то есть в слово «зима».

17 февраля

«Он пришел просто так» — здесь и ниже, как и в записи от 28 декабря 1956 года, перед нами ироническая стилизация под несуществующий дамский дневник.

Газопровод Саратов — Москва — «Саратов — Москва» — первый магистральный газопровод в СССР, общей длиной 831 км. Введен в эксплуатацию в 1946 году.

19 февраля

«Огонь желанья» — популярное в поэзии XIX в. выражение «огонь желанья» здесь, вероятно, восходит к стихотворению Ф.И.Тютчева «Люблю глаза твои, мой друг...» (1836): «Глаза, потупленные ниц/ В минуты страстного лобзанья,/ И сквозь опущенных ресниц / Угрюмый, тусклый огонь желанья».

26 февраля

Только романс Верстовского — А.Н.Верстовский (1799—1862) — знаменитый российский композитор и театральный деятель, представитель романтизма в русской музыке. Автор многих романсов и опер. В данном случае трудно определить, какой именно романс имеет в виду герой «Записок», возможно, речь идет о самом известном произведении Верстовского — «Черная шаль» на стихи Пушкина.

28 февраля

«Пусть будет завтра и мрак, и холод, —

Сегодня сердце отдам лучу!» — цитата из знаменитого стихотворения К.Д.Бальмонта «Хочу» (1902): «Пусть будет завтра/И мрак, и холод/ Сегодня сердце отдам лучу!/ Я буду счастлив! / Я буду молод! / Я буду дерзок! / Я так хочу!»

1 марта

Vestibulum — преддверие (лат.).

Sinus urogenitalis — мочеполовой синус (лат.).

Vestibulum vaginae — преддверие влагалища (лат.).

Uretra — уретра, мочеиспускательный канал (лат.).

Мюллеровы каналы — зачатки матки и яйцеводов у человеческого эмбриона до 2-го месяца развития.

Лишены мезодермальной оболочки — имеется в виду средний слой ткани у эмбриона.

И еще не достигли уретроректальной перегородки — имеется в виду перегородка, разделяющая клоаку эмбриона на мочеполовой синус и прямую кишку.

В образовании hymen 'a — hymen — девственная плева (лат.).

И выделительного канала аллантоиса — аллантоис — орган дыхания и место скопления продуктов выделения у эмбриона. У млекопитающих участвует в образовании плаценты.

Вольфовы каналы — зачатки семяпроводов у человеческого эмбриона до 2-го месяца развития.

Glandulae Bartholinii или Huguier — бартолиниевы железы, или железы преддверия влагалища служат для увлажнения слизистой оболочки влагалища.

Glans clitoridis — головка клитора (лат.).

Bulbus urethrae — также bulbus penis — луковица полового члена (лат.).

Praeputium clitoridis — крайняя плоть клитора (лат.).

Corpora cavernosa penis — пещеристые тела полового члена (лат.).

3 марта

Добравшись, наконец, до Грузинского сквера — вероятно, имеется в виду сквер на Грузинской площади, расположенный между Зоологическим проездом и ул. Климашкина.

Заставляет меня устремляться к воротам Большой Грузинской улицы — Б.Грузинская ул. расположена в центре Москвы, в районе метро «Краснопресненская», между ул. Красная Пресня и Тверской ул.

7 марта

Проходил по Тишинской площади — Тишинская площадь находится в месте пересечения Б.Грузинской улицы, Грузинского проезда и ул. Красина.

8 марта

У.П.З.Т.Н.Б. — П. — смысл аббревиатуры не расшифрован. Возможно, она имеет отношение к записи от 11 марта 1957 года.

11 марта

Я спешил к Краснопресненскому метро — имеется в виду станция метро «Краснопресненская».

12 марта

Успеешь ты еще раз десять послушать своего Равеля... — Морис Равель (1875—1937), французский композитор, яркий представитель импрессионизма в музыке. Автор многочисленных произведений, в том числе оперы «Испанский час» (1907), балета «Дафнис и Хлоя» (1912), «Болеро» (1928) и т.д.

14 марта

«Первая любовь» Константина Симонова — К.М.Симонов (1915—1979), советский поэт и писатель, общественный деятель, автор военной и гражданской лирики, многочисленных романов и пьес. *«Первая любовь»* (1936—1941) — знаменитая поэма Симонова, в которой тесно переплетаются военная и любовная линии.

Прочитывал ей Маринетти о поджигателях с почерневшими пальцами, которые зажгут полки библиотек — Филиппо Томмазо Маринетти (1876—1944) — итальянский писатель, глава и теоретик футуризма, автор поэм, пьес и романов. Герой «Записок» имеет в виду строки из «Первого манифеста футуризма»: «Пусть же они придут, веселые поджигатели с испачканными сажей пальцами! Вот они! Вот они!.. Давайте же, поджигайте библиотечные полки!»

«Не искушай меня без нужды возвратом нежности своей» — знаменитый романс М.И.Глинки на стихотворение Е.А.Боратынского «Разуверение» (1821).

Авангард или арьергард... — авангард (от франц. *avant-garde*) — здесь: передовая часть общества, коллектива. Арьергард (от франц. *arriere-garde*) — тыловая часть войск, высылаемая для прикрытия отхода главных сил.

Вас не будет ни в комсомоле, ни в тресте — имеется в виду Ремонтно-строительный трест, в котором в 1957 году Ерофеев работал грузчиком.

15 марта

Прадед мой сошел с ума — неподтвержденный факт. Возможно, очередная авторская мистификация.

Дед перекрестил дрожащими пальцами направленные на него дула советских винтовок — Василий Константинович Ерофеев был расстрелян в 1941 году в Архангельской тюрьме.

Отец захлебнулся 96-и градусным денатуратом — об обстоятельствах смерти В.В.Ерофеева см. комментарий к записи от 22 ноября 1956 года.

16 марта

Обвиняли меня в связях с Бериєю — Л.П.Берия (1899—1953) — в 1938—1946 гг. нарком и в 1953 г. — министр внутренних дел СССР.

Сквозь слезы цитировал графа Соллогуба — вероятно, имеется в виду В.А.Соллогуб (1813—1882), русский граф, писатель, мемуарист, автор повестей из светской жизни, комедий и водевилей.

А потомок Багратиона покушался на невинность мою! — П.И.Багратион (1765—1812) — князь, российский генерал от инфантерии. Участник Итальянского и Швейцарского походов А.В.Суворова, войн с Францией, Швецией и Турцией. В Отечественную войну 1812 года — главнокомандующий 2-й армией, смертельно ранен в Бородинском сражении.

18 марта

«Избавь свою Сар'у от пытки напр'асной...» — строка из стихотворения М.Ю.Лермонтова «Баллада» («Куда так проворно, жидовка младая...»): «Она говорила: «Мой ангел прекрасный!/Взгляни еще раз на меня.../ Избавь свою Сару от пытки напрасной,/ Избавь от ножа и огня...»

20 марта

«Партийная организация и партийная литература» — статья В.И.Ленина, опубликованная в журнале «Новая жизнь» № 12, 13 ноября 1905 г.

Вы без ума от Никиты Хрущева — Н.С.Хрущев (1894—1971) в 1953—1964 гг. — 1-й секретарь ЦК КПСС, одновременно в 1958—1964 председатель Совета Министров СССР.

К вашим услугам — *Белорусский вокзал* — Белорусский вокзал (бывший Смоленский, Александровский, Брестский, Белорусско-Балтийский). Открыт в 1870 г.; в 1909 г. перестроен (инженер И.И.Струков). Расположен на площади между Тверской улицей и Ленинградским проспектом. Обслуживает Белорусскую железную дорогу, связывающую Москву с западными регионами Российской Федерации, Белоруссией, Литвой и государствами Центральной и Восточной Европы.

21 марта

В пятницу 15 июня 56 г. скончался мой отец — указана истинная дата смерти В.В.Ерофеева.

В пятницу 5 октября 56 г. скончался мой брат — об обстоятельствах смерти Ю.В.Ерофеева см. комментарий к записи от 22 ноября 1956 года.

В пятницу 15 февраля 57 г. — моя матушка — А.А.Гущина, мать писателя, скончалась 11 августа 1972 года.

В пятницу 24 июня торжественно был вручен мне золотой аттестат — здесь и далее Ерофеев указывает истинные даты окончания школы, вселения в общежитие МГУ, выселения из него и т.д.

27 марта

Подвиг капитана Гастелло — Н.Ф.Гастелло (1908—1941), летчик, Герой Советского Союза (1941, посмертно). В начале Великой Отечественной войны, 26 июня, героически погиб, направив свой подбитый самолет в скопление машин и танков противника.

Пивная им. Красина — шутивное название пивной на ул. Красина, расположенной в центре Москвы, в районе станции метро «Краснопресненская». Л.Б.Красин (1870—1926) — инженер, нарком внешней торговли.

31 марта

«Восстаньте вы, самые древние, средние и последние отцы...» — здесь и далее — цитата из «Ригведы» (X, 15) — древнейшего памятника индийской словесности (конец II тыс. до н. э.), собрания гимнов, обращенных к богам и исполнявшихся во время жертвоприношений. Стихи этого гимна исполнялись в различных похоронных ритуалах и входят, в основном, в Книгу Мертвых.

Часть четвертая

1 апреля

Дуй горно! — горно (проф. арг. правильно — «горн») — здесь: печь с открытой неглубокой шахтой, используемая для плавки металлов в тиглях и нагрева заготовок перед ковкой. *Дуй горно!* — то есть «раздувай пламя в горне».

Людовику XVI-ому тоже отрубили голову! — Людовик XVI (1754—1793), французский король, казненный в начале Великой французской революции.

Юнону изнасиловал бог Вулкан, Минерву — властитель Аида! — Юнона — римская богиня брака, материнства и женской производительной силы. Вулкан — римский бог разрушительного и очистительного пламени, защитник от пожаров. Минерва — римская богиня — покровительница ремесел и искусств. Властитель Аида — имеется в виду Плутон (Аид, Гадес) — греческий бог царства мертвых.

«Я — мать владыки Гора, и никто не поднимал моего платья!» — Гор — древнеегипетский бог солнца, по легенде — сын бога Озириса и Исиды, богини плодородия, воды и ветра. Герой «Записок» дословно цитирует надпись на одном из египетских храмов Исиды.

3 апреля

Жюль Верн и Дюма — порождение одной нации — Жюль Верн (1828—1905), французский писатель, один из создателей жанра научной фантастики. Автор многочис-

ленных научно-фантастических, приключенческих и социально-утопических произведений. Александр Дюма (1802—1870) — французский писатель (Дюма-отец), автор многочисленных историко-авантюрных романов: трилогия «Три мушкетера» (1844), «Двадцать лет спустя» (1845), «Виконт де Бражелон» (1848—50); «Королева Марго» (1845) и т.д.

Читает Генриха Манна — Генрих Манн (1871—1950), немецкий писатель, брат писателя Томаса Манна, автор социально-нравственных романов о Германии «бюргерской» (1914) эпохи, в т.ч. «Учитель Гнус» (1905) и «Верноподданный» (1914).

Ходят себе в бостоновых костюмах — бостон — плотная шерстяная ткань с мелкими наклонными рубчиками.

Она живет черт знает где, на Калужской — имеется в виду Калужская площадь, расположенная в районе станции метро «Октябрьская», или Б.Калужская улица — ныне отрезок Ленинского проспекта от Садового кольца до пл. Гагарина.

4 апреля

Запись представляет собой цитаты из Нового Завета (в основном, из Евангелия от Матфея), сгруппированные таким образом, чтобы наглядно продемонстрировать многочисленные противоречия в словах Христа.

«Тогда приходят к нему ученики Иоанновы и говорят: почему мы и фарисеи постимся много, а Твои ученики не постятся?»

И сказал им Иисус:

«...вино молодое вливают в новые мехи» — Мф. 9:14-15, 17.

«Не думайте, что Я пришел нарушить закон» — Мф. 5:17.

«Никто не может служить двум господам» — Мф. 6:24.

«Отдавайте кесарево — кесарю, а божие — богу» — Мф. 22:21, Мк 12:17, Лк 20:25.

«Блаженны нищие духом» — Мф 5:3, Лк 6:20.

«Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» — Мф. 10:16.

«Оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей... Что бог сочетал, того человек не разлучает» — Мф. 19:5.

«Всякий, кто оставит... жену... ради имени моего... наследует жизнь вечную» — Мф. 19:29.

«Не мир пришел я принести, но меч» — Мф. 10:34.

«Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими» — Мф 5:9.

«Ибо, кто возвышает себя, тот унижен будет» — Мф. 23:12.

«Вы от нижних, я — от вышних» — Ин. 8:23.

«И во всех народах прежде должно быть проповедано Евангелие» — Мк. 13:10.

«На путь к язычникам не ходите» — Мф. 10:5.

«Если кто приходит ко мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены, и детей, и братьев, и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть моим учеником» — (Лк. 14:26).

«Почитай отца своего и мать свою» — (Мк. 7:10).

«Царство мое не от мира сего» — (Ин. 18:36).

«Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю» — (Мф. 5:5).

«Не противься злему» — (Мф. 5:39).

«Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь» — (Мф. 7:19).

«Что говорю вам в темноте, говорите при свете, и, что на ухо слышите, проповедуйте на кровлях» — (Мф. 10:27).

«Остерегайтесь же людей: ибо они будут отдавать вас в судилище и в синагогах своих будут бить вас» — (Мф. 10:17).

7 апреля

В позу Наполеона — то есть сложив руки на груди.

Принял позу, среднюю между аристотелевской и сократовской — возможно, говоря об «аристотелевской позе», герой имеет в виду картину Рембрандта «Аристотель», на которой древнегреческий философ изображен во весь рост — слегка склонив голову, он задумчиво глядит «в никуда», хотя рядом с ним стоит мраморный бюст Го-

мера. Сократовскую позу ошибочно принято смешивать с позой роденовского «Мыслителя», сидящего на камне и подпирающего лоб кулаком. Очевидно, эту же позу имел в виду и герой Ерофеева. Однако Рафаэль на своей фреске «Афинская школа» изображал Сократа стоящим во весь рост и рубящим ладонью воздух.

Не Поспелов? — нет! Не Даргомыжский? — нет!.. Беркли? Симонян? Заратустра? Жуков?.. Назым Химкет? Нежданова? Прометей? Чернов? Рафаил? Микоян?.. Леонардо да Винчи? — П.Н.Поспелов (1898—1979), российский политический деятель, историк, академик АН СССР (1953), в 1953—1960 секретарь ЦК КПСС. А.С.Даргомыжский (1813—69) — русский композитор, один из основоположников русской классической музыки, автор многочисленных произведений, в частности, оперы «Русалка» (1855, по драматической поэме А.С.Пушкина). Дж. Беркли — (1685—1753), английский философ; епископ в Клойне (Ирландия), основоположник эмпириокритицизма и неопозитивизма. Н.П.Симонян (р. 1926) — российский спортсмен, один из лучших центральных нападающих отечественного футбола, заслуженный мастер спорта (1954), чемпион Олимпийских игр (1956), чемпион СССР (1952, 1953, 1956, 1958), обладатель Кубка СССР (1950, 1958). Заратустра (между X и первой половиной VI в. до н.э.) — пророк и реформатор древнеиранской религии. Жил в восточном Иране. Основатель зороастризма. Составил древнейшую часть священного текста Авесты — Гаты. Предложил радикальное изменение пантеона богов, который превратился в монотеистический и дуалистический. Г.К.Жуков (1896—1974) — маршал Советского Союза (1943), четырежды Герой Советского Союза, в 1955—1957 — министр обороны СССР. Назым Химкет Ран (1902—1963) — турецкий писатель, коммунист, общественный деятель, автор злободневных пьес и сценариев. 17 лет провел в турецких тюрьмах, с 1951 жил в СССР. А.В.Нежданова (1873—1950) — певица, народная артистка СССР (1936), доктор искусствоведения (1944). Прометей — в греческой мифологии титан, похитивший у богов с Олимпа огонь и пере-

давший его людям. За это по приказу Зевса был прикован к скале и обречен на постоянные муки. В.М.Чернов — (1873—1952), один из основателей партии эсеров. В 1917 г. министр земледелия Временного правительства, 5(18) января 1918 г. избран председателем Учредительного собрания. Рафаил — архангел-целитель, излечивающий человеческие недуги, на иконах изображается держащим в левой руке сосуд с лекарственными снадобьями. А.И.Микоян (1895—1978) — в 1955—1964 гг. — 1-й заместитель председателя Совета Министров СССР. Леонардо да Винчи (1452—1519) — знаменитый итальянский живописец, скульптор, архитектор, ученый, инженер. Автор многочисленных открытий, проектов и экспериментальных исследований в области математики, естественных наук и механики.

29 апреля

Цитируете Игнатия Лойолу — И.Лойола (1491—1556) — испанский дворянин, основатель ордена иезуитов.

В «Кратком курсе» его не было — имеется в виду «Краткий курс истории ВКП(б)», впервые изданный в 1938 году.

Даже Кальвин — Ж.Кальвин (1509—1564) — выдающийся деятель эпохи Реформации, теолог, основатель кальвинизма (разновидности протестантизма), для которого характерна исключительно важная роль предопределения в жизни человека.

6 мая

Над кинотеатром «Пламя» — кинотеатр «Пламя» находился в высотном здании на площади Восстания (ныне — Кудринская пл.), неподалеку от станции метро «Краснопресненская».

В объятиях Тайницкой башни — Тайницкая башня — одна из башен московского Кремля, возведенная в 1485 году. Получила свое название из-за подземного тайного хода, ведущего из Кремля к Москве-реке.

14 мая

На Канатку ему, собаке, хочется — Канатка (разг. от «Канатчикова дача») — имеется в виду знаменитая 1-я городская психиатрическая больница им. Н.А.Алексеева, расположенная на территории бывшей дачи купца Канатчикова (в районе станции метро «Тульская») и получившая от этого свое название. Долгое время клиника носила имя своего главного врача — П.П.Кашенко.

Ка-агда я пья-а-ан... — неточно цитируется третий куплет гусарской песни «Пускай погибну безвозвратно»: «Когда я пьян, / А пьян всегда я, / Ничто меня не утешит, И никакая сила ада / Мое блаженство не смутит».

Мне-э-э ррро-оди-ну-у-у... — строки из песни «Среди долины ровныя» (текст написан в 1810 г. А.Ф.Мерзляковым, композитор — предположительно Д.Кашин, оригинальное название — «Песня»): «Возьмите же всё золото, / Все почести назад;/ Мне родину, мне милую, / Мне милой дайте взгляд!».

Я линию Маннергейма... брал с боем — линия Маннергейма — система финских укреплений на Карельском перешейке вдоль границы с СССР. Сооружалась в 1927—1939 гг. Советские войска дважды прорвали «линию Маннергейма»: в советско-финляндскую войну (1939—1940) и в Великую Отечественную войну (1944), после чего все укрепления были разрушены.

15 мая

Вы, видящие бедствия над вашими головами... (Криш.) — запись, по-видимому, представляет собой неустановленную цитату из «Бхагавадгиты» или мастерскую стилизацию под «Бхагавадгиту». Криш. — Кришна — индуистский бог, герой нескольких священных текстов (в частности, «Бхагавадгиты»), представляемый обычно как царь-воин или пастух.

27 мая

Я походил на Демосфена — Демосфен (384 до н. э. — 322 до н. э.) — знаменитый древнегреческий оратор и

государственный деятель, руководитель антимакедонской партии, протестующей против установления гегемонии македонского царя Филиппа II на Балканах.

31 мая

«*Со святыми упоко-о-ой...*» — цитата из заупокойной литургии: «Со святыми упокой, Христе, душу раба Твоего (раб Твоих), идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь безконечная».

7 июня

Триумвиров не нужно! — триумвир — член триумvirата, древнеримского союза из трех политических деятелей.

9 июня

Пшеницына тоже была такая... Обломову нравились локти — Агафья Матвеевна Пшеницына и Илья Ильич Обломов — герои романа И.А.Гончарова «Обломов» (1859).

11 июня

Меня похоронили на Ваганьковском кладбище — Ваганьковское кладбище — знаменитое номенклатурное кладбище Москвы, где похоронены различные деятели культуры и искусства. Расположено неподалеку от станции метро «Улица 1905 года». Характерно, что в 1990 году, после смерти Венедикта Ерофеева, действительно решался вопрос о его захоронении на Ваганьковском кладбище. Однако по воле вдовы писателя Ерофеев был похоронен в Кунцеве.

12 июня

Ерофеева Анна, Ерофеев Василий... — данная запись представляет собой перечень лиц, так или иначе имевших отношение к жизни не только главного героя, но и самого автора. Список поделен на четыре части, которые мы предположительно классифицируем следующим образом: 1) Родители, родственники и соученики Еро-

феева по детскому дому в Кировске (1938—1953); 2) список одноклассников Ерофеева (средняя кировская школа № 1, 1953—1955); 3) неполный список однокурсников Ерофеева (филфак МГУ, 1955—1957); 4) неполный список лиц, окружающих Ерофеева в Ремстройтресте и общежитии Ремстройтреста (1957).

16 июня

Капризная Туче — Тихе — божество случая в греческой мифологии.

Хибинские горы — Хибинские горы (Хибины) — горный массив на Кольском полуострове, где родился Венедикт Ерофеев.

Красный уголок черемушкинского общежития — имеется в виду одно из общежитий МГУ, которое в середине 50-х годов располагалось в юго-западной части Москвы, на 5-й Черемушкинской улице (ныне — улица Кржижановского). Обучаясь на первом курсе филфака МГУ, Венедикт Ерофеев жил там.

25 июня

С «Половецким хором» Бородина — имеется в виду номер «Хор и пляска половецких девушек» из оперы «Князь Игорь» А.П.Бородина.

С «Поэмой экстаза» Скрябина — «Поэма экстаза» (1908) — симфоническое произведение А.Н.Скрябина.

С куплетами и серенадой Мефистофеля — имеются в виду куплеты и ария Мефистофеля из оперы Ш.Гуно «Фауст» (1859).

С «Цыганской песней» Верстовского — «Цыганская песня» («Старый муж, злобный муж...») (1823) — текст песни взят из поэмы А.С.Пушкина «Цыганы».

С... 1-ой частью 1-ой симфонии Калининкова — В.С.Калинников (1866—1901) — русский композитор и дирижер. 1-я симфония написана в 1895 году.

С романсом Листа «Как дух Лауры...» — Ф.Лист (1811—1886) — венгерский композитор, выдающийся пианист, дирижер, автор многочисленных фортепианных и симфонических произведений, представитель романтизма

в музыке. Романс «Как дух Лауры...» написан на стихи французского поэта В.Гюго.

«Интермеццо» Чайковского — П.И.Чайковский (1840—1893) — выдающийся русский композитор, автор многочисленных опер, балетов и фортепианных произведений. Возможно, герой «Записок» имеет в виду его «Интермеццо» из «Сюиты № 1» d-moll для симфонического оркестра.

С песенками Лоубаловой — Гелена Лоубалова — популярная в 50-е годы чешская исполнительница эстрадных песен на русском и чешском языках. Наиболее знаменита в ее исполнении песня «Красная розочка» (см. комментарии к записи от 10 января 1957 года).

Июль

Бедный Юрик — возможно, в данном словосочетании присутствует игра слов — ср.: «Бедный Йорик!» — крылатая фраза Гамлета, обращенная к черепу королевского шута.

6 августа

«Я взглянул окрест себя...» — начало цитаты из произведения А.Н.Радищева (1749—1802) «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790): «Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвленна стала».

«...И потирая руки, засмеялся довольный» — цитата из мемуаров М.Горького «В.И.Ленин»: «Потом, глядя на меня азиатскими глазками, <Ленин>спросил: — Кого в Европе можно поставить рядом с ним? Сам себе ответил: — Некого. И, потирая руки, засмеялся довольный, жмурясь, точно кот на солнце».

9 августа

Любимая Саша! Итак, прощай, все конечно меж нами, любить тебя я больше не могу... — здесь и далее, в виде «пролетарского» любовного послания цитируется широко известное в городском любовном фольклоре стихотворение:

«Итак, прощай! Все кончено меж нами.
Тебя любить я больше не могу.
Свою любовь я утолю слезами,
Все прошлое ногами затопчу.

Но быть игрушкой твоей я не желаю.
Тебя прошу я только об одном:
Как друга умоляю! Не поминай!
Не лихом ни добром!

Насмешек я твоих не заслужила
И знаю — не могла тебя ничем я огорчить.
Ты только знай, что я тебя любила.
Зато теперь стараюсь позабыть...

Итак, прощай! Нам нужно расставаться
Причина ясная — нам, видно, не судьба.
Давай останемся друзьями
И красиво разойдемся навсегда!»

22 августа

500 г жигулевского пива — «Жигулевское» пиво — весьма распространенный дешевый сорт советского пива.

О тщеславии Карла IX — имеется в виду французский король Карл IX Валуа (правил в 1550—1574 гг.), герой романов «Хроника времен короля Карла IX» П.Мериме и «Королева Марго» А.Дюма.

Пропеть... моцартовскую колыбельную — имеется в виду детская колыбельная «Спи, моя радость, усни» (автор русского текста С.Свириденко), чья музыка приписывается В.А.Моцарту.

24 августа

Обитательницы Груз<инского> вала — Грузинский вал — улица в центральной части Москвы неподалеку от станции метро «Краснопресненская».

Сентябрь

Почему призывники 35 года полегли тысячами в Венгрии? — то есть призывники 1935 года рождения.

1 октября

Склонные к эклектизму — эклектизм, эклектика — механическое соединение разнородных, часто противоположных принципов, взглядов, теорий, художественных элементов и т.п.

«Птица создана для счастья, как человек для полета» — каламбурное обыгрывание крылатого афоризма «Человек создан для счастья, как птица для полета» из очерка В.Г.Короленко «Парадокс» (1894).

Не могли предвидеть «бурного развития реактивной техники» — в 1955 году в СССР был создан специальный комитет при Совете Министров, координировавший все вопросы по созданию реактивной техники. В 1957 году спецкомитет был преобразован в комиссию Президиума Совета Министров СССР по военно-промышленным вопросам.

На соседнем острове, носящем чрезвычайно глупое название «Капри», скончался последний Буревестник — Капри — остров в Тирренском море, входит в состав Италии, знаменит своими климатическими курортами. С 1908 по 1913 годы на Капри жил Максим Горький, автор знаменитой «Песни о буревестнике» (1901).

*Салавей, салавей,
Пта-а-ашечка,*

Канаре-е-ечка-а! — начальные строки припева старинной солдатской песни «Соловей»: «Соловей, соловей, / Пташечка, / Канареечка жалобно поет! / Раз поет, два поет, три поет / Канареечка жалобно поет!»

Разбуженные еще залпом Авроры — «Аврора» — знаменитый крейсер Балтийского флота, участвовал в Цусимском сражении 1905 года. Вечером 7 ноября 1917 года «Аврора» холостым выстрелом из орудия дала сигнал к захвату большевиками Зимнего дворца.

К несчастью им оказался «проскрипционный» — проскрипционный список — в древнем Риме — список лиц, объявленных вне закона за политические преступления.

«Гибель орла» — детский советский фильм (режиссер — В.Н.Журавлев, автор сценария — Г.Гребнер), вышел на экраны в 1941 году.

В воздухе словно звенел алябьевский соловей — имеется в виду романс А.А.Алябьева «Соловей» (1826) на стихи А.А.Дельвига.

12 октября

Вы, наверное, думали, что я снова «Жаворонок» вам буду играть — «Жаворонок» (1840) — романс М.И.Глинки на стихи Н.В.Кукольника. Венедикт Ерофеев, по воспоминаниям, обладал хорошим слухом, но никогда не играл на музыкальных инструментах.

16 октября

Постановка «Нормы»... — «Норма» (1830) — опера В.Беллини на либретто Ф.Романи по одноименной драме А.Суме. Действие происходит в Галлии, захваченной римлянами. Опера начинается с полуночного собрания друидов в священной роще, которые обсуждают грядущий конец чужеземного ига.

Пришибеевщина!.. — от фамилии главного героя рассказа А.П.Чехова «Унтер Пришибеев» (1885). Чеховский герой, унтер-офицер Пришибеев занимается кляузничеством и насаждает в родной деревне свои порядки, хоть и не является должностным лицом.

24 октября

Я — мочка левого уха Людовика Восемнадцатого — Людовик XVIII (1755—1824) — король Франции, младший брат Людовика XVI. Взошел на престол в 1814 году, учредил конституционную монархию, признавая некоторые достижения революции и наполеоновского режима.

Я — сумма двух смертоносных орудий... — то есть серпа и молота.

Переход через Рубикон — Рубикон — река на Апеннинском полуострове. До 42 г. до н. э. являлась границей между Италией и римской провинцией Цизальпинская Галлия. В 49 г. до н. э. Цезарь из Галлии перешел с войском Рубикон, тем самым нарушил закон и начал гражданскую войну. Выражение «перейти Рубикон» означает «принятие бесповоротного решения».

Мадам Дезульер — Антуанетта де Лижье де Лагард Дезульер (1637—1694) — французская поэтесса. Ее идиллии были популярны в XVIII — начале XIX в. в России, наиболее известны переводы А.Ф.Мерзлякова.

Феликс Дзержинский — Ф.Э.Дзержинский (1877—1926) — организатор и председатель Всероссийской Чрезвычайной Комиссии (ВЧК).

В районе города Исфагань — Исфаган — город на территории современного Ирана, к югу от Тегерана. В XVII в. являлся столицей Ирана.

Водевильист Боборыкин — П.Д.Боборыкин (1836—1921) — русский беллетрист, автор романов «Дельцы» (1872—1873), «Китай-город» (1882) и др.

1 ноября

«Сегодня случилось одно незабываемое событие» — здесь и далее — выдержки из несуществующих дневников соседей Ерофеева по общежитию Ремстройтреста.

3 ноября

2-ая соната Бетховена! — имеется в виду «Соната № 2 для фортепьяно» Л. ван Бетховена.

Ария Каварадосси! — контаминация названий двух музыкальных произведений: ария Каварадосси и «Ода к радости». Художник Марио Каварадосси — один из главных героев оперы Дж. Пуччини «Тоска» (1899): имеется в виду его знаменитая предсмертная ария «E lucevan le stelle» («В небе звезды горели»). Возможно также, что герой имеет в виду рассказ Виктора Астафьева «Ария Каварадосси», впервые опубликованный в 1955 году. «Ода к Радости» — финал «Симфонии № 9» Л. ван Бетховена на слова И.В.Гете.

* * *

Рукопись содержит перечень всех дат дневника, причем крестиком отмечены записи 1956 года, «сделанные в нетрезвом состоянии»: 15 октября, 18 октября, 25 октября, 31 октября, 11 ноября, 12 ноября, 17 ноября, 25 ноября, 29 ноября, 3 декабря, 14 декабря, 15 декабря, 19 декабря, 22 декабря, 24 декабря, 25 декабря.

Именной указатель

Одним из характерных признаков первого произведения Ерофеева является тесное переплетение документального материала и откровенно фантастических, намеренно утрированных и гротескных деталей. Именно поэтому в «Записках» присутствует масса реальных лиц, которые помещены в абсолютно вымышленные, никогда не имевшие места ситуации или наделены не характерными им свойствами и чертами (часто весьма отталкивающими).

Чувствуя некоторую неловкость перед живыми участниками описанных событий, в этом общедоступном издании я решил не уточнять степень достоверности того или иного факта (кроме тех случаев, где это необходимо или документально подтверждено), а также не уточнять степень родства или близости между героями там, где это неясно из контекста. Иными словами — не пытаться представить описанные события как стопроцентную реальность. По предварительным моим подсчетам, вымышленные диалоги, поступки, лица и т.д. составляют более 60% от всего текста! Множество фактов пока еще (или уже) невозможно проверить. А значит, слишком велика вероятность причинить кому-то непоправимый моральный, а то и физический ущерб. Данный же указатель, по моему замыслу, должен просто помочь читателю расставить многочисленных героев по надлежащим местам и временам. Курсивом в указателе отмечены те имена или инициалы, носители которых являются предположительно несуществующими фигурами.

Алексей Яблоков

- А. Терентьев — см. Терентьев
 А. Ченцов — см. Ченцов
 А.Б.М. — см. Мартынова
 А.Г. — см. Музыкантова
 А.Г.М. — см. Музыкантова
 А.М. — см. Мартынов
 А.М. — см. Мартынова
 Абг'ам
 Абдуррахманов В.В. — см. Абдуррахманов
 Абдуррахманов, Владимир
 Абдуррахманова, Светлана
 Абрамов, Яков
 Аграфена З. — см. Захарова Аграфена
 Александр
 Александр С. — см. Савельев Александр
 Алешин, Альберт
 Алферов, Альберт
Анастас
 Анатолий П.
 Андреев, Василий
 Андреев, Николай
 Анечка — см. Бабенко
 Аничка — см. Бабенко
 Анна Андреевна — см. Ерофеева
 Анна
 Анна Б. — см. Бабенко
 Анна Бабенко — см. Бабенко
Анна С.
 Ант. Григ. — см. Музыкантова
 Антонина — см. Музыкантова
 Антонина Григ. — см. Музыкантова
 Артюхов, Станислав
 Б.
 Бабенко, Анна
 Балуков, Владимир
 Бегичев, Михаил
 Белоусова, Людмила
 Бирин, Владимир
 Боренька — см. Ерофеев Борис
 Боринька — см. Ерофеев Борис
 Борис — см. Ерофеев Борис
 Борис Ер. — см. Ерофеев Борис
 Бочков, Сергей
 Бридкин, Владимир
 Бучина, Анна
 Быкова, Валентина
 Былинков, Алексей
 В. Гл. — см. Глотов
 В. Муравьев — см. Муравьев Владимир
 В. Скороденко — см. Скороденко
В.М.
 В.Я. — см. Якунин
 Валерий С. — см. Савельев
 Валерий Савельев — см. Савельев Валерий
 Валерик — см. Савельев
 Валинька — см. Ракусова
 Валинька (2)
 Ванюгина, Катерина
 Варзин, Александр
 Варзова, Александра
 Венед. Ер. — см. Ерофеев Венедикт
 Венедикт — см. Ерофеев Венедикт
 Вениамин — см. Ерофеев Венедикт
 Веничка — см. Ерофеев Венедикт
 Венька — см. Ерофеев Венедикт,
 Вера Алексеевна Р.
 Видуэцкая, Ирма
Виктор
 Витинька
 Вл. Бр. — см. Бридкин
 Вл. Бридкин — Бридкин
 Владимир А. — см. Абдуррахманов
 В-мир Мур-в — см. Муравьев Владимир
 Водовозов, Игорь
 Волкович, Андрей
Ворошин
 Ворошнина, Лидия
 Г. Семар — см. Семар
 Геннадий С. — см. Сейфутдинов
 Глинка, Виктор
 Глотов, Виктор
 Горбов, Виктор
 Горчаков, Владимир
 Горчаков, Петр
 Гранька — см. Захарова Аграфена
 Григорьевна — см. Музыкантова
 Гроза, Альберт
 Грязнов, Сергей
 Гуло, Спиро
 Гуржибекова, Ирина
 Гушина, Тамара
 Дзягин, Виктор
 Джульетта — см. Остаева
 Дремин, Юрий
 Дробышев, Алексей
 Дунина, Алла

Егорова, Евгения
Елисева, Анна
Елисева, Мария
Ерофеев — см. Ерофеев Венедикт
Ерофеев, Борис
Ерофеев, Василий
Ерофеев, Венедикт
Ерофеев, Юрий
Ерофеева, Анна
Ерофеева, Нина
Жуковская, Елена
Журавлева, Анна
Закк, Валентина
Захарова, Аграфена
Захарова, Валентина
Зеленов А.И — см. Зеленов
Зеленов, Александр
Землянкин
Зименкова, Алла
Зина
Иван А.
Иванова, Изольда
Ивлев, Николай
Ирка
К.
К. Кузнецов — см. Кузнецов
К.К. — см. Кузнецов
Кавезин, Юрий
Капустьянов, Петр
Карапетян, Тигран
Катаев, Владимир
Катихин
Кирилл — см. Кузнецов
Киселев, Анатолий
Киселева, Лора
Кобяков, Лев
Козин, Вениамин
Коля С.
Коновалова, Валентина
Коростин, Александр
Коршунова, Галина
Костюхин, Евгений
Краснова, Нина
Кузнецов, Кирилл
Кузьмин, Юрий
Кули-баба, Иван
Курина, Светлана
Курников, Владимир
Кучияк, Александр
Л. Самосейко — см. Самосейко
Л.А.В. — см. Ворошнина
Л.К.

Л.М.
Л.С. — см. Самосейко
Ладугенко, Яков
Левшунов, Андрей
Лидия — см. Ворошнина
Лидия Александровна — см. Ворошнина
Лидка — см. Ворошнина
Литовченко, Галина
Литовченко, Светлана
М. Петросян — см. Петросян
Майя — см. Полидва
Малютин
Малютин, Вадим
Мария С.
Мартынов, Александр
Мартынова, Александра
Мартынова, Антонина
Мартынова, Мария
Марья Трофимовна
Матусовский
Мелкова, Мария
Минечка
Миронов, Михаил
Миронова, Валентина
Мих. — см. Михайлов
Мих. Мир. — см. Миронов
Михайлов, Леонид
Мишенька
Морозов, Борис
Морозова, Валентина
Мошкина, Татьяна (?)
Муз — см. Музыкантова
Музыкантиха — см. Музыкантова
Музыкантова, Антонина
Мур — см. Муравьев Владимир
Муравьев, Владимир
Муравьев, Леонид
Мурков
Мягченков, Сергей
Н. Рубцов — см. Рубцов
Н. Тарлашев — см. Тарлашев
Николай А. — см. Андреев
Никонова, Ольга
Нина — см. Харченко
Ниния Ерофеева — см. Ерофеева
Нина
Новиков, Юрий
Новикова, Юлия
Нога, Николай
Носкова, Антонина
О.Н. — см. Никонова

Олька — см. Никонова
Орлова, Лидия
Остаева, Джульетта
П.Я. — см. Яцкявичус
Павлов, Николай
Панасова, Валентина
Перевозчикова, Маруся
Петенька — см. Рошин
Петришин, Яков
Петросян, Михаил
Плошкин, Юрий
Полидва, Майя
Пономарева, Любовь
Р. Гуржибекова — см. Гуржибекова
Ракусова, Валентина
Рассадин, Владимир
Розенбаум, Альберт
Романев, Юрий
Рошин, Петр
Рубцов, Николай
Руднева
Рябцов, Виталий
Ряховский, Владимир
С. Гуло — см. Гуло
С. Саитов — см. Саитов
Савельев, Александр
Савельев, Валерий
Самосейко, Леонид
Саша — см. Мартынова
Сашенька — см. Александр
Сашенька (2) — см. Мартынова
Светка — см. Абдуррахманова
Свиридов, Виктор
Свищева, Валентина
Сейфудинов, Геннадий

Селиверстова, Анна
Семар, Геннадий
Сибиряков, Виктор
Сикорский, Виктор
Симонов, Афанасий
Скороденко, Владимир
Смирнова, Нина
Смыченко, Владимир

Спиро — см. Гуло
Ст. Г.
Ст. III
Станкевич, Станислав
Сухоруков, Геннадий
Т. Мошкина — см. Мошкина
Т.В. — см. Гущина
Тамара — см. Гущина
Тамара Васильевна — см. Гущина
Тамария Ерофеева — см. Гущина
Таничка — см. Мошкина
Тарлашев, Николай
Терентьев, Александр
Теучеж, Наталья
Тимофеев, Петр
Тихомиров, Виктор
Тонька — см. Музыкантова
Турунина, Валентина
Успенский, Борис
Ф.
Фаина
Федоров, Юрий
Федотов, Николай
Фомин, Геннадий
Фомочка — см. Фомин
Фын-лин, Ли
Харченко, Нина
Харчук, Анатолий
Ченцов, Анатолий
Шамовский
Шестопапов, Илья
Шиляев, Геннадий
Шкатова
Щербакова, Дарья
Ю. Романев — см. Романев
Юленька
Юрий — см. Ерофеев Юрий
Юрий Васильевич — см. Ерофеев
Юрий
Юрик — см. Ерофеев Юрий
Юрик (2) — см. Плошкин
Якунин, Владимир
Якунин, Серафим
Яцкявичус, Пранас

Содержание

Записки психопата	5
Записки редактора психопата	215
Комментарий	229
Именной указатель	266

Венедикт Ерофеев
ЗАПИСКИ ПСИХОПАТА
Первая публикация полного текста
Редакция, послесловие, комментарий
и указатель Алексея Яблокова

Редактор
Игорь Захаров

Художник
Григорий Златогоров

Верстка
Кирилл Лачугин

ISBN 5-8159-0430-9

Директор издательства Ирина Евг. Богат

Издатель Захаров
Лицензия ЛР № 065779 от 1 апреля 1998 г.
121069, Москва, Столовый переулок, 4, офис 9
(Рядом с Никитскими Воротами,
отдельный вход в арке)

Тел.: 291-12-17, 258-69-10

Факс: 258-69-09

Наш сайт: www.zakharov.ru
E-mail: zakharov@dataforce.net

Подписано в печать 01.09.2004. Формат 84×108^{1/32}.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 14,28. Тираж 5000 экз. Изд. № 430. Заказ № 527

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ФГУИПП «Уральский рабочий»
620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
<http://www.uralprint.ru>
e-mail: book@uralprint.ru

КНИГИ «ЗАХАРОВА» В РОЗНИЦУ
Самый полный ассортимент и минимальные цены!

**КНИЖНАЯ ЛАВКА
ПРИ ЛИТЕРАТУРНОМ ИНСТИТУТЕ
ИМЕНИ А.М.ГОРЬКОГО
(ООО «СТАРЫЙ СВЕТ»)**

103104, Москва, Тверской бульвар, 25
(вход только с ул. Большая Бронная,
метро «Пушкинская», «Тверская»)

понедельник—пятница с 11.00 до 19.00
суббота с 12.00 до 17.00

тел.: (095) 202-8608; e-mail: vn@ropnet.ru

На территории США и Канады книги
издательства «Захаров» оптом и в розницу
можно приобрести по адресу:

**Petropol, Inc.
1428 Beacon Street
Brookline, MA 02446
(617)232-8820**

**Интернет магазин:
WWW.PETROPOL.COM**

Семья Ерофеевых. Слева направо: сестра Тамара, жена брата Юрия с ребенком, мать Анна Андреевна, Борис и Венедикт

Венедикт Ерофеев (1938 – 1990) прославился в первую очередь как автор поэмы «Москва – Петушки» (1970) и пьесы «Вальпургиева ночь» (1985). Однако в каждом интервью писатель упоминал о своем первом крупном произведении – «Записках психопата» (1957), подчеркивая, что не отказался бы опубликовать его и сейчас. В 2000 году произведение вышло в свет, однако было сокращено в три раза и впоследствии переиздавалось в таком же урезанном виде.

«Захаров» впервые в мире представляет полный вариант «Записок психопата», кропотливо выверенный по авторской рукописи и избавленный от многочисленных ошибок и пропусков, допущенных в прежних публикациях.

Когда меня спрашивают: «Гражданин, вы на следующей сходите?», мне кажется, что меня дразнят. Стоит, мол, нарочно, чтобы мешать. Без билета... а ведь смотрит на всех так, как будто бы кто-то виноват, что ему приходится стоять... Не знает сам, куда едет... Удивительный пассажир!

Даже в голосе чувствуется злоба: «Путается... Отшел бы в сторонку, что ли...»

И я просто не могу их понять. Задевать безобидного – это же... Да и какое им дело! Разве я виноват, что меня толкнули сюда! Они же сами видят, что мне не только что отойти в сторону – мне даже повернуться невозможно...

Я, может, для того и еду, чтобы понять: для чего же едут другие... И вообще: для чего входить туда, откуда есть выход...
